

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

44 2025
ЧАСТЬ IV

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 44 (595) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Никос Логотетис (1950), греческий биолог и нейробиолог.

Никос Логотетис родился в 1950 году в Стамбуле (Турция). Он получил степень бакалавра по музыке и математике в Афинском университете, а также по биологии в Салоникском университете имени Аристотеля. Логотетис защитил докторскую диссертацию в Мюнхенском университете Людвиг-Максимилиана под руководством Эрнста Пёппеля и получил докторскую степень в области нейробиологии человека. Затем ученый получил должность научного сотрудника в отделе мозга и когнитивных наук Массачусетского технологического института, а позднее поступил на работу в Медицинский колледж Бейлора. В 1996 году Никос Логотетис стал директором Института биологической кибернетики Общества Макса Планка. Он также занимал должности адъюнкт-профессора в нескольких учреждениях, в том числе в Институте биологических исследований Солка и в Медицинском колледже Бейлора.

Логотетис сделал ряд важных открытий, в том числе выяснил, что зависимый от уровня кислорода в крови отклик (BOLD) связан с активностью мозга на уровне нейронов. Ученый и его команда в начале 2000-х годов провели серию экспериментов на макаках, вживив им в мозг очень тонкие платино-иридиевые микроэлектроды. Одновременно с записью активности от электродов команда Логотетиса проводила фМРТ и измеряла BOLD-сигнал — то есть следила за тем, куда в мозгу приливает больше несущей кислород крови. Таким образом Логотетис впервые в истории одновременно записал электрическую активность мозга и BOLD-сигнал с фМРТ.

В ходе эксперимента исследователи показывали обезьянам вращающиеся шахматные узоры, которые меняли направление каждую секунду. Это исключало привыкание зрительной коры к раздражителям и снижение активности мозга.

По словам Логотетиса, для понимания системы необходимо ее описание на всех уровнях. В связи с этим в его отделе занимаются интракортикальной регистрацией клеток, а также моделированием и визуализацией на всех уровнях. Поэтому в дополнение к функциональной магнитно-резонансной томографии используется спектроскопия *in vivo*, а рабочая группа исследует «умные» контрастные вещества (SCA), чтобы сделать функциональную визуализацию полезной для изучения других эффектов, помимо гемодинамической реакции.

В 2014 году немецкий телеканал показал кадры, снятые в лаборатории Логотетиса тайным агентом Немецкой фе-

дерации защиты животных. На кадрах было запечатлено насилие и причинение вреда животным, что может быть расценено как нарушение законодательства в отношении приматов. В ответ Логотетис заявил, что в 2015 году он больше не будет работать с приматами из-за отсутствия институциональной поддержки и защиты его исследовательской программы. Полицейские рейды и расследования, проведенные в то время, не выявили нарушений законодательства в отношении животных. В августе 2017 года Логотетису и двум его сотрудникам были предъявлены официальные обвинения в том, что они якобы откладывали эвтаназию больных животных. Окружной суд Тюбингена вынес всем трем ученым постановление о наказании, которое включало в себя штраф и приговор, автоматически превращающийся в обвинительный акт. Логотетис немедленно обжаловал это решение. После объявления о приказе Общество Макса Планка (MPS) отстранило Логотетиса от исследований и лишило его права проводить эксперименты на животных.

Логотетис получил значительную поддержку от представителей научного сообщества, которые раскритиковали решение MPS о введении санкций в отношении Логотетиса до вынесения вердикта по предполагаемым нарушениям. Общество нейробиологов (SfN) и Федерация европейских нейробиологических обществ (FENS) выступили с совместным заявлением в его поддержку, за ними последовала Международная организация по исследованию мозга. Те обвинения, которые обжаловал Логотетис, были сняты в 2018 году. Впоследствии Министерство науки и технологий восстановило Логотетиса в должности в Институте биологической кибернетики.

Под влиянием сохраняющегося скептицизма и отсутствия поддержки исследований с использованием животных в Германии Логотетис объявил, что переведет свой отдел в Международный центр исследований мозга приматов в Шанхае и станет соруководителем центра вместе с китайским нейробиологом Му-мин Пу.

Логотетис является членом редакционной коллегии журнала *Current Biology*. В 2003 году он стал одним из лауреатов премии Луи-Жанте в области медицины, а в 2024-м — лауреатом премии «Вызов» в номинации *Discovery* («Открытие») «...за основополагающий вклад в создание метода функциональной магнитно-резонансной томографии и введение его в повседневную научную и клиническую практику для исследования активности мозга человека».

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Александрова П. А., Курманова Д. С.

Институт суррогатного материнства
в международном частном праве: проблемы
установления происхождения, гражданства
и вывоза ребенка 209

Алиева А. М.

Конституционное право на доступ
к культурным ценностям в системе
культурных прав человека и гражданина
в Российской Федерации: проблемы
реализации 212

Аникин А. М.

Публичное выступление адвоката
и адвокатская этика: проблемы правового
регулирующего 215

Арькова С. А.

Проблемы реализации отдельных видов
освобождения от уголовного наказания 217

Ахмадуллин С. А.

Пробелы и вызовы правового регулирования
трансферных контрактов в современном
спорте 221

Бабурычева Е. А., Григорьев А. И.

Механизмы участия Роскомнадзора
в сфере привлечения к юридической
ответственности за неуплату налогов 224

Битюцкий Е. В.

Проблемы выявления преступлений,
предусмотренных статьей 229 Уголовного
кодекса Российской Федерации 225

Верещака Ю. В.

Роль адвоката при избрании меры
пресечения 227

Вотинова А. А.

Правовые последствия мнимых
и притворных сделок 229

Гаврюшева Ю. В.

Юридическая природа персонажа
видеоигры 233

Гаврюшева Ю. В.

Видеоигры как сложные объекты
авторского права 234

Галочкина И. Д.

Теоретико-правовые основы уголовного
преследования органами дознания 236

Галочкина И. Д.

Особенности уголовного преследования
по уголовным делам, отнесенным
к компетенции органов дознания 238

Гапоян Л. Г.

Роль прокурора в обеспечении
процессуальных гарантий прав личности
в уголовном процессе в России 241

Гапоян Л. Г.

Процессуальные гарантии прав и законных
интересов личности в уголовном
судопроизводстве 243

Глинский Б. С.

Федеральная служба судебных приставов
России: между эффективностью исполнения
и необходимостью реформ 245

Глинский Б. С.

Инновационные направления развития
Федеральной службы судебных приставов
России: от традиционного контроля
к цифровому правопорядку 247

Голдина А. М.

Основания и признаки административной
ответственности за правонарушения
в области предпринимательской
деятельности и деятельности
саморегулируемых организаций 249

Голдина А. М.

Проблемы при привлечении
к административной ответственности
за правонарушения в области
предпринимательской деятельности
и деятельности саморегулируемых
организаций 251

Горохова А. А.

Развитие российского уголовного
законодательства в сфере незаконного
оборота наркотических средств 256

Горохова А. А.

Общесоциальные меры профилактики
наркопреступности 258

Гужина Д. А.

Цифровизация как инструмент
предотвращения коррупции в судах
Российской Федерации 260

Гюлмагомедов Р. Р.

Криминалистическая характеристика
мошенничества в сфере кредитования 262

Дегтярев Д. Д.

Отдельные вопросы судебной
практики, связанной с иностранными
правообладателями, покинувшими
российский рынок, и возможные
перспективы регулирования 264

Егоров М. В.

Множественность преступлений: теория
и практика. Проблемы квалификации
при множественности преступлений и её
принципиальное отличие от продолжаемого
преступления 268

Ермошин А. А.

К вопросу о защите личных данных
и приватности при использовании
беспилотных летательных аппаратов 270

Ефименко Д. С.

Управление хозяйственными обществами 273

Ильтуганова А. Х.

Законодательные основы психологической
деятельности в Российской Федерации 275

Канайкина Т. С.

Актуальные проблемы и пути их решения
в области пенсионного обеспечения
граждан, пострадавших от радиационных
и техногенных катастроф 277

Карамышева У. С.

Принципы примирительных процедур
в цивилистическом процессе 278

Ким С. Э.

Актуальные проблемы пенсионного
обеспечения военнослужащих — участников
специальной военной операции и пути их
решения 280

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Институт суррогатного материнства в международном частном праве: проблемы установления происхождения, гражданства и вывоза ребенка

Александрова Полина Андреевна, студент;
Курманова Диана Сергеевна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются правовые коллизии в международном суррогатном материнстве: установление происхождения, гражданства ребенка и его вывоза. Для защиты интересов ребенка и преодоления правовой неопределенности необходим единый международный подход.

Ключевые слова: суррогатное материнство, коллизионное право, установление происхождения, гражданство ребенка, личный закон, международное частное право, вывоз ребенка.

The institute of surrogate motherhood in international private law: problems of establishing the origin, citizenship, and export of a child

The article discusses legal conflicts in international surrogacy: establishing the origin, citizenship of the child, and its export. A unified international approach is necessary to protect the child's interests and overcome legal uncertainty.

Keywords: surrogacy, conflict of laws, establishing the origin, citizenship of the child, personal law, international private law, and export of the child.

Суррогатное материнство, как институт международного частного права, представляет собой сложный и многогранный процесс, вызывающий множество юридических, этических и социальных вопросов. В условиях глобализации и растущей мобильности населения, проблемы установления происхождения, гражданства и вывоза ребенка из страны рождения становятся особенно актуальными. Одной из ключевых проблем является коллизионное регулирование, то есть определение применимого права в случае конфликта между правовыми системами различных государств.

Актуальность темы настоящей статьи связана с тем, что в отечественном национальном законодательстве, регулирующем отношения, осложнённые «иностранным элементом» вопросы определения применяемого права в правоотношениях, связанных с суррогатным материнством, урегулированы без учёта их особенностей и специфики. Вопросами определения применимого права в случае с суррогатным материнством, занимаются многие учёные [6, С. 14], [7, С. 144]. В частности, С. Н. Тагаева и Ф. М. Аминова указывают на возникающие при этом коллизии, между гражданами иностранных государств, в том числе вопросы выбора применимого права

при подписании между заказчиками услуги и её исполнителем договора, в вопросах установления отцовства и материнства, а также относительно мер ответственности в случае нарушения условий договора и законодательства [9, С. 192].

Установление происхождения ребенка в контексте суррогатного материнства часто осложняется различиями в национальных законодательствах. В некоторых странах суррогатное материнство разрешено и регулируется законом, в других запрещено или не имеет четкого правового статуса. Это создает правовую неопределенность для родителей, чьи дети, рождены с помощью суррогатного материнства. Вопрос о том, чье право будет применяться для установления происхождения ребенка, является коллизионным и требует тщательного анализа. Обычно в таких случаях применяются нормы международного частного права, которые могут предусматривать применение права страны, где был заключен договор суррогатного материнства, или права страны, где ребенок родился.

Ключевым нормативным актом в медицинской сфере является Федеральный закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» [2]. Несмотря на то, что он не содержит специальных правил о применении иностран-

ного права и распространяется на всех физических лиц на территории России, именно в нем закреплены основные положения о суррогатном материнстве. Этот закон определяет саму процедуру и круг лиц, которые могут воспользоваться такими услугами.

Согласно российскому законодательству, суррогатное материнство определяется как вынашивание и рождение ребенка по договору между женщиной и потенциальными родителями. Заказчиками могут выступать как семейные пары, так и одинокие женщины, имеющие медицинские показания, при этом для оплодотворения должны использоваться половые клетки заказчиков. Таким образом, эта процедура является способом реализации родительских прав для лиц, которые не могут выносить ребенка самостоятельно [2].

Вопросы гражданства ребенка, рожденного от суррогатной матери, вызывает множество вопросов. В зависимости от национального законодательства, ребенок может получить гражданство страны рождения, гражданство генетических родителей или остаться лицом без гражданства. В некоторых юрисдикциях гражданство определяется по принципу права почвы, в других по принципу права крови. Коллизионные вопросы возникают, когда эти принципы противоречат друг другу, и требуется определить, какое право будет применяться для определения гражданства ребенка.

Согласно традиционным коллизионным привязкам, установление отцовства и материнства подчиняется личному закону ребенка на момент его рождения (п. 1 ст. 162 Семейного кодекса РФ) [1]. Однако в ситуации с суррогатным материнством возникает порочный круг: для определения личного закона ребенка необходимо сначала установить его правовую связь с родителями, что, в свою очередь, зависит от применимого права.

Это правило создает правовую неопределенность в случае, когда суррогатная мать является гражданкой России, а потенциальные родители иностранцами, и ребенок рождается в РФ. С одной стороны, записать иностранцев родителями можно только с согласия суррогатной матери. С другой, если она откажется, ребенок, рожденный на территории России от иностранцев, не приобретает российское гражданство автоматически, что усложняет ситуацию.

Таким образом, ключевой вывод заключается в том, что российское законодательство не допускает применения иностранного права для установления или оспаривания отцовства и материнства, если ребенок рожден суррогатной матерью на территории РФ. В этом случае подлежат применению нормы Семейного кодекса РФ (ст. 51, 52) [1] и Закона «Об актах гражданского состояния» [3]. Если же ребенок рожден за границей или его родителями являются граждане России, применяется право того государства, гражданство которого приобрел ребенок.

Возникает сложная правовая коллизия между волей суррогатной матери и правами генетических родителей, которая усугубляется столкновением различных юрис-

дикций. Разрешение этого конфликта напрямую зависит от того, какое коллизионное начало будет применено.

Первый путь — это применение права страны рождения ребенка. В этом случае, если изначальная запись в акте гражданского состояния была произведена с указанием суррогатной матери в качестве юридической матери, то эта запись и будет иметь первоначальную силу. Для генетических родителей это создает серьезное препятствие: оспорить такую запись и установить свои родительские права можно в судебном порядке.

В соответствии с сформировавшейся судебной практикой, в случае, если суррогатная мать отказалась дать согласие на запись родителями потенциальных родителей, то данное обстоятельство не может служить безусловным основанием для отказа в удовлетворении иска этих лиц о признании их родителями ребенка и передаче им ребенка на воспитание. Судам, при разрешении указанных споров необходимо проверить следующие моменты: заключался ли договор о суррогатном материнстве и каковы условия этого договора; являются ли истцы генетическими родителями ребенка; по каким причинам суррогатная мать не дала согласия на запись истцов в качестве родителей ребенка, и с учетом установленных по делу обстоятельств, а также положений статьи 3 Конвенции о правах ребенка разрешить спор в интересах ребенка. Более того, эта процедура может оказаться вовсе невозможной, если юрисдикция страны рождения запрещает или не признает суррогатное материнство. Например, запрет суррогатного материнства во Франции был введен в 1994 году. Его правовая основа — статья 16–7 Гражданского кодекса и Закон № 94–654 от 29 июля 1994 года, который регулирует сферу донорства, искусственного оплодотворения и медицинской диагностики. [8, С. 152]

Второй путь предполагает применение личного закона предполагаемых родителей-заказчиков, когда на основании предварительного договора с суррогатной матерью генетические родители сразу записываются в свидетельстве о рождении, а суррогатная мать не упоминается. Ярким примером служит Республика Беларусь, которая создала всеобъемлющую правовую базу для этого процесса, от внесения поправок в кодекс о браке и семье в 2006 году [4] до принятия отдельного закона «О вспомогательных репродуктивных технологиях» в 2012 году [5]. Ключевой особенностью белорусского подхода является законодательное закрепление приоритета генетических родителей: матерью ребенка признается женщина, заключившая договор, а не та, что его выносила и родила. Это контрастирует с общепринятой в мире моделью, где матерью изначально считается родившая женщина.

Хотя этот подход кажется логичным для защиты интересов генетических родителей, он порождает другую проблему: такое свидетельство о рождении может не получить признания в других странах, особенно в тех, где суррогатное материнство законодательно не допускается, что приведет к отсутствию правового статуса у ребенка за границей.

Думается, что первый подход (право страны рождения) является устаревшим, конфликтогенным и не отвечающим интересам ребенка. Он порождает правовую неопределенность, которую суды вынуждены преодолевать, апеллируя к высшим принципам, что ведет к непредсказуемости.

Второй подход (личный закон генетических родителей), особенно в его гибкой форме, является более целесообразным, прогрессивным и ориентированным на будущее. Он отражает суть отношений суррогатного материнства, обеспечивает стабильность и максимально защищает права ребенка как центральной фигуры данного правоотношения. Проблема международного признания не должна блокировать развитие адекватного национального регулирования. Напротив, создание четких и справедливых правовых моделей, подобной белорусской, — это первый и необходимый шаг для последующего диалога и гармонизации законодательства на международном уровне.

Ключевой проблемой является «расщепление» коллизионной привязки. В международном частном праве вопросы установления материнства (основанного на факте рождения) и отцовства (основанного на генетической связи) могут регулироваться разными правовыми системами. Это приводит к правовой неопределенности, когда один аспект родительских прав признается в одной юрисдикции, а другой — в иной, оставляя ребенка и родителей в состоянии правового вакуума и уязвимости.

Вывоз ребенка из страны рождения представляет собой сложный процедурный процесс. Законодательство многих стран, стремясь предотвратить торговлю людьми и защитить интересы суррогатной матери, устанавливает строгие ограничения на выезд младенцев, рожденных в рамках программ суррогатного материнства. Для получения выездных документов часто требуется выполнение ряда юридических процедур: окончательное и безотзывное согласие суррогатной матери, вступившее в законную силу судебное решение об установлении родительских прав генетических родителей, а также иные локальные требования.

Коллизионная проблема здесь проявляется в том, что требования страны рождения, страны гражданства родителей и страны назначения могут кардинально расходиться. Возникает вопрос: право какой страны определяет действительность и достаточность этих процедур? Применимо ли исключительно законодательство государства, на территории которого находится ребенок, или же должны учитываться предписания государства его будущего гражданства? Это столкновение правовых порядков создает риск, когда ребенок и его новые родители оказываются фактически «заперты» в стране рождения на неопределенный срок.

Ещё одной проблемой является определение личного закона младенца, то есть права, которое будет регулировать его правовой статус, установление происхождения и гражданства. В международном частном праве личный

закон традиционно определяется либо по принципу гражданства, либо по принципу места жительства.

Противоречие коллизионных норм приводит к дуализму в правовом статусе ребенка от суррогатной матери. В одной стране его родителями считаются генетические заказчики, в другой суррогатная мать. Эта правовая двойственность становится источником системных проблем, ключевой из которых является риск остаться без гражданства, поскольку ни одно государство не признает ребенка своим в силу правовых противоречий.

Для разрешения этой комплексной проблемы представляется целесообразным движение по нескольким взаимодополняющим направлениям.

1. Разработка международной конвенции как приоритетный вектор.

Наиболее эффективным, хотя и политически сложным, решением является принятие универсальной международной конвенции. Такой документ мог бы:

- Установить единые коллизионные привязки для определения применимого права к правоотношениям, вытекающим из суррогатного материнства. В качестве таковых могли бы выступать, например, закон страны суда, рассматривающего вопрос об установлении родительских прав, при обязательном условии соблюдения императивных норм и публичного порядка этого государства.

- Закрепить обязанность государств гражданства потенциальных родителей признавать свидетельства о рождении и судебные решения, вынесенные в стране происхождения ребенка, при условии, что были соблюдены процедуры, гарантирующие добровольность, информированность и правовую защиту суррогатной матери.

- Минимизировать риск остаться без гражданства детей путем имплементации принципов, обязывающих хотя бы одно из государств, связанных с правоотношением (гражданами которого являются родители или на территории которого ребенок родился), предоставить ему гражданство.

2. Для снижения правовых рисков в области трансграничного суррогатного материнства целесообразно начать с гармонизации законодательств внутри регионов (ЕС, СНГ). Суть такой гармонизации заключается в создании общих правил и обеспечении взаимного признания соответствующих юридических актов. Достигнутый региональный консенсус стал бы прорывом, создав прецедент для будущего глобального решения проблемы.

3. Совершенствование национального коллизионного права.

На уровне национальных юрисдикций государствам необходимо модернизировать собственные коллизионные нормы, введя в законодательство специальные привязки для отношений, осложненных иностранным элементом в сфере вспомогательных репродуктивных технологий. Это может быть, например, отсылка к личному закону выбранному сторонами договора о суррогатном материнстве (с определенными ограничениями в целях

защиты слабой стороны), или применение права страны, с которой данное отношение наиболее тесно связано.

До тех пор, пока не будет достигнут международно-правовой консенсус, участники программ суррогатного материнства будут вынуждены действовать в условиях правовой неопределенности, а дети оставаться заложниками коллизионных тупиков, что подчеркивает настоя-

тельную необходимость скоординированных действий на международной арене.

Следовательно, формирование универсального правового режима в сфере международного суррогатного материнства является императивом, который должен базироваться на безусловном приоритете интересов ребенка и комплексной защите прав всех участников процесса.

Литература:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16; 2024. — № 33 (Часть I). — Ст. 4956.
2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 48. — Ст. 6724; 2025. — № 15. — Ст. 1791.
3. Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об актах гражданского состояния» // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 47. Ст. 5340; 2024. — № 33 (Часть I). — Ст. 4956.
4. Кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 278-3 (в ред. от 18.12.2019). URL: <https://budget.by/npa/НК9900278> (дата обращения: 27.10.2025).
5. Закон Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 341-3 «О вспомогательных репродуктивных технологиях». URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=Н11200341> (дата обращения: 27.10.2025).
6. Анцух Н. С. Коллизионные привязки в брачно-семейной сфере: новые подходы в законодательстве стран СНГ // Журнал между-нар. права и междунар. отношений. 2013. № 4. С. 13–16.
7. Бабкина Е. В., Байбороша Н. С. Возможность унификации коллизионных вопросов брачно-семейных отношений в рамках Содружества Независимых Государств // Экономика.Право. 2010. № 2. С. 146–165.
8. Колодяжная А. И. Новеллы в правовом регулировании суррогатного материнства в государствах Европы // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — № 8(141). — С. 150–156.
9. Тагаева С. Н., Аминова Ф. М. Проблемы применения правопорядка к осложненным «Иностранным элементом» отношениям, возникающим из вспомогательных репродуктивных технологий // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 2. С. 192–202.

Конституционное право на доступ к культурным ценностям в системе культурных прав человека и гражданина в Российской Федерации: проблемы реализации

Алиева Алина Мушфиговна, студент

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

В статье исследуется конституционное право каждого на доступ к культурным ценностям, закрепленное в ч. 2 ст. 44 Конституции РФ. Автор анализирует место данного права в системе культурных прав человека, выявляет его специфику и взаимосвязь со смежными правами. Основное внимание уделено нормативно-правовой проблеме, препятствующей полноценной реализации этого права — отсутствию федерального закона, конкретизирующего механизм и условия доступа к культурным ценностям, особенно в отношении ценностей, находящихся в частной собственности. В заключение предлагается концепция проекта Федерального закона «О гарантиях права на доступ к культурным ценностям в Российской Федерации» как путь решения обозначенной проблемы.

Ключевые слова: культурная политика, культурные права, право на доступ к культурным ценностям, культурные ценности, культурное наследие, частные коллекции, законодательство о культуре.

В современном мире сфера влияния культурной политики существенно расширяется, переставая быть прерогативой исключительно отрасли культуры и превращаясь в значимый компонент социально-экономического прогресса государства. Российская Федерация

демонстрирует продолжительный путь развития в области интеграции необходимого нормативного закрепления культурных прав в свою государственную политику. О фундаментальном характере данной категории прав в общей системе свобод личности свидетельствует

их принадлежность к базовым и неотъемлемым правам человека. Тем не менее, на сегодняшний день сохраняется существенный разрыв между декларируемыми в законодательстве принципами и гарантиями и их практической реализацией, что в особенности характерно для обеспечения права граждан на доступ к культурным ценностям.

Культурные права представляют собой права, позволяющие обеспечить интеллектуальное и духовное развитие человека, а их главной особенностью является духовное развитие человека и нацеленность на творческую самореализацию личности. Основываясь на этом, общественные отношения, складывающиеся в области культурных прав, имеют непосредственное отношение к культурно-нравственному развитию человека, а их особая значимость обусловлена спецификой предмета конституционно-правового регулирования. В этой связи, как справедливо подчеркивает К. В. Мчедлидзе, «основная функция данных прав заключается в их использовании для повышения уровня воспитания человека, его нравственного и эстетического развития. Пользоваться данными правами или нет — скорее, выбор каждого человека, чем навязывание этих прав государством» [1, С. 888]. Таким образом, правовое регулирование отношений, возникающих в духовно-культурной сфере, находится в постоянном внимании со стороны государства.

Нельзя не отметить, что культурные права формируют целостную систему, обладающую выраженной спецификой, связанной с характером общественных отношений, регулируемых как непосредственно конституционными нормами (ст. 44 Конституции РФ [2]), так и иными нормативными правовыми актами, включая Закон РФ «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» [3], Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» [4], Федеральный закон «О библиотечном деле» [5], Закон Российской Федерации «О вывозе и ввозе культурных ценностей» [6] и ряд других нормативных правовых актов. Следовательно, система культурных прав формирует фундаментальный институт в законодательстве о культуре, базирующийся на конституционном принципе верховенства прав и свобод человека и гражданина (ст. 17 Конституции РФ). Именно эти права задают смысловую направленность и определяют содержание нормативных актов, которые формируют целостный механизм их обеспечения, практической реализации, гарантирования и судебной защиты. В данном контексте, в современной правовой системе Российской Федерации культурные права представляют собой комплекс прав, гарантированных непосредственно Конституцией РФ, включающих:

- свободу различных видов творчества;
- право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры;
- право на доступ к культурным ценностям;
- право на охрану интеллектуальной собственности, что является чрезвычайно ценным, поскольку «дости-

жения в области науки и техники, а также произведения литературы, искусства представляют собой некий интеллектуальный запас нашей страны, который можно сравнить с национальным богатством государства» [7, С.155].

В системе культурных прав особое место занимает право каждого «на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям» (ч. 2 ст. 44). Данное право является логическим продолжением и развитием права на свободу творчества (ч.1 ст. 44 Конституции РФ) и тесно связано с правом на образование (ст.43 Конституции РФ), формируя тем самым комплексную основу для духовного и интеллектуального развития личности.

По справедливому замечанию М. Л. Белых, содержательная сторона этого права заключается в том, что «каждый человек имеет право на участие в культурной жизни, на приобщение к культурным ценностям, на доступ к государственным библиотечным, музейным, архивным фондам, иным собраниям во всех областях культурной деятельности...» [8, С.117]. С данной позицией невозможно не согласиться, поскольку правовое регулирование в этой области гарантирует индивидууму равные возможности для свободного определения приемлемых для него этических, мировоззренческих, идеологических и иных разновидностей культурных ценностей. Вне зависимости от влияния отдельных социальных факторов, за каждой личностью признается конституционное право приобщаться к культурному достоянию, получать доступ к памятникам истории и культуры, музеям, архивным учреждениям, библиотечным фондам и иным институтам культурного назначения [9, С.171].

Вместе с тем, несмотря на прямое конституционное закрепление, эффективная реализация права на доступ к культурным ценностям сталкивается с рядом проблем. Ключевой в данном случае проблемой, затрудняющей реализацию данного права, является отсутствие комплексного федерального законодательства, детально регламентирующего процедуры, условия и гарантии доступа, особенно в отношении культурных ценностей, находящихся в частной собственности.

Так, в настоящее время имеется четкое нормативно-правовое регулирование для государственных и муниципальных учреждений, которые владеют культурными ценностями. Основываясь на этом для музеев, архивов, библиотек, находящихся в государственной или муниципальной собственности, законодательство устанавливает определенные правила доступа к культурным ценностям (экспозиционная, выставочная деятельность, порядок записи и пр.). Вместе с тем, несмотря на то, что значительное количество культурных ценностей, в том числе обладающих высочайшей историко-художественной значимостью для народов Российской Федерации, находится на сегодняшний день в частной собственности, нормативно-правовое регулирование в данном случае весьма ограничено. К примеру, ст. 25 Федерального закона «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» лишь

обязывает собственника культурной ценности, зарегистрированного в составе Музейного фонда РФ, обеспечивать ее сохранность и предоставлять доступ для изучения специалистам. Однако данный акт законодательства:

- не закрепляет положений о доступе широкой публики (не устанавливает обязанность частного собственника обеспечивать публичный доступ, даже к объектам, имеющим общегосударственное значение);
- не закрепляет конкретные механизмы доступа к культурным ценностям, находящимся в частных коллекциях (не определены порядок, условия (например, платность/бесплатность, график, количество посетителей), под которые должен подпадать такой доступ, если он предоставляется);
- не закрепляет действенные меры государственного стимулирования (налоговые льготы, субсидии, компенсации расходов на обеспечение сохранности) для частных собственников, готовых обеспечить публичный доступ к своим коллекциям.

Данный нормативно-правовой пробел приводит не только к фактическому изъятию из культурного оборота значительной части национального достояния, но и создает правовые условия для «теневого» коллекционирования, когда уникальные культурные предметы скрываются от экспертов и публики, что повышает риски их утраты, незаконного оборота и вывоза. Кроме того, отсутствие нормативно-правового регулирования в данной сфере приводит к нарушению принципа социальной функции собственности, в соответствии с которым владение культурными ценностями налагает на собственника определенные обязанности перед обществом.

Следовательно, конституционное право на доступ к культурным ценностям де-факто не обеспечено эффективным механизмом своей реализации для всей совокупности культурных ценностей, что свидетельствует о наличии законодательной проблемы. Для преодоления обозначенного пробела представляется необходимым разработка и принятие специального федерального закона, например, «О гарантиях права на доступ к культурным ценностям в Российской Федерации». Целью такого закона должна стать конкретизация конституционной нормы и создание сбалансированного правового механизма, обеспечивающего баланс между правом собственности и публичным интересом в сфере культуры.

Литература:

1. Мчедлидзе К. В. Экономические, социальные и культурные права и свободы человека и гражданина // *Аллея науки*, 2024. Т. 1, № 10(97). С. 886–890.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 - № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // *Российская газета*. 1993. № 237; СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
3. Закон РФ от 9 октября 1992. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 24.06.2025) // *Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации*. 1992. № 46. Ст. 2615; СЗ РФ. 2025. № 26 (часть I). Ст. 3498.
4. Федеральный закон от 26 мая 1996. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (ред. от 12.12.2023) // СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2591; 2025. № 31. Ст. 4658.

В положения Федерального закона «О гарантиях права на доступ к культурным ценностям в Российской Федерации» стоит включить такие положения как:

- официальное определение ключевых понятий: «доступ к культурным ценностям», «публичный доступ», «ограниченный доступ»;
- определить подход к обеспечению доступа к культурным ценностям для частных собственников, включенных в государственные реестры (Музейный фонд РФ, Единый государственный реестр объектов культурного наследия);
- закрепить обеспечение доступа к культурным ценностям, находящимся в частных коллекциях, для специалистов (реставраторов, искусствоведов, историков) с целью экспертизы, изучения и консервации;
- закрепить расширенные обязательства (для ценностей высшей категории значимости): установление обязанности предоставлять предмет для публичного показа (на условиях временного депонирования в государственном/муниципальном музее) не реже одного раза в определенный период (например, раз в 5 лет);
- создать механизм, по которому собственник, добровольно обеспечивающий регулярный публичный доступ к своей коллекции (например, создавая частный музей с открытым посещением), получает значительные налоговые льготы (по налогу на имущество, земельному налогу), а также право на целевую государственную поддержку на обеспечение безопасности и сохранности коллекции;
- установить четкие основания и процедуры ограничения доступа к культурным ценностям (состояние сохранности предмета, режим реставрации, иные уважительные причины), которые будут защищать интересы собственника и самой культурной ценности.

Таким образом, принятие специализированного федерального закона позволит не просто заполнить правовой пробел, но и создать современную, гибкую и сбалансированную правовую модель. Такая модель, сочетающая разумные обременения для собственников с действенными мерами государственной поддержки, будет способствовать вовлечению в культурный оборот всех ценностей наследия нашего государства, что в полной мере соответствует современной государственной политике Российской Федерации.

5. Федеральный закон от 29 декабря 1994. № 78-ФЗ «О библиотечном деле» (ред. от 14.04.2023) // СЗ РФ. 1995. № 1. Ст. 2; 2023. № 16. Ст. 2766.
6. Закон РФ от 15 апреля 1993. № 4804-I «О вывозе и ввозе культурных ценностей» (ред. от 04.08.2023) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 20. Ст. 718; СЗ РФ. 2025. № 31. Ст. 4658.
7. Савченко Е. А. Культурные права человека в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. Право, 2023. № 49. С. 151–164.
8. Белых М. Л. Право на доступ к культурным ценностям // Права человека: основные понятия, категории, институты: учебный словарь. — Екатеринбург: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Гуманитарный университет», 2023. 238 с.
9. Алехин Т. О. Конституционные права человека в области культуры // Вопросы российского и международного права, 2023. Т. 13, № 7–1. С. 166–173.

Публичное выступление адвоката и адвокатская этика: проблемы правового регулирования

Аникин Алексей Михайлович, студент магистратуры

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

Исследуется правовое регулирование публичного выступления адвоката, а также пробелы в законодательстве, связанные с регулированием данной проблемы. Особое внимание уделено этическим проблемам деятельности адвоката. Также предложены варианты решения исследуемых проблем в виде внесения поправок в нормативно-правовые акты РФ.

Ключевые слова: адвокат, адвокатская этика, публичное выступление

В Конституции Российской Федерации закреплён принцип признания человека, его прав и свобод высшей ценностью. Одновременно с этим на государство возлагается обязанность обеспечивать это право.

Одним из аспектов данной обязанности является построение системы адвокатуры и гарантий деятельности адвоката, которые обеспечивают данный принцип путём защиты законных прав и интересов лиц в ходе уголовного судопроизводства.

Одной из гарантий такой деятельности выступает свобода мысли и слова. Мышление и реальная возможность выражать свои мысли, — неотъемлемое условие деятельности адвоката и эффективной защиты клиента. Полная реализация принципа свободы слова и мысли является залогом успешной адвокатской деятельности.

В последнее время свобода мысли и слова в деятельности адвоката приобретает повышенную значимость, в частности, как не процессуальный способ защиты клиента.

Так, в последнее время, особенно по резонансным делам, всё чаще можно увидеть адвоката, который выступает публично, привлекая внимание общественности, высказывает публично своё мнение относительно дела. Стоит отметить, что данное явление довольно ново в нашем обществе, поэтому правовое урегулирование данных отношений и в целом изучение проблем, возникающих в процессе данной деятельности сейчас актуально как никогда.

Законом, который содержит основные нормы, права и обязанности адвоката, регулирует основные правоотношения, возникающие в процессе его деятельности, яв-

ляется Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [1].

В данном законе непосредственно посвящена публичному выступлению адвоката всего одна норма: п. 4 ст. 6 Адвокат не вправе делать публичные заявления о доказанности вины доверителя, если тот её отрицает.

Более норм, регулирующих непосредственно публичные выступления адвокатов не представлено.

Обратимся к Кодексу профессиональной этики адвоката [2], который на основании п. 2 ст. 4 ФЗ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации содержит обязательные для адвокатов правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности.

Указанный документ содержит лишь нормы, которые в силу своего общего содержания лишь косвенно можно отнести к регулированию публичных выступлений адвоката.

Примерами данных норм служат:

П. 1 ст. 4 Адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии (в том числе и в случае публичного выступления)

П. 2 ст. 5 Адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре

Статья 6, которая в целом регулирует отношения, возникающие в связи с охраной профессиональной тайны адвоката, в том числе и предотвращении её нарушения в публичном выступлении адвоката.

П. 2.1 и п. 2.2 ст. 15, запрещающие адвокату публично комментировать позиции других адвокатов или подозреваемых, обвиняемых по делам, в которых он не участвует.

Таким образом, вопросы публичного выступления адвоката практически не урегулированы в законодательстве РФ, требуется система взаимосвязанных норм, регулирующая данные отношения и направленная на гарантирование права адвоката на публичное выступление в интересах доверителя, так и на защиту доверителя от публичного выступления недобросовестного адвоката.

Как уже было сказано, в последнее время, особенно по резонансным делам, всё чаще можно увидеть адвоката, который выступает публично, привлекая внимание общественности, высказывает публично своё мнение относительно дела. В некоторых случаях, общественный резонанс, вызванный выступлением адвоката, помогает решить проблему, защитить законные права и интересы доверителя.

Положительным примером публичного выступления адвоката может служить публичное обращение саратовского адвоката А.Алиевой к генеральному прокурору 19 октября 2021 года [3], в котором она сообщила о бездействии администрации учреждения, а также сотрудников прокуратуры, которые по жалобам о пытках в ОТБ-1 «направляли отписки». Данное обращение помогло активизировать деятельность государственных органов, направленную на защиту прав осужденных и ускорить расследование о пытках в ОТБ. Так, последовали массовые проверки исправительных учреждений надзорными органами, последовала реакция Генеральной прокуратуры РФ, а вскоре последовали аресты подозреваемых. В данном случае общественная огласка, которая в том числе проводилась и адвокатом помогла защитить права и законные интересы доверителя.

Однако стоит помнить, что взаимодействовать со СМИ таким образом адвокат должен исключительно в интересах клиента, не допуская попыток «прорекламировать» себя за счёт клиента.

К сожалению, факты неэтичного поведения адвокатов в публичном поле имеют место быть. Одним из примеров неэтичного высказывания адвоката в публичном выступлении может служить деятельность защитника Э. Пашаева по уголовному делу в отношении известного актёра Михаила Ефремова. Так, адвокат неоднократно допускал в своих интервью СМИ оскорбления своего клиента, говорил о якобы беспринципности доверителя, допускал высказывания, которые порочили честь актёра [4]. За подобное поведение адвокат был лишён статуса адвокатской палатой [5].

Данный случай, в принципе, наталкивает на мысль о том, что свобода слова адвоката, особенно в публичном выступлении, не может быть абсолютной, а должна быть ограничена профессиональной этикой адвоката, как лица, осуществляющего правозащитную деятельность, интересами клиента.

На основании изложенного, сделаем выводы:

1. В ходе исследования была подтверждена большая роль публичного выступления адвоката как средства защиты своего клиента. Вместе с тем констатируется наличие пробела в законодательстве, в результате чего данные общественные отношения, нуждающиеся в пра-

вовом регулировании, остаются неурегулированными. В этой связи предлагается:

1) дополнить главу 2 Федерального закона от 31.05.2002 N 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», статьёй «Право адвоката на публичное выступление», где будут изложены основные гарантии адвоката на использования такого средства защиты своего доверителя, как публичное выступление

2) дополнить главу 2 Федерального закона от 31.05.2002 N 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», статьёй «Ограничения, связанные с публичным выступлением адвоката», где будут изложены нормы, призванные защитить интересы доверителей от публичных выступлений недобросовестных адвокатов

2. По итогам анализа факта неэтичного поведения адвоката в публичном выступлении можно прийти к следующему заключению: факт таких неэтичных высказываний в публичном поле свидетельствует о том, что в настоящее время к лицам, желающим получить статус адвоката и к лицам, имеющим статус адвоката, предъявляются низкие требования, которые, в частности, не способны оградить авторитет адвоката как правозащитника от неэтичных публичных высказываний адвоката. А о каком авторитете говорится, если адвокатом может стать даже лицо, имевшее ранее судимость? В связи с этим предлагается:

1) дополнить главу 3 Федерального закона от 31.05.2002 N 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», статьёй 1.2 следующего содержания «1.2 Лицо, лишённое статуса в связи с нарушением норм адвокатской этики вправе претендовать на получение статуса адвоката лишь в случае получения им положительного заключения Комиссии по этике и стандартам».

2) внести поправки в п. п. 2 п. 2 ст. 9 Федерального закона от 31.05.2002 N 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», изложить данную норму в следующей редакции: «2) ранее осужденные приговором суда за совершение умышленного преступления»

3) также предлагается создать при адвокатских палатах субъектов РФ комиссии по этике: дополнить главу 4 Федерального закона от 31.05.2002 N 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», статьёй 37.3 «Комиссия по этике и стандартам при адвокатской палате субъекта Российской Федерации»

4) отнести, в частности к деятельности комиссий по этике и стандартам при адвокатских палатах субъектов Российской Федерации:

— участие в устном собеседовании с лицом, претендующим на получение статуса адвоката в процессе проведения квалификационного экзамена

— участие в дисциплинарном производстве квалификационной комиссии и Совета адвокатской палаты

5) принять нормы, процедурно обеспечивающие деятельность комиссий по этике и стандартам при адвокатских палатах субъектов Российской Федерации

Литература:

1. Федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002, № 23, ст. 2102.
2. «Кодекс профессиональной этики адвоката» (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 18.04.2025) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2003, № 2.
3. Пытки в ОТБ-1. Адвокат сообщила Игорю Краснову о бездействии саратовских прокуроров. — Текст: электронный // Информационное агентство Взгляд-инфо: [сайт]. — URL: <https://www.vzsar.ru/news/2021/10/19/pytki-v-otb1-advokat-soobschila-igoru-krasnovy-o-bezdeystvii-saratovskih-prokyrorov.html> (дата обращения: 30.10.2025).
4. «Жалкий человек»: Пашаев раскритиковал Ефремова после приговора. — Текст: электронный // Газета.Ru (Gazeta.Ru): [сайт]. — URL: https://www.gazeta.ru/culture/2020/10/23/a_13330261.shtml?utm_auth=false (дата обращения: 30.10.2025).
5. Эльмана Пашаева лишили статуса адвоката. — Текст: электронный // РБК: [сайт]. — URL: <https://www.rbc.ru/society/18/09/2020/5f64b86d9a7947071c8d23e8> (дата обращения: 30.10.2025).

Проблемы реализации отдельных видов освобождения от уголовного наказания

Арькова Софья Анатольевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Овчинникова Оксана Витальевна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье анализируются ключевые виды освобождения от уголовного наказания в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации, включая истечение сроков давности, примирение с потерпевшим, деятельное раскаяние, изменение обстановки, условно-досрочное освобождение, амнистию, помилование и освобождение в связи с военной службой. Рассматриваются проблемы их практической реализации, такие как пробелы в законодательстве, противоречия в судебной практике, организационные и этические вопросы. Предлагаются пути совершенствования норм УК РФ и УПК РФ для повышения эффективности института освобождения, гуманизации уголовной политики и снижения рецидивной преступности.

Ключевые слова: освобождение от уголовного наказания, Уголовный кодекс РФ, сроки давности, примирение с потерпевшим, деятельное раскаяние, условно-досрочное освобождение, амнистия, помилование, военная служба, судебная практика, рецидив преступности, гуманизация уголовной политики.

Освобождение от уголовного наказания представляет собой ключевой институт уголовного права Российской Федерации, который позволяет учитывать индивидуальные обстоятельства конкретного дела, способствовать успешной ресоциализации осужденных лиц и снижать общую нагрузку на пенитенциарную систему. Согласно Уголовному кодексу Российской Федерации (УК РФ), предусмотрены разнообразные виды такого освобождения, включая условно-досрочное освобождение (ст. 79 УК РФ), амнистию (ст. 84 УК РФ), помилование (ст. 85 УК РФ), освобождение в связи с истечением сроков давности (ст. 78 УК РФ), примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ) и изменением обстановки (ст. 80.1 УК РФ). В последние годы законодательством были введены новые основания, связанные с военной службой, такие как освобождение в связи с участием в специальной военной операции или прохождением военной службы в период мобилизации (ст. 78.1 и 80.2 УК РФ). Эти нормы направлены на стимулирование позитивного поведения виновных и гуманизацию уголовной политики государства.

Однако на практике реализация указанных норм сталкивается с множеством проблем: от неясностей и пробелов в законодательстве, противоречий в судебной практике до организационных, этических и процессуальных вопросов. Как отмечает М. С. Кашин, «институт освобождения от уголовного наказания на практике часто сталкивается с проблемами, связанными с пробелами в законодательстве и противоречиями в судебной практике» [3, с. 137]. Эти трудности приводят к неэффективному применению норм и могут нарушать права участников процесса. Такие трудности приводят к неэффективному применению институтов освобождения, нарушениям прав участников уголовного процесса (включая потерпевших и обвиняемых), а также могут способствовать росту рецидивной преступности и переполненности мест лишения свободы. Рассмотрим ключевые виды освобождения от уголовного наказания.

Одним из видов освобождения выступает истечение сроков давности (ст. 78 УК РФ). Этот вид освобождения применяется в случаях, когда с момента совершения преступления прошло определенное время — от 2 лет для

преступлений небольшой тяжести до 15 лет для особо тяжких (ч. 1 ст. 78 УК РФ), при условии, что лицо не уклонялось от следствия или суда. Освобождение возможно как на стадии предварительного расследования (путем прекращения уголовного дела), так и в суде, если обвиняемый не возражает против применения данной нормы. По мнению Д. В. Савельева, «институт давности основан на принципах гуманизма и целесообразности, поскольку со временем общественная опасность деяния может снизиться, а доказательства — утратить актуальность» [4, с. 56]. Это позволяет освободить лицо от ответственности, если в этом отпала необходимость. Институт давности основан на принципах гуманизма и целесообразности, поскольку со временем общественная опасность деяния может снизиться, а доказательства — утратить актуальность.

Проблемами реализации данного вида наказания являются:

— неясность в процедуре вынесения приговора и процессуальных нормах. Суды по-разному интерпретируют необходимость назначения наказания с последующим освобождением от него или вынесения приговора без назначения (в соответствии с ч. 6 и 8 ст. 302 УПК РФ). Это приводит к противоречиям в практике, частым обжалованиям и неопределенности в статусе лица. Например, в некоторых случаях суды прекращают дело без установления вины, что затрудняет гражданско-правовые последствия. Кроме того, пробелы в регулировании приостановки сроков давности (ч. 3 ст. 78 УК РФ) усложняют расчет, особенно при уклонении от следствия, что приводит к ошибкам в расследовании «старых» дел и возможным нарушениям прав обвиняемых;

— сложности с определением момента начала и окончания сроков. Течение давности может приостанавливаться в случае уклонения от следствия или суда, но отсутствие четких критериев «уклонения» (например, является ли оно умышленным) вызывает споры. Это особенно актуально для латентных преступлений, где момент совершения трудно установить, что затягивает процессы и увеличивает нагрузку на правоохранительные органы.

— общие вопросы о виновности и правах потерпевших. В постановлении о прекращении дела не всегда указывается на виновность лица, что может нарушать права потерпевшего на компенсацию вреда в гражданском порядке. Потерпевшие часто остаются без возможности взыскания ущерба, поскольку прекращение дела не влечет автоматического признания вины. Кроме того, для особо тяжких преступлений (ч. 4 ст. 78 УК РФ) применение давности зависит от согласия обвиняемого, что может привести к манипуляциям и этическим дилеммам.

Для решения этих проблем предлагается уточнить в УПК РФ процедуры расчета сроков и ввести обязательное указание на виновность в постановлениях о прекращении дела.

Другим видом освобождения выступает примирение с потерпевшим (ст. 76 УК РФ). Освобождение применя-

ется к лицам, впервые совершившим преступления небольшой или средней тяжести, при условии заглаживания вреда потерпевшему и его согласия на примирение. Процедура возможна на досудебной стадии (ст. 25 УПК РФ) или в суде, что способствует восстановительному правосудию и снижению конфронтации

Проблемами реализации данного вида наказания являются:

— игнорирование досудебной стадии органами расследования. Часто следователи и дознаватели не используют возможность прекращения дела на ранних этапах, направляя материалы в суд даже при наличии всех условий, что увеличивает нагрузку на судебную систему и противоречит принципам процессуальной экономии и целесообразности. Это приводит к затягиванию дел и дополнительным расходам государства;

— споры о роли государственного обвинителя и прокурора. При возражении прокурора (ч. 4 ст. 20 УПК РФ) прекращение в суде может быть заблокировано, особенно по делам с общественным интересом или когда потерпевший не способен самостоятельно защищать свои права (например, несовершеннолетние или инвалиды). Это создает дисбаланс между частными и публичными интересами;

— недостаточная защита прав потерпевшего. Прекращение дела лишает потерпевшего процессуального статуса, что усложняет последующее взыскание компенсации в гражданском порядке. В. И. Гладких указывает, что «недостаточная защита прав потерпевшего при освобождении от наказания по примирению сторон остается актуальной проблемой, требующей дополнительных процессуальных гарантий» [5, с. 127]. Отсутствие четких критериев заглаживания вреда может приводить к злоупотреблениям. Кроме того, отсутствие четких критериев «заглаживания вреда» (материального или морального) приводит к субъективным оценкам и возможным злоупотреблениям. В практике отмечаются случаи, когда примирение достигается под давлением, что нарушает добровольность.

Следующим видом освобождения выступает освобождение возможно за добровольную явку, содействие следствию, возмещение ущерба и отсутствие рецидива, включая специальные случаи (например, по налоговым преступлениям ст. 198–199.1 УК РФ). Это стимулирует сотрудничество виновных с правоохранительными органами.

Проблемами реализации данного вида наказания являются:

— отсутствие четких указаний в процессуальном законодательстве. Ст. 28.1 УПК РФ не определяет субъекта прекращения преследования и возможность применения в суде, что приводит к неоднозначной практике и отказам в освобождении даже при наличии условий. Две части ст. 75 УК РФ совмещают нормы разного предназначения (освобождение от ответственности и смягчение наказания);

— вопросы о виде приговора и признании вины. Если лицо не признает вину, но возмещает ущерб, неясно, нужно ли назначать наказание с последующим освобождением или обойтись без него. Это особенно актуально для случаев, когда раскаяние проявляется частично;

— процедурные пробелы и утрата доказательств. Не всегда обвиняемого привлекают к процессу перед прекращением, что может привести к потере доказательств для будущих дел или нарушению прав на защиту. А. А. Горшенин отмечает, что «процедурные пробелы при освобождении в связи с деятельным раскаянием могут негативно влиять на права обвиняемого и утрату доказательств по делу при его прекращении» [6, с. 64]. Необходимо уточнить аспекты привлечения лица к процессу в УПК РФ.

Таким образом, М. С. Кашин и А. А. Горшенин сходятся во мнении о негативном влиянии законодательных пробелов на эффективность применения норм об освобождении от наказания. Однако если М. С. Кашин делает акцент на противоречиях судебной практики, то А. А. Горшенин подчеркивает процедурные аспекты, влияющие на права обвиняемых и сохранность доказательств. На наш взгляд, эти позиции дополняют друг друга и указывают на необходимость комплексного реформирования как материальных норм УК РФ, так и процессуальных норм УПК РФ для устранения правовых коллизий.

Изменение обстановки (ст. 80.1 УК РФ) также является одним из видов освобождения. Освобождение от наказания применяется, если общественная опасность лица или преступления отпала (например, из-за утраты трудоспособности, героического поступка или изменения социальных условий), для преступлений небольшой или средней тяжести. Проблемами реализации выступают следующие:

— невозможность прекращения на стадии предварительного расследования. Это перегружает суды, требуя полного рассмотрения дела по существу, даже если основания для освобождения очевидны, что противоречит принципам экономии;

— отсутствие основания в ст. 254 УПК РФ для прекращения в суде. Процессуальные нормы не синхронизированы с материальным правом, что усложняет применение и приводит к отказам;

— субъективность оценки «изменения обстановки». Отсутствие четких критериев (например, что считать «утратой опасности») приводит к разным решениям в аналогичных случаях, зависящим от усмотрения судьи. Как подчеркивает Д. В. Савельев, «субъективность оценки «изменения обстановки» при освобождении от наказания остается ключевой проблемой правоприменения, требующей выработки более четких критериев в законе» [4, с. 93]. Это особенно важно для обеспечения единства судебной практики. Это особенно заметно в контексте внешних факторов, таких как пандемии или военные конфликты.

Позиции Д. В. Савельева и В. И. Гладких о субъективности оценочных критериев при освобождении от на-

казания представляются обоснованными. Отсутствие четких параметров «изменения обстановки» или «заглаживания вреда» действительно может приводить к избирательному правосудию и злоупотреблениям. В то же время полный отказ от дискреционных элементов вряд ли возможен, поскольку это не позволит учитывать нюансы конкретных дел. Представляется, что оптимальным решением было бы нормативное уточнение ключевых понятий в сочетании с обобщением судебной практики на уровне постановлений Пленума Верховного Суда РФ для обеспечения единообразия толкования и применения норм об освобождении.

Условно-досрочное освобождение (ст. 79 УК РФ) также выступает видом освобождения. Досрочное освобождение возможно после отбытия части срока (от 1/3 до 3/4 в зависимости от тяжести) при условии исправления, отсутствия нарушений и возмещения вреда.

Проблемами реализации являются:

— низкая эффективность в профилактике рецидива. Для тяжких и особо тяжких преступлений предлагается повысить минимальный срок отбытия (с 1/2 до 2/3 для тяжких, с 2/3 до 3/4 для особо тяжких) и лишать права на УДО «профессиональных» преступников;

— организационные вопросы. Отсутствие специализированных пенитенциарных судей замедляет рассмотрение ходатайств, а субъективные критерии «исправления» (поведение, взыскания) приводят к произволу;

— влияние на социализацию. Лишение свободы часто усугубляет проблемы (психологические, социальные), делая УДО менее эффективным без постпенитенциарной поддержки.

Амнистия и помилование тоже являются одним из видов освобождения. Амнистия — акт Государственной Думы (ст. 84 УК РФ), помилование — решение Президента (ст. 85 УК РФ), применяемые к осужденным с установленной виной.

Проблемами реализации являются для амнистии: понижение роли в Конституции (только компетенция Госдумы), отсутствие федерального закона о процедуре; требуется согласие осужденного (кроме несовершеннолетних). Отсутствие механизма для новых видов, таких как освобождение иностранцев с выдворением. Для помилования: нехватка детальной регламентации; предложение расширить полномочия глав субъектов РФ с правом пересмотра Президентом. Субъективность решений и низкая прозрачность.

В настоящее время особо актуальным является освобождение в связи с военной службой (ст. 80.2 УК РФ). Условное освобождение для прохождения службы в период мобилизации или военного положения, с возможностью окончательного освобождения после награждения или демобилизации. В данном случае, проблемами являются:

— императивный характер без учета индивидуальности. Норма не учитывает личность, рецидив или опасность преступления, что противоречит принципам ин-

дивидуализации и может привести к освобождению опасных лиц;

— отсутствие механизма за нарушения условий. Неясно, как действовать при уклонении от службы или совершении новых преступлений; проблемы с повторным освобождением;

— неоднозначный перечень исключений. Включает менее тяжкие преступления, но пропускает некоторые особо опасные (ст. 295, 317 УК РФ); нет соотношения сроков службы и наказания.

Так, например, гр. Устинов был осужден по ч. 5 ст. 264 УК РФ к лишению свободы на срок 2 года в колонии-поселении с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, на срок 2 года. Устинов В. А. просит учесть, что в настоящее время он принимает участие в специальной

военной операции и ставит вопрос об отмене либо изменении состоявшихся по делу судебных решений с освобождением от наказания или прекращением производства по делу. Устинов освобожден от наказания за ДТП со смертельным исходом в связи с изменением обстановки (участие в СВО, повышение в звании, более 1,5 лет после преступления); суд обосновал, что осужденный и деяние прекратили быть социально опасными. В соответствии с определением Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации, судебная коллегия определила освободить Устинова В. А. от назначенного ему по ч. 5 ст. 264 УК РФ наказания на основании ст. 80.1 УК РФ — в связи с изменением обстановки.

На основании вышеизложенного основные виды освобождения от уголовного наказания и их проблемы представим в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительный анализ видов освобождения от уголовного наказания: основания, проблемы и предложения по совершенствованию

Вид освобождения	Основания (ст. УК РФ)	Ключевые проблемы	Предложения по совершенствованию
Истечение сроков давности	ст. 78: Прохождение установленного срока с момента преступления (2–15 лет в зависимости от тяжести) при отсутствии уклонения от следствия.	неясность процедуры вынесения приговора; — — пробелы в расчете сроков; вопросы о виновности и правах потерпевших.	уточнить процедуры расчета в УПК РФ; ввести обязательное указание на виновность в постановлениях.
Примирение с потерпевшим	ст. 76: Первое преступление небольшой/средней тяжести; заглаживание вреда и согласие потерпевшего.	игнорирование досудебной стадии; споры о роли прокурора; недостаточная защита прав потерпевшего.	ввести обязательное досудебное рассмотрение; усилить роль медиаторов.
Деятельное раскаяние	ст. 75: Добровольная явка, содействие следствию, возмещение ущерба.	отсутствие четких процессуальных указаний; вопросы о виде приговора; процедурные пробелы.	разделить норму на отдельные статьи; уточнить аспекты в УПК РФ.
Изменение обстановки	ст. 80.1: Отпадение общественной опасности лица или преступления.	невозможность досудебного прекращения; отсутствие основания в УПК РФ; субъективность оценки.	ввести процессуальные нормы для досудебного применения; конкретизировать понятия.

Таким образом, проблемы реализации видов освобождения от уголовного наказания в России коренятся в пробелах законодательства, неоднозначной судебной практике, отсутствии индивидуализации и координации между УК и УПК РФ. Это приводит к переполненности тюрем, росту рецидива, нарушениям прав и неэффективности системы. Для улучшения предлагается: уточнить процедуры в УК и УПК, ввести дискреционные элементы, разработать специальные законы для амнистии и помилования, создать институт пенитенциарных судей и усилить постпенитенциарную поддержку. Такие меры сделают институт освобождения более эф-

фективным, гуманным и соответствующим целям уголовного права, способствуя балансу между наказанием и реабилитацией.

В заключении следует отметить, что институт освобождения от уголовного наказания играет важную роль в гуманизации уголовной системы РФ, однако его эффективность снижается из-за системных проблем в правоприменении. Необходимы комплексные реформы, включая гармонизацию норм УК и УПК РФ, введение объективных критериев и усиление процессуальных гарантий, чтобы обеспечить справедливость, снизить рецидив и оптимизировать ресурсы пенитенци-

арной системы. Анализ научных позиций М. С. Кашина, А. А. Горшенина, Д. В. Савельева и В. И. Гладких позволяет констатировать наличие как материально-правовых, так и процессуальных проблем в сфере освобождения от уголовного наказания. Несмотря на некоторые различия в расстановке акцентов, ученые единодушны в необходимости совершенствования законодательства и правоприменительной практики. Резюмируя вышесказанное, целесообразно рекомендовать следующие меры: 1) устранение пробелов и противоречий в нормах УК РФ и УПК РФ; 2)

конкретизацию оценочных критериев в сочетании с обобщением судебной практики; 3) расширение альтернативных механизмов разрешения уголовно-правовых конфликтов; 4) дифференциацию оснований освобождения с учетом личности виновного и характера деяния; 5) усиление гарантий прав потерпевших и обвиняемых в соответствующих процедурах. Реализация предложений позволит достичь баланса между общественными интересами и правами индивидов, способствуя общей эффективности уголовного правосудия.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025).
2. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2023 № 225-УД23-8-К10.
3. Кашин, М. С. Освобождение от уголовной ответственности и освобождение от наказания: основания и отличия / М. С. Кашин // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. — 2021. — № 4(30). — С. 136–140.
4. Савельев, Д. В. Основания и условия освобождения от уголовной ответственности и наказания: учебник для вузов / Д. В. Савельев. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 180 с. — (Высшее образование). — ISBN 978–5–534–21356–0.
5. Гладких, В. И. Уголовное право России в таблицах и комментариях. Общая часть: учебник для вузов / В. И. Гладких, М. Г. Решняк. — 2-е изд. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 212 с. — (Высшее образование). — ISBN 978–5–534–17476–2.
6. Горшенин, А. А. Освобождение от уголовной ответственности, наказания и его отбывания: учебник для вузов / А. А. Горшенин. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 97 с. — (Высшее образование).

Пробелы и вызовы правового регулирования трансферных контрактов в современном спорте

Ахмадуллин Султан Айратович, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье анализируется правовая природа трансферных контрактов в России, определяющих переходы профессиональных спортсменов между спортивными клубами. Выявлены коллизии между трудовым и гражданским законодательством, а также несоответствия между регламентами спортивных федераций и нормами права.

Ключевые слова: трансфер, трансферный контракт, профессиональный спорт, трудовое право, спортивное право, спортивные федерации, правовое регулирование, трудовой договор, переход спортсмена, компенсация, трансферные выплаты, *lex sportiva*

Gaps and challenges of legal regulation of transfer contracts in modern sports

The article analyzes the legal nature of transfer contracts in Russia, which determine the transitions of professional athletes between sports clubs. Conflicts between labor and civil legislation have been identified, as well as inconsistencies between the regulations of sports federations and the norms of law.

Keywords: transfer, transfer contract, professional sports, labor law, sports law, sports federations, legal regulation, employment contract, transfer of an athlete, compensation, transfer payments, *lex sportive*

За великими спортивными достижениями часто скрываются сложные повороты и противоречия, особенно в области трансферных контрактов, регулирующих пе-

реход профессиональных спортсменов из одного клуба в другой. Несмотря на их ключевое значение в профессиональном спорте, эти контракты по-прежнему заклю-

чаются в условиях неопределенности регулирования. Отсутствие четкой базы правых затрудняет установление баланса интересов между спортсменами, клубами и спортивными федерациями.

Трансферный контракт — это соглашение, которое оформляет переход профессионального спортсмена (чаще всего футболиста) из одного спортивного клуба в другой.

В соответствии с Регламентом РФС (утвержденным решением Исполкома РФС № 209.3 от 30.03.2022), он может быть как двусторонним (между клубами), так и трехсторонним (с участием спортсмена на правах аренды). В основе его законности лежит принцип свободы договора, закрепленный в ст. 421 Гражданского кодекса Российской Федерации. Это позволяет рассматривать передачу как действительную форму смешанного договора, которая не запрещена законом. Однако правовая природа таких соглашений является спорной.

Существуют три ключевых подхода к определению правового статуса спортсменов, от которых зависит интерпретация трансферных контрактов:

— Трудовой подход (Шевченко О. А., Мисюрин И. В., Васильев С. В., Тукманов С. В.) утверждает, что отношения между спортсменами и клубами являются исключительно трудовыми. Такой подход обеспечивает более высокую степень социальной защиты и устойчивость трудовых отношений [1, 8, 9, 10].

— Гражданско-правовой подход (Васькевич В. П., Алтухов С. В.) рассматривает спортсменов как лиц, оказывающих профессиональные услуги по договору, аналогично адвокатам или нотариусам. Это предполагает широкую свободу сторон при определении условий, но ослабляет трудовые гарантии [2, 11].

— Смешанный подход (Коршунова Т. Ю., Скачкова Г. С., Леонов А. С., Рогачев Д. И.) объединяет элементы трудового и гражданского права, признавая специфику спортивной сферы. Он позволяет учитывать особенности каждого трансфера — как соглашения об изменении трудовых отношений, так и акта уступки прав между клубами [3, 12, 13, 14].

М. Г. Вулах подчеркивает сложность определения предмета трансферного контракта, который охватывает не только гражданско-правовые и трудовые отношения, но и нормы *lex sportiva*, установленные спортивными федерациями [4]. А. А. Лукьянцев и В. С. Буров интерпретируют трансфер как уступку прав одного работодателя другому, акцентируя гражданско-правовой аспект [5].

Таким образом, трансферный контракт представляет собой смешанный договор, что создает правовую неопределенность и усложняет правоприменение.

Тем не менее, правовое регулирование трансферов в России сталкивается с рядом серьезных проблем, затрудняющих эффективное функционирование системы.

Одной из главных является терминологическая неопределенность. В законодательстве отсутствует единое и четкое определение понятия «трансфер». Например, Ре-

гламент РФС трактует трансфер как смену клуба с регистрацией игрока, тогда как Трудовой кодекс РФ (статья 72.1) использует термин «перемещение» исключительно в пределах одного работодателя.

В баскетболе, напротив, трансфер рассматривается как прекращение и заключение нового трудового договора, при этом спорные вопросы, связанные с конфликтами между клубами, остаются без внимания.

Такая неоднородность в терминологии создаёт значительные сложности для правильного применения норм права и повышает риск нарушения прав спортсменов.

Помимо этого, нормативная база в России для регулирования трансферных процессов остаётся крайне фрагментарной. Федеральный закон № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и глава 54.1 Трудового кодекса регулируют лишь отдельные аспекты спортивной деятельности, в то время как комплексного законодательства, непосредственно регулирующего трансферы, не существует.

Функция регулирования делегирована спортивным федерациям, таким как РФС и КХЛ, чьи регламенты имеют внутренний характер и не обладают юридической силой закона. При этом такие регламенты могут вступать в противоречие с трудовым законодательством, что снижает правовую устойчивость и усиливает влияние корпоративных интересов клубов и федераций в ущерб правам спортсменов.

Особое внимание следует уделить ограничению свободы спортсменов в смене клуба, что резко отличает их положение от работников других отраслей. В большинстве профессиональных сфер работники обладают правом свободно менять работодателя, однако в профессиональном спорте переход возможен лишь при согласовании компенсации между клубами [6. С.179].

Хотя в Европейском союзе решение по делу Босмана (1995) устранило такие ограничения, в России ситуация иная: спортсмены зачастую оказываются зависимыми от воли клубов и федераций [7]. Это порождает критику существующей трансферной системы как устаревшей и несправедливой по отношению к самим спортсменам.

Важной проблемой остаются и нарушения, связанные с выплатами по трансферным соглашениям. Хотя Регламент РФС устанавливает срок выплаты компенсации в 30 дней, на практике часто происходят задержки, что приводит к спорам и судебным процессам.

Особое напряжение вызывает ситуация с арендой игроков, когда клуб-арендатор пытается передать спортсмена третьей стороне без согласования, что законодательством не предусмотрено и не регламентировано. Отсутствие прозрачных и действенных механизмов санкций способствует злоупотреблениям и создает благоприятные условия для конфликтов.

Наконец, переход спортсмена из одного клуба в другой сопровождается множеством трудовых юридических нюансов, связанных с прекращением, переводом или приостановлением трудового договора.

Возможны различные сценарии: увольнение по инициативе спортсмена, расторжение договора по соглашению сторон, перевод к другому работодателю или временный перевод в рамках аренды. Например, статья 348.12 ТК РФ допускает установление срока уведомления о расторжении трудового договора, превышающего один месяц, что позволяет клубам сохранять стабильность состава.

Однако односторонний выход из договора без уважительных причин часто влечёт за собой обязанность выплаты компенсации, что подтверждается судебной практикой Палаты по разрешению споров РФС и является дополнительным фактором юридической напряжённости.

Таким образом, трансферные контракты выступают фундаментальным инструментом регулирования трудовых и организационных отношений в профессио-

нальном спорте. В то же время, действующая в России нормативная система не обеспечивает должного уровня юридической определённости, защиты интересов и справедливости.

Терминологическая путаница, фрагментарность законодательства, произвольность процедур и низкий уровень правоприменения усугубляют проблемы, затрудняя развитие спортивной индустрии. Для их решения необходим комплексный и системный подход, включающий унификацию терминологии, гармонизацию трудового и спортивного законодательства, а также адаптацию лучших международных практик.

Только в таком ключе можно создать стабильную, сбалансированную и прозрачную правовую среду, отвечающую современным требованиям профессионального спорта и защищающую интересы всех его участников.

Литература:

1. Шевченко, О. А. Особенности правового регулирования труда профессиональных спортсменов: автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2005.
2. Васькевич, В. П. Гражданско-правовое регулирование отношений в области профессионального спорта: дис.... канд. юрид. наук. К., 2006.
3. Коршунова, Т. Ю. Развитие законодательства о труде профессиональных спортсменов // Трудовое право. 2006. № 5–7.
4. Вулах, М. Г. Проблемы правовой природы трансферных контрактов // Спорт: экономика, право, управление. 2011. № 3. С.180–184.
5. Лукьянцев, А.А., Буров, В. С. Трансферный контракт как объект правового регулирования // Юридический вестник. 2010. № 4. С.62–64.
6. Алексеев, С. В. Спортивное право: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлениям «Юриспруденция» и «Физическая культура» / С. В. Алексеев; под ред. П. В. Крашенинникова. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017. — 927 с.
7. Пенцов, Д. А. Защита прав игроков при переходе (трансфере) из одного клуба в другой // Спорт: экономика, право, управление. 2010. № 2. С. 10–16.
8. Мисюрин, И. В. Особенности правового регулирования трудовых отношений профессиональных спортсменов в командных видах спорта: автореф. дис.... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005;
9. Васильев, С. В. Особенности трудового договора профессиональных спортсменов и рассмотрение споров в области профессионального спорта: автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2006;
10. Тукманов, С. В. Особенности трудового статуса профессионального футболиста: автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2007.
11. Алтухов, С. В. Государственное управление и рыночное саморегулирование экономики профессионального спорта в Российской Федерации: автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2007.
12. Скачкова, Г. С. Особенности регулирования трудовых отношений в области физической культуры и спорта // Трудовое право. 2002. № 5. С. 65–73.
13. Леонов, А. С. Правовое регулирование труда спортсменов и тренеров: проблемы и перспективы развития: дис.... канд. юрид. наук. М., 2009.
14. Рогачев, Д. И. О новом Федеральном законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Материалы II Международной научно-практической конференции «Спортивное право: перспективы развития». М., 2009.

Механизмы участия Роскомнадзора в сфере привлечения к юридической ответственности за неуплату налогов

Бабурычева Екатерина Алексеевна, студент магистратуры;
Григорьев Александр Иванович, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автор исследует механизмы участия Роскомнадзора в сфере привлечения к юридической ответственности за неуплату налогов.

Ключевые слова: налоги, юридическая ответственность.

Роскомнадзор принимает косвенное участие в деятельности, направленной на выявление и предотвращение налоговых правонарушений.

Одним из механизмов участия Роскомнадзора в выявлении налоговых правонарушений является осуществление контроля в цифровой среде с целью выявления признаков и обстоятельств, указывающих на налоговые правонарушения. В качестве основных методов контроля, применяемых Роскомнадзором, можно выделить: автоматизированный мониторинг сайтов; проверка законности регистрации доменных имен; анализ контента на предмет признаков нарушений; контроль за рекламой финансовых услуг; порядок реагирования на нарушения;

Действия Роскомнадзора при выявлении признаков налоговых правонарушений в процессе контрольной деятельности определены внутренними регламентами и соглашениями между Федеральной налоговой службой и Роскомнадзором.

Роскомнадзор не принимает прямого участия в привлечении к ответственности за совершение налоговых правонарушений. Но, тем не менее, осуществляет прямую работу по выявлению и сбору сведений, которые указывают на противоправные действия. Данная информация в дальнейшем проверяется и оценивается уполномоченными на осуществление налогового контроля субъектами.

Специфика работы Роскомнадзора связана с цифровой средой, в связи с чем, механизмы участия Роскомнадзора в выявлении налоговых правонарушений также обусловлены этим направлением деятельности службы. В частности, на данный момент сотрудничество Роскомнадзора и Федеральной налоговой службой в контексте налоговых правонарушений связано с применением рекламы в сети «Интернет», а также уплаты соответствующих налоговых платежей.

Следует отметить, что данное взаимодействие приносит достаточно высокие результаты. Например, по данным ведомства, отчисления за 2-й квартал 2025 года позволят собрать почти 4 миллиарда рублей дополнительных доходов в бюджет страны.

Начисления к уплате получили более 56 тысяч участников рынка интернет-рекламы. По данным на 15 августа 2025 года, средняя сумма начисления составляет 70 тысяч рублей. Всего в расчет сбора включено 3,4 миллиона актов. У участников рынка есть неделя, чтобы внести кор-

ректировки в ранее переданную в ЕРИР информацию. Сбор должны платить: операторы рекламных систем; рекламные агенты и посредники; рекламораспространители и рекламодатели (в случае, когда рекламодатель заключил договор с иностранным исполнителем).

Перечисленные лица несут ответственность за полноту и своевременность уплаты обязательных отчислений в федеральный бюджет. От уплаты нового сбора освобождены только теле- и радиовещатели, информагентства, интернет-медиа с госучастием, а также издатели и редакции печатных изданий, подпадающие под определенные критерии совокупного тиража за год.

Совместные проверки Федеральной налоговой службой России и Роскомнадзора в настоящее время также проводятся зачастую с целью проверки соблюдения законодательства о распространении рекламы с использованием сети «Интернет».

Кроме того, совместная работа Роскомнадзора и Федеральной налоговой службой России проводится также и по направлению выборочной проверки и блокировки сайтов, которые используются, например, для уклонения, а также по выявлению схем с использованием фиктивных контрагентов.

Роскомнадзор может предоставлять доступ Федеральной налоговой службе России и ее территориальным органам к информации относительно распространения рекламы в сети «Интернет» с целью проверки расходов на рекламу. Соответственно, деятельность Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций носит превентивный характер.

Основой для предоставления доступа к информации о расходах на интернет-рекламу налогоплательщиков является система маркировки рекламы — регистрации рекламы в Едином реестре интернет-рекламы и присвоению ей специального токена, который размещается на рекламном материале.

Данная система предоставляет преимущества как для государства в лице Федеральной налоговой службы России и Роскомнадзора, так и налогоплательщиков-реklamодателей. Например, для налогоплательщиков данная система позволяет легализовать свои расходы на рекламу в сети «Интернет» и обеспечить прозрачность расходов, законность операций.

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций в данных отношениях выступает в качестве основного оператора.

Следует отметить, что несмотря на предоставление доступа Федеральной налоговой службе к информации о рекламе, зарегистрированной в Реестре, перечень информации о договоре на рекламу доступна в ограниченном функционале.

Литература:

1. Письмо Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 20 февраля 2025 г. № 03–72707 «О повторном направлении разъяснений».

Проблемы выявления преступлений, предусмотренных статьей 229 Уголовного кодекса Российской Федерации

Битюцкий Евгений Владимирович, кандидат юридических наук, доцент
Пензенский государственный университет

В статье анализируются данные о зарегистрированных преступлениях по ст. 229 УК РФ, а также рассматриваются проблемы их выявления.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотических средств, наркотические средства, психотропные вещества, Уголовный кодекс РФ.

Преступления, предусмотренные статьей 229 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), отличаются повышенной степенью общественной опасности, выражающейся в том, что подобные преступные деяния создают угрозу причинения вреда здоровью населения в целом путем воздействия на социальную связь, составляющую содержание такого охраняемого общественного отношения, как безопасность здоровья населения от немедицинского потребления наркотиков [1].

Наличие института уголовной ответственности за совершение хищений наркотических средств или психотропных веществ обусловлено необходимостью обеспечения должной сохранности указанных веществ, находящихся, прежде всего, в легальном обороте, и за претом неправомерного завладения ими. Тем не менее, уголовная ответственность за совершение преступления, предусмотренного ст. 229 УК РФ, наступает вне зависимости от того, легально или нелегально хранилось наркотическое средство или психотропное вещество у лица, у которого оно впоследствии было похищено.

Вместе с тем преступлениям, предусмотренным статьей 229 УК РФ, свойственна высокая степень латентности, о чем свидетельствует анализ статистических данных о состоянии преступности в период с января 2021 г. по август 2025 г. Так, за январь — декабрь 2021 года зарегистрировано всего 58 подобных преступлений [2]; за

Таким образом, Роскомнадзор принимает непосредственное участие в совершенствовании механизмов участия службы в выявлении и пресечении налоговых правонарушений. Несмотря на отсутствие прямых полномочий в данной сфере, в настоящее время Роскомнадзор активно взаимодействует с Федеральной налоговой службой по основному направлению своей деятельности, содействуя выявлению налоговых правонарушений, использованию налоговых схем уклонения, имеющих следы в цифровой среде.

январь — декабрь 2022 года — 69 [3]; за январь — декабрь 2023 года — 84 [4]; за январь — декабрь 2024 года — 58 [5]; за январь — август 2025 года — 23 [6].

Незначительное количество выявленных преступлений, предусмотренных ст. 229 УК РФ, обусловлено целым комплексом взаимосвязанных факторов, затрудняющих эффективное выявление и пресечение подобных деяний:

Во-первых, лица, подвергшиеся хищению наркотических средств или психотропных веществ, которые они хранили незаконно, не обращаются в правоохранительные органы, опасаясь уголовного преследования. Страх привлечения к уголовной ответственности преобладает над желанием привлечь виновных лиц к уголовной ответственности за незаконное хищение наркотических средств или психотропных веществ, что создает условия для безнаказанности преступных действий последних и препятствует получению сотрудниками правоохранительных органов значимой информации о совершенных преступлениях;

Во-вторых, установление действий виновных лиц, составляющих объективную сторону состава преступления по ст. 229 УК РФ, представляет определенную сложность. Так, необходимо не только установить непосредственно факт хищения наркотических средств либо психотропных веществ, но и идентифицировать похищенные вещества

(установить предмет преступления), доказать наличие причинно-следственной связи между действиями виновных лиц и наступлением общественно опасных последствий. При этом существенным фактором выступает специфика самих наркотических средств и психотропных веществ как предмета преступного посягательства. В отличие от традиционных объектов хищения, таких как денежные средства, ценности или иное имущество, наркотические средства и психотропные вещества обладают свойствами, позволяющими виновным лицам скрыть факт их хищения. В судебной практике встречаются случаи хищения участником преступной группы, занимающейся незаконным сбытом наркотических средств, в целях личного потребления части наркотического средства, переданного ему для дальнейшего сбыта, и в целях сокрытия данного факта добавления нейтрального наполнителя для устранения признаков изменения переданной ему массы наркотического средства. Небольшие объемы и высокая стоимость данных веществ делают их привлекательными для хищения, но в то же время затрудняют выявление данных фактов.

В-третьих, установление принадлежности похищенного наркотического средства или психотропного вещества конкретному собственнику или иному владельцу также представляет собой определенную сложность. Так, в ходе расследования одного из уголовных дел было установлено, что осужденный, будучи потребителем наркотических средств и не имея финансовых возможностей для их приобретения, из корыстных побуждений сообщил неустановленному лицу о своем якобы желании трудоустроиться «закладчиком». После чего, получив от указанного лица задание забрать из тайника наркотическое средство, забрал его, но не в целях последующего незаконного сбыта, а в целях личного потребления «умышленно обратил наркотики в свою пользу». Однако в дальнейшем осужденный был задержан сотрудниками полиции, которые изъяли у него наркотическое средство. Действия виновного лица были квалифицированы по совокупности преступлений, предусмотренных п. «д» ч. 2 ст. 229 УК РФ и ч. 1 ст. 228 УК РФ. В вынесенном судом первой инстанции обвинительном приговоре был сформулирован вывод, что сущность корыстного мотива при совершении хищения наркотических средств заключается в наличии у виновного лица интереса, направленного на совершение

противоправного безвозмездного изъятия наркотических средств и последующего их обращения в собственную пользу. Верховный Суд РФ с подобным выводом не согласился и сформулировал иную правовую позицию, согласно которой по уголовным делам о хищениях, в том числе и наркотических средств, подлежит обязательному доказыванию их принадлежность конкретному собственнику или иному владельцу как необходимое условие установления признаков хищения и правильного применения уголовного закона. Однако лицо, изначально владеющее наркотическим средством, так и не было установлено ни в ходе предварительного следствия, ни при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции. Кроме того, по уголовному делу не был собран комплекс доказательств, свидетельствующих о том, что виновное лицо, присвоив себе полученное для дальнейшего незаконного сбыта наркотическое средство, действовало вопреки воли и желания того, кто сообщил ему координаты точного расположения тайника. Тем самым, по мнению Верховного Суда РФ, действия осужденного по изъятию из тайника наркотического средства нельзя расценить как изъятие против воли собственника [7].

Выявлению преступлений, предусмотренных ст. 229 УК РФ, чаще всего предшествует выявление иных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Например, виновное лицо в большинстве случаев изначально задерживается по подозрению в незаконных приобретении и хранении наркотических средств в целях личного потребления либо в целях дальнейшего незаконного сбыта. Однако перечисленные выше факторы затрудняют выявление фактов хищений наркотических средств или психотропных веществ.

Для повышения эффективности правоохранительной деятельности в данной сфере необходимо при проведении доследственной проверки детально устанавливать все обстоятельства того, каким образом наркотические средства или психотропные вещества оказались во владении виновного лица, то есть отрабатывать версию о возможном их хищении у других лиц.

В случае подтверждения данного факта, необходимо фиксировать информацию не только в письменных объяснениях лица, но и в протоколах осмотра места происшествия, осмотра предметов и документов, рапортах.

Литература:

1. Шеслер В. А. Объект состава преступления, предусмотренного статьей 229 УК РФ (хищение наркотических средств или психотропных веществ) // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 2 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obekt-sostava-prestupleniya-predusmotrennogo-statiiy-229-uk-rf-hishchenie-narkoticheskikh-sredstv-ili-psihotropnyh-veschestv> (дата обращения: 20.10.2025).
2. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2021 года // МВД России [официальный сайт]. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/2315310> (дата обращения — 20.10.2025).
3. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2022 года // МВД России [официальный сайт]. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5130663> (дата обращения — 20.10.2025).
4. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2023 года // МВД России [официальный сайт]. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5095078> (дата обращения — 20.10.2025).

5. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года // МВД России [официальный сайт]. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/9209203> (дата обращения — 20.10.2025).
6. Состояние преступности в России за январь-август 2025 года // МВД России [официальный сайт]. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/14701519> (дата обращения — 20.10.2025).
7. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.10.2024 N 89-УД24-10-K7 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения — 20.10.2025).

Роль адвоката при избрании меры пресечения

Верещака Юлия Витальевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Петрикин Владимир Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент

Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автор рассматривает роль адвоката в уголовном процессе на стадии избрания меры пресечения. Особое внимание уделяется тактике профессиональной защиты, направленной на предотвращение применения самой строгой меры — заключения под стражу. Раскрываются правовые основания применения мер пресечения, анализируются типичные ошибки следствия и суда, а также подчеркивается значение активной позиции защитника в суде. Рассмотрены примеры из судебной практики, подтверждающие эффективность наступательной модели поведения адвоката при защите прав подозреваемых и обвиняемых, а также значимость международных правовых стандартов в формировании позиции защиты.

Ключевые слова: адвокат, мера пресечения, уголовный процесс, право на защиту, заключение под стражу, домашний арест, залог.

Роль адвоката при избрании меры пресечения в уголовном процессе является одной из ключевых в обеспечении защиты прав и законных интересов подозреваемого или обвиняемого. Эта стадия уголовного судопроизводства напрямую связана с реализацией принципа уважения к свободе личности, закрепленного в статье 22 Конституции Российской Федерации, а также в международных правовых актах, таких как статья 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [7]. Адвокат, осуществляя защиту, должен проявлять не просто формальное участие, но выстраивать активную и наступательную тактику профессиональной защиты, опираясь на нормы Уголовнопроцессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), судебную практику, включая практику Верховного Суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека.

Мера пресечения представляет собой уголовнопроцессуальный инструмент, цель которого — не наказание лица, а обеспечение выполнения задач уголовного судопроизводства. Это подчеркивает положение статьи 97 УПК РФ, где указаны основания для применения меры пресечения: наличие данных, дающих основание полагать, что обвиняемый может скрыться от органов следствия и суда, продолжить преступную деятельность, угрожать свидетелям, уничтожить доказательства и иным образом воспрепятствовать уголовному производству. Однако в правоприменительной практике нередко имеет место формальный подход со стороны следствия и суда, при котором мера пресечения в виде заключения под стражу избирается по шаблону, без тщательного анализа возможности приме-

нения иных, менее суровых мер. В этих условиях роль адвоката выходит на первый план: он должен убедительно продемонстрировать суду необоснованность заключения под стражу, представить доказательства альтернатив, а также акцентировать внимание на социальной устойчивости своего подзащитного [1].

В тактическом плане защита на стадии избрания меры пресечения складывается из нескольких компонентов. Прежде всего, адвокат обязан ознакомиться со всеми материалами, представленными следствием в обоснование своего ходатайства о применении заключения под стражу. Это не только само ходатайство, но и прилагаемые документы: протоколы допросов, характеристики, материалы оперативно-розыскной деятельности, акты обысков и выемок. Как подчеркивает О. А. Сунцова, именно в этой стадии начинается настоящая состязательность, и от внимательности адвоката при изучении каждого документа зависит формирование эффективной линии защиты [2, с. 54]. Например, необходимо проверять, обоснованы ли ссылки стороны обвинения на пункт 1 части 1 статьи 97 УПК РФ, свидетельствующие о риске уклонения, либо же эти утверждения ничем не подкреплены и строятся на предположениях [2, с. 56].

Вторым элементом защиты является подготовка письменных возражений против ходатайства следствия. Адвокат должен использовать факты, указывающие на то, что обвиняемый имеет устойчивые социальные связи: постоянное место жительства, трудовую занятость, наличие иждивенцев, состояние здоровья, характеристику с места работы. Все это должно быть документально под-

тверждено: справки, письма, характеристики, медицинские заключения. В ситуации с несовершеннолетними обвиняемыми могут быть представлены документы о семейной поддержке, согласие родителей или опекунов на надзор, условия проживания. Как справедливо отмечает Д. А. Ефимова, представление этих данных существенно влияет на восприятие судом фигуры обвиняемого и снижает риск избрания меры пресечения, связанной с изоляцией от общества [4, с. 120–121].

В судебном заседании адвокат обязан выступать активно: задавать вопросы представителю обвинения, заявлять ходатайства об истребовании дополнительных документов, продлении срока задержания для подготовки позиции защиты (при необходимости), предлагать суду альтернативные меры — залог, домашний арест, личное поручительство. Залог, как мера пресечения, может быть предложен при наличии гарантийных обязательств о внесении конкретной суммы в определенный срок, а при личном поручительстве — адвокат вправе представить соответствующее письменное ходатайство, подписанное лицом, выразившим готовность выступать поручителем. В случае избрания меры пресечения несовершеннолетнему подзащитному адвокат может обосновать применение меры в виде присмотра родителей или сотрудников специализированного детского учреждения [3, с. 255–256].

Одним из ключевых ресурсов адвоката является обращение к международным правовым нормам. Пункт 3 статьи 5 и пункт 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод предоставляют любому обвиняемому право на разбирательство его дела в разумный срок, а также право на освобождение до суда [8]. Прямое указание суду на эти положения, с подкреплением их решениями Европейского суда по правам человека, позволяет адвокату расширить правовой арсенал и придать аргументации более весомую юридическую и нравственную основу. Особенно актуально это в случаях, когда меры, избираемые следствием и судом, носят формальный характер и не соответствуют ни тяжести совершенного преступления, ни процессуальному поведению обвиняемого [4, с. 122].

Практика показывает, что при надлежащей тактической подготовке и активной позиции защиты суды готовы отступать от применения меры заключения под стражу. Так, в постановлении Воронежского областного суда от 6 марта 2025 года по делу № 3/127/2025 был удовлетворен апелляционный довод защиты, касающийся несовершеннолетнего обвиняемого, в отношении которого изначально была избрана мера заключения под стражу. Адвокат представил данные о социальнопсихологическом портрете подзащитного: отсутствие судимостей, ста-

бильное поведение, учеба, признание вины, а также медицинские документы и характеристику от школы. Апелляционная инстанция отменила постановление суда первой инстанции, признав его мотивировку недостаточной, а саму меру пресечения — чрезмерной [8].

Другой пример связан с делом № 22К964/2020, рассмотренным тем же судом в мае 2020 года. Обвиняемый страдал тяжелым хроническим заболеванием, имел семью и постоянное место жительства, а также не предпринимал попыток скрыться. Защита представила данные о малом объеме следственных действий, проведенных в течение трех месяцев содержания под стражей, а также указала на факт погашенной судимости, которая необоснованно учитывалась судом первой инстанции. В результате мера пресечения была заменена на запрет определенных действий [9].

Немаловажную роль адвокат играет и в стадии апелляционного обжалования меры пресечения. Как подчеркивает П. О. Герцен, апелляционное производство в данной категории дел обладает рядом особенностей: сокращенные сроки подачи жалобы, отсутствие приостановительного эффекта, ускоренное рассмотрение дела. Однако именно на этой стадии защита может добиться отмены незаконно избранной меры пресечения, особенно если в первой инстанции были проигнорированы доводы, нарушены требования мотивированности постановления либо не были учтены обстоятельства, смягчающие возможные риски [5, с. 88]. В апелляционной жалобе адвокат вправе ссылаться на нормы статьи 108 УПК РФ, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ [6], положения международного права, а также практику ЕСПЧ. Кроме того, обоснование апелляционной жалобы должно включать не только правовой, но и фактологический анализ — акцент на персональные особенности обвиняемого, его поведение, медицинское и социальное состояние [5, с. 95].

Таким образом, адвокат при избрании меры пресечения выполняет не только представительскую, но и стратегическую функцию в уголовном процессе. Его роль заключается не только в защите частных интересов подзащитного, но и в обеспечении законности и справедливости всего процессуального механизма. Адвокат обязан применять все доступные средства правовой аргументации, документального обоснования, тактического давления, чтобы предотвратить применение самой жесткой меры — заключения под стражу — в условиях, когда она не является обоснованной и необходимой. Только при такой модели поведения роль защитника становится реальной, а не формальной, а уголовный процесс приближается к стандартам справедливости, закрепленным как в российском, так и в международном праве.

Литература:

1. Калинина А. Л. Об аргументации адвоката при заявлении ходатайства об исключении недопустимых доказательств в ходе судебного заседания по избранию меры пресечения // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 3 (52). С. 316–321.

2. Сунцова О. А. Алгоритм действий адвоката при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Вестник юстиции. — Иркутск, 2022. — № 4. — С. 54–58.
3. Долгушин Д. А. Адвокат и его деятельность в процессе избрания меры пресечения в виде домашнего ареста и заключения под стражу // Общество и право. — Волгоград, 2009. — № 1(23). — С. 255–256.
4. Ефимова Д. А. Роль защитника при избрании меры пресечения при заключении под стражу // Академия права и управления ФСИН России. — Рязань, 2022. — С. 118–123.
5. Герцен П. О. Проверка решения суда об избрании меры пресечения в апелляционном порядке: магистерская диссертация. — Томск: Томский гос. ун-т, 2021. — 106 с.
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 (в ред. от 27 мая 2025 г.) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_506357/ (дата обращения: 29.09.2025).
7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ратифицирована РФ 30 марта 1998 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 20. — Ст. 2143.
8. Апелляционное постановление Воронежского областного суда от 06.03.2025 по делу № 22К-626/2025 // СудАкт.ру: официальный портал судебных актов. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Hp22haTtlg5V/> (дата обращения: 29.09.2025).
9. Верховный Суд РФ. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения (2025 г.) // URL: <https://vsrf.ru> (дата обращения: 29.09.2025).

Правовые последствия мнимых и притворных сделок

Вотинова Александра Алиевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Иерусалимская Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются правовые последствия мнимых и притворных сделок как особых категорий недействительных гражданско-правовых сделок. Особое внимание уделено анализу сущности этих сделок, критериям их квалификации, а также механизму восстановления нарушенных прав участников. Рассматривается роль волеизъявления сторон, значение принципа реституции и защита добросовестных третьих лиц. Показано, что мнимая сделка направлена исключительно на создание видимости юридических отношений, тогда как притворная сделка формально порождает правовые последствия, не соответствующие действительной воле сторон. Анализируются системные последствия недействительных сделок для гражданского оборота, подчеркивается их значение для обеспечения законности, добросовестности и стабильности гражданских правоотношений.

Ключевые слова: мнимая сделка, притворная сделка, недействительная сделка, реституция, добросовестные третьи лица, гражданский оборот, юридические последствия, волеизъявление сторон.

Сделка как правовая категория является одним из центральных институтов гражданского права и представляет собой основное основание возникновения, изменения и прекращения гражданских правоотношений. Именно через сделки участники гражданского оборота реализуют свои имущественные и неимущественные интересы, осуществляют гражданские права и исполняют обязанности. Однако действительность сделки напрямую зависит от ее соответствия требованиям закона, добросовестности сторон и реальности их воли. Несоблюдение этих условий влечет признание сделки недействительной, что влечет за собой правовые последствия, предусмотренные законодательством.

Особое место среди недействительных сделок занимают мнимые и притворные сделки, поскольку они направлены на обход закона и подрыв правопорядка в сфере гражданского оборота. Мотивом к их совершению чаще

всего выступает стремление достичь определенного экономического или правового результата, который невозможен при соблюдении норм права. Таким образом, мнимая и притворная сделки представляют собой попытку участников гражданских отношений внешне придать своим действиям форму правомерных, в то время как их подлинная воля направлена на достижение противоправной или фиктивной цели.

Согласно положениям ст. 170 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1], мнимой признается сделка, совершенная лишь для вида, без намерения создать соответствующие ей юридические последствия. Такая сделка ничтожна, то есть недействительна с момента ее заключения, и не порождает никаких прав и обязанностей для сторон. При этом мнимая сделка может быть оформлена всеми внешними признаками действительной — в письменной форме, с подписями сторон,

с фиксацией условий. Однако отсутствие действительного волеизъявления, направленного на достижение правового результата, делает ее юридически несостоятельной.

Судебная практика по делам, связанным с признанием сделок мнимыми, демонстрирует, что формальное исполнение договора само по себе не исключает возможности признания его мнимым. Например, если стороны совершают действия, создающие лишь видимость исполнения, но не направленные на реальное возникновение прав и обязанностей, суд может квалифицировать такую сделку как мнимую. В ряде дел суды отмечали, что подписание документов, составление актов приема-передачи или оплата по фиктивным договорам не означают наличия намерения сторон создать юридические последствия, если фактически они действовали лишь для видимости.

Показательным примером является ситуация, когда стороны заключают договор поставки, но реального исполнения обязательств не происходит. Если одна из сторон утверждает, что техническое исполнение договора было невозможно, а действия участников сводились к формальному обмену документами, суд исследует, имели ли стороны подлинное намерение исполнять договор или стремились создать лишь видимость правомерных действий. В тех случаях, когда хотя бы одна сторона реально намеревалась исполнить обязательства, основания для признания сделки мнимой отсутствуют. Таким образом, мнимая сделка имеет место только тогда, когда обе стороны осознают фиктивный характер совершаемых действий и действуют согласованно с целью лишь создать внешнее впечатление законности [3, с. 38].

Схожие по своей сути, но обладающие иной правовой природой, являются притворные сделки. В отличие от мнимых, притворные совершаются с целью прикрыть другую сделку, отражающую подлинные намерения сторон. Например, стороны могут оформить договор дарения для сокрытия факта купли-продажи имущества, чтобы избежать налогообложения или обойти ограничения, установленные законом. При квалификации таких отношений суды исходят из того, что юридические последствия должны определяться в соответствии с действительной волей сторон, а не формой сделки, которая использована для сокрытия истинных намерений.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 23 июня 2015 года № 25 особо подчеркнул, что для признания сделки мнимой необходимо установить отсутствие у сторон намерения создать юридические последствия, тогда как в случае притворной сделки устанавливается, какую именно сделку стороны фактически совершили [2]. Например, если стороны заключили договор купли-продажи квартиры, но продавец продолжает проживать в спорном жилом помещении, а покупатель не предпринимает никаких действий по реализации своих прав собственности, суд вправе признать такую сделку мнимой, так как стороны не стремились к реальному переходу прав на имущество.

Помимо правильной квалификации сделки как мнимой, особое значение приобретает доказательство ее мнимого характера. Квалификация сделки не может основываться лишь на формальном анализе документов; необходимо установить фактическую волю сторон и обстоятельства, при которых она была совершена. Доказательство мнимости сделки предполагает комплексный подход и использование различных источников информации, включая письменные документы, экспертные заключения, показания сторон и свидетелей. Например, экспертиза может выявить расхождение между датой заключения договора и фактическим временем исполнения его условий, что подтверждает фиктивный характер сделки и отсутствие намерения сторон создавать юридические последствия.

Следует подчеркнуть, что наличие судебного акта, подтверждающего реальность исполнения обязательств по сделке, обладает преюдициальным значением. Тем не менее само формальное исполнение обязательств не исключает возможности признания сделки мнимой. Ключевым моментом остается установление того, что стороны не преследовали цель реально выполнять условия договора, а действия, которые имели место, носили исключительно видимый характер и не отражали действительной правовой воли участников сделки. Без доказательства согласованного отсутствия намерения у обеих сторон реализовать условия договора невозможно обоснованно признать сделку мнимой.

Притворные сделки представляют собой отдельную категорию недействительных сделок и характеризуются иной правовой природой. Их сущность заключается в том, что стороны намеренно заключают сделку, которая формально порождает правовые последствия, но эти последствия не соответствуют их действительной воле. Главная цель притворной сделки — прикрытие другой сделки, отражающей истинные намерения сторон. Таким образом, притворная сделка выступает как внешняя оболочка, маскирующая реальные правоотношения. В отличие от мнимой сделки, где воля сторон направлена исключительно на создание видимости, притворная сделка формально создает юридические последствия, но эти последствия не совпадают с теми правовыми эффектами, которые стороны действительно стремились реализовать [4, с. 451].

Различие между мнимой и притворной сделкой заключается в характере правовых последствий и реальной воле сторон. Мнимая сделка нацелена лишь на формальное существование, не порождая реальных юридических последствий. Притворная сделка, напротив, создает определенные юридические последствия, но они не соответствуют подлинной воле сторон, так как служат лишь прикрытием другой сделки. Это различие имеет фундаментальное значение, поскольку неправильная квалификация сделки может привести к существенным ошибкам в правоприменении. Наличие взаимоисключающих выводов о мнимости и притворности сделки в судебном акте

может служить основанием для признания такого акта незаконным, поскольку нарушается принцип точного определения правовых последствий конкретной сделки.

Квалификация сделки как притворной требует внимательного анализа реальной воли сторон и обстоятельств ее совершения. Притворная сделка характеризуется тем, что внешне она создает видимость законных юридических последствий, однако истинная воля участников направлена на прикрытие другой сделки, отражающей их реальные намерения. Центральным моментом в этом контексте является выявление несоответствия между формально выраженным волеизъявлением сторон и их действительными намерениями. Важно определить, сознательно ли стороны использовали сделку как инструмент для сокрытия истинных правовых последствий [5, с. 46].

На практике возникают ситуации, когда формальные признаки сделки не соответствуют ее внутреннему содержанию. Например, сделка может быть оформлена в виде дарения имущества с одновременным условием выполнения определенных обязанностей другой стороной, что, на первый взгляд, создает видимость законного распоряжения имуществом. Однако при внимательном рассмотрении становится очевидно, что стороны не имели цели использовать формальный договор для реализации настоящей сделки, а совершили его для прикрытия иной договоренности. В подобных случаях необходимо тщательно анализировать волю сторон, чтобы установить, был ли юридический акт лишь внешней оболочкой или же отражал подлинные намерения участников.

Сложность квалификации притворной сделки усугубляется тем, что для ее признания важно определить, какую именно сделку она прикрывает. Без ясного понимания скрытых правоотношений вывод о притворности остается недостоверным. Часто наблюдается, что формальные действия сторон создают видимость исполнения обязательств, при этом истинная сделка может быть иной по своей сути. Например, если денежные средства передаются по договору займа, но последующее поведение участников указывает на отсутствие реального намерения исполнять обязательства, необходимо установить, какой именно договор или намерение стороны пытались замаскировать с помощью формальной сделки. Без такой реконструкции правовых отношений суд не может достоверно квалифицировать сделку как притворную.

Важно подчеркнуть, что наличие формальных нарушений в договоре, таких как отсутствие встречного предоставления или частичное невыполнение обязательств, само по себе не свидетельствует о притворном характере сделки. Для правомерного признания сделки притворной критически важно выявить сознательную направленность действий сторон на прикрытие другой сделки, а также убедиться, что обе стороны осознавали фиктивный характер совершаемых действий. В этом заключается фундаментальное отличие притворной сделки от иных форм недействительных сделок, таких как мнимые, где отсутствие реальной воли направлено на создание лишь види-

мости самой сделки, без стремления к прикрытию другой правовой сделки.

Следует также отметить, что ошибочная квалификация притворной сделки как мнимой не влечет автоматического признания судебного акта недействительным, если это не повлияло на решение по существу спора. Основной критерий оценки заключается в установлении действительной воли сторон и соответствия достигнутых юридических последствий их намерениям. Только комплексная оценка этих факторов позволяет корректно определить правовую природу сделки и правильно применить нормы гражданского законодательства.

Таким образом, мнимая и притворная сделки объединяет одно фундаментальное свойство — они не преследуют цель создания реальных юридических последствий в рамках формальной сделки, а направлены на обход закона. Однако между ними существует принципиальное различие: мнимая сделка служит исключительно для видимости, тогда как притворная создает формальные последствия, которые не соответствуют действительной воле сторон. Правильная квалификация таких сделок требует глубокого анализа их содержания и внутренней воли участников, что является ключевым условием обеспечения законности гражданского оборота и защиты прав добросовестных участников правоотношений.

Правовые последствия мнимых и притворных сделок непосредственно связаны с их недействительностью и играют ключевую роль в обеспечении законности гражданского оборота. Признание сделки недействительной означает, что она не порождает для сторон юридически значимых прав и обязанностей, поскольку отсутствует действительное волеизъявление, направленное на создание соответствующих последствий. В случае мнимой сделки основной эффект заключается в том, что никакие имущественные или иные обязанности, формально предусмотренные договором, не возникают, а стороны остаются в исходном положении, существовавшем до совершения сделки. Это позволяет восстановить справедливое положение участников и предотвратить злоупотребления правом, направленные на обход закона.

Общие положения о последствиях недействительности ничтожной сделки определены в ст. 167 ГК РФ, в соответствии с которой недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения. Исходя из данной формулировки применение последствий недействительности сделки законодатель связывает с двумя видами реституции: реституцией владения (возврат полученного в натуре) и компенсационной реституцией (выплата денежной компенсации).

Верховный Суд РФ дает разъяснения, что правовые последствия у мнимых сделок бывают, когда стороны такой сделки для вида осуществляют ее формальное исполнение. К таким последствиям относятся «осуществление сторонами для вида государственной регистрации перехода права собственности на недвижимое имущество»,

что «не препятствует квалификации такой сделки как ничтожной» [2].

Таким образом, в случае мнимой сделки это означает необходимость возврата всех фактически переданных материальных ценностей, денежных средств или иных выгод, полученных одной стороной за счет другой. Принцип реституции преследует цель восстановления первоначального имущественного положения участников, что обеспечивает экономическую справедливость и предотвращает возникновение необоснованного обогащения. При этом закон допускает случаи, когда реституция может быть ограничена или модифицирована, если стороны действовали добросовестно и не могли предвидеть недействительность сделки.

Для притворных сделок правовые последствия носят более сложный характер. Поскольку притворная сделка создает формальные юридические последствия, которые не соответствуют действительной воле сторон, необходимо установить, какую именно сделку она прикрывает. В случае признания притворной сделки недействительной юридические последствия формальной сделки аннулируются, а истинная сделка рассматривается как основа гражданских правоотношений. Это позволяет восстановить баланс интересов и правильно определить права и обязанности сторон, исходя из их подлинной договоренности, а не из формального документа, использованного для сокрытия правовой сути отношений.

Защита добросовестных третьих лиц является ключевым аспектом правового регулирования мнимых и притворных сделок. Законодательство Российской Федерации закрепляет принцип, согласно которому последствия признания сделки недействительной не могут ущемлять права тех участников гражданского оборота, которые вступили в правоотношения с её сторонами, действуя добросовестно и не имея информации о фиктивном характере сделки. Это положение отражает стремление правовой системы к справедливости и балансу интересов, позволяя защитить экономические интересы и правовую безопасность лиц, которые не причастны к попыткам обхода закона. Таким образом, законодатель создает гарантию того, что недействительность сделки не приведет к необосно-

ванной потере прав добросовестного третьего лица, что особенно важно в сфере гражданского оборота, где активное взаимодействие участников предполагает участие множества сторон.

Недействительность мнимых и притворных сделок также влечет ограничения по судебной защите. Поскольку такие сделки изначально не способны порождать реальные юридические последствия, стороны не могут ссылаться на них для реализации своих прав или защиты интересов. Это предотвращает искусственное создание юридических оснований для требований, не соответствующих действительной воле участников. Одновременно суды вправе установить фактические обстоятельства и восстановить права участников, исходя из реальной волеизъявленной сделки, если она существует.

Важным аспектом является и возможность привлечения к ответственности за злоупотребление правом или причинение ущерба в результате совершения мнимой или притворной сделки. Поскольку такие сделки направлены на обход закона, их совершение может повлечь гражданско-правовую, а в отдельных случаях административную или даже уголовную ответственность. Законодательное регулирование предусматривает возможность возмещения убытков и защиты интересов пострадавшей стороны, что создает дополнительный механизм контроля и стимулирует участников к соблюдению правовых норм.

Наконец, правовые последствия мнимых и притворных сделок имеют системное значение для гражданского оборота в целом. Они способствуют укреплению принципов добросовестности, прозрачности и законности в сфере гражданских правоотношений. Признание сделок недействительными и применение соответствующих последствий создает правовую основу для противодействия попыткам обхода закона, защиты интересов участников и предотвращения формирования фиктивных правоотношений. Таким образом, институт мнимых и притворных сделок является не только инструментом регулирования конкретных отношений, но и элементом поддержания стабильности и предсказуемости гражданского оборота в Российской Федерации.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 31.07.2025) // СПС КонсультантПлюс.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Белобородов М. В., Евтягина В. Ф. Особенности признания недействительными мнимых либо притворных сделок в гражданском праве // Закон и право. 2021. № 5. С.38–41.
4. Гражданское право: учебник / отв. ред. А. П. Сергеев. — М.: Проспект, 2020. — 880 с.
5. Шичко А. Р., Хачатурова А. С., Савватеев С. В., Сурков А. Н. Правовая природа совершения мнимых и притворных сделок // Право и управление. 2024. № 12. С.46–49.

Юридическая природа персонажа видеоигры

Гаврюшева Юлия Витальевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В рамках данной статьи автор рассматривает персонажа видеоигры через призму авторского права, определяя тем самым его юридическую природу.

Ключевые слова: авторское право, персонаж видеоигры, интеллектуальная деятельность, произведение.

В советский период отечественное законодательство не закрепляло специальных правовых положений, позволяющих юридически защищать персонажей художественных произведений, являющихся частью творческого замысла автора. Правовая охрана предоставлялась исключительно произведению в целом, а не его отдельным частям. В зарубежном праве вопрос об охране персонажей произведений и искусства как самостоятельных результатов интеллектуальной и творческой деятельности возник одновременно с появлением их коммерческого использования, например, в целях рекламы, содержащей узнаваемый образ [1].

Вопрос об охраноспособности персонажа в зарубежной правовой доктрине трактуется неоднозначно. В англосаксонском праве, особенно в США, применяется широкий подход к пониманию сущности данного явления, характеризующийся тем, что персонаж определяется через индивидуальные характеристики героя, вплетенного в сюжетную линию произведения, а также через его имя, образ и внешний вид. Основан этот подход на доктрине существенного сходства (substantial similarity), суть которой заключается в том, что нарушением авторских прав признаются любые изменения формулировок текстов произведений, а также звуковых или визуальных элементов [2].

В Российской Федерации п. 3 ст. 6 Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах» впервые была закреплена возможность самостоятельной правовой охраны персонажа как части произведения. Указанная норма гласила, что часть произведения (включая его название), которая соответствует требованиям охраноспособности произведения в целом, а также часть произведения, которая может использоваться самостоятельно, являются объектом авторского права.

После вступления четвертой части ГК РФ были опубликованы разъяснения Постановления Пленума ВС РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 “О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации”. В п. 29 было дано понятие персонажа как части произведения, «содержащую описание или изображение того или иного действующего лица в форме (формах), присущей (присущих) произведению: в письменной, устной форме, в форме изображения, в форме звуко- или видеозаписи, в объемно-пространственной форме и др.» [3]. Также законодателем прямо указано на возможность правообладателя исполь-

зовать правовую защиту персонажа любым способом, который используется при правовой защите произведения в целом, включая его переработку (п. 2 ст. 1270 ГК РФ). Тем не менее, после получения достаточно конкретных разъяснений, вопрос о правовой природе персонажа как самостоятельного объекта авторских прав в юридической доктрине остается открытым.

Российская судебная практика в данный момент складывается таким образом, что при использовании охраняемых частей произведения нарушается право на произведение в целом, и поэтому для самостоятельной правовой охраны персонажа как части произведения, прежде всего необходимо доказать, что персонаж соответствует критериям охраноспособности, одним из которых является узнаваемость персонажа, которая определяется комплексом отличительных черт.

Узнаваемость персонажа представляет собой одно из проявлений его оригинальности как результата самостоятельной творческой деятельности. В связи со всем вышесказанным возникает вопрос о том, каждый ли персонаж может соответствовать этому качеству?

Решение данного вопроса имеет практическое значение при решении вопроса о самостоятельности результата творческого труда автора и разрешается он в зависимости от классификации персонажа как части произведения.

Прежде всего представляется необходимым определить место персонажа видеоигр в системе объектов интеллектуальной собственности, является ли он самостоятельным результатом интеллектуальной деятельности, либо рассматривается как часть некоего произведения, либо представляет собой что-то другое. Для рассмотрения данного вопроса следует обратиться к основным требованиям к режиму персонажей по российскому законодательству в общем.

Согласно п. 7 ст. 1259 ГК РФ авторские права распространяются на часть произведения, на его название, на персонажа произведения, если по своему характеру они могут быть признаны самостоятельным результатом творческого труда автора и отвечают требованиям, установленным п. 3 ст. 1259 ГК РФ.

П. 3 ст. 1259 ГК РФ в свою очередь раскрывает то, что авторские права распространяются на произведения только при условии того, что они выражены в какой-либо объективной форме. Также, к условиям правовой охраноспособности персонажа как части произведения относят следующие критерии:

— персонаж должен сохранять свою узнаваемость как часть конкретного произведения при его использовании отдельно от всего произведения в целом;

— персонаж сам по себе может быть признан самостоятельным результатом творческого труда автора, отдельно от всего произведения в целом [4].

Под персонажем следует понимать, согласно п. 82 Постановления Пленума ВС РФ № 10/2019, совокупность описаний и изображений того или иного действующего лица произведения в форме, присущей произведению: в письменной, устной форме, в форме изображения, в форме звукозаписи или видеозаписи, в объемно-пространственной форме и другое. При этом, важно понимать, что не любое действующее лицо произведения следует понимать под персонажем, так как оно должно соответствовать вышеописанным критериям.

В случаях судебного разбирательства бремя доказывания, согласно абз. 2 п. 82 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10/2019, лежит на истце, и он обязан обосновать, что персонаж существует как самостоятельный результат интеллектуальной деятельности, а также обладает ли конкретное действующее лицо видеоигры достаточными индивидуализирующими его характеристиками.

В силу уже сказанного ранее можно заключить, что персонаж может выступать во всех трех ипостасях. Так, по определению он всегда является частью произведения, но может при этом не отвечать критериям охраноспособности, т. е. не быть персонажем, соотносящимся со смыслом п. 7 ст. 1259 ГК РФ. Таковыми будут неоригинальные персонажи, не имеющие индивидуализирующих их характеристик. Это может быть персонаж, который имеет общий «облик», который может быть использован в разных произведениях.

Таким образом, творчески самостоятельными и подлежащими охраноспособности могут быть персонажи, которые имеют признак визуальной узнаваемости, а также которые могут восприниматься в процессе внешней визуализации соответствующего художественного образа.

Подводя итоги вышесказанного, определить персонажа произведения, подлежащего охране авторским правом можно как внешне визуализированное описание вымышленного лица, представленное в объективной форме в виде изображения и/или трехмерного объекта, представляющего собой результат интеллектуальной деятельности, позволяющий использовать его вне зависимости от основного произведения, отдельной частью которого он является.

В заключении следует отметить, что персонажи видеоигр можно рассматривать с трех сторон. Во-первых, он всегда является частью произведения, даже при условии того, что не отвечает законодательным условиям охраноспособности, то есть не быть персонажем в соответствии с п. 7 ст. 1259 ГК РФ (второстепенные персонажи).

Во-вторых, если рассматривать персонажа с позиции п. 7 ст. 1259 ГК РФ, то он выступает в качестве самостоятельного результата интеллектуальной деятельности. Данное утверждение можно вывести из толкования абз. 3 и 5 п. 81, абз. 2 п. 82 Постановления Пленума ВС РФ № 10/2019.

В-третьих, персонаж может являться самостоятельным результатом интеллектуальной деятельности, вышедшим за рамки конкретного произведения и переставшей быть ее частью. Такое происходит только при условии соблюдения критериев охраноспособности и может происходить, когда, например, персонаж фигурирует в видеоиграх других создателей, не теряя при этом своих индивидуальных черт, характерных для конкретного персонажа.

Литература:

1. Борисенко Д. Права на результаты интеллектуальной деятельности в составе аудиовизуального произведения: дис. канд. юрид. наук. М., 2013 С. 83–84.
2. Копылов А. Ю. Условия охраноспособности персонажа художественного произведения // Вестник Томского государственного университета. 2020 № 457 С. 243
3. О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 от 26 марта 2009 г.
4. П. 81 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10/2019 от 23.04.2019.

Видеоигры как сложные объекты авторского права

Гаврюшева Юлия Витальевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Колодуб Григорий Вячеславович, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В рамках данной статьи автор рассматривает видеоигры как сложные объекты авторского права в целях определения наиболее подходящего правового режима.

Ключевые слова: авторское право, видеоигры, сложный объект, правовой режим, лицензионный договор, мультимедийная продукция.

Несмотря на все недостатки к подходам правовой охраны видеоигр, определение сложного объекта авторского права позволяет разграничить каждый элемент и обеспечить его правовую защищенность. Так, согласно доктрине, сложный объект авторского права можно определить как комплексный результат интеллектуальной деятельности, созданный в результате разнородной деятельности нескольких лиц путем объединения результатов их интеллектуального труда в единое целое под общим замыслом. Особенностью указанного определения является то, что несмотря на самостоятельность каждого элемента общего продукта, он не может существовать в отсутствие какого-либо из них [1].

Также, в доктрине существует мнение, что видеоигры относятся к мультимедийному продукту, как один из видов сложного объекта. Так, авторы определяют мультимедийный продукт как выраженный в электронной форме объект авторских прав, который включает несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и с помощью компьютерных устройств функционирует в процессе взаимодействия с пользователем [2].

В своей работе Е. С. Котенко справедливо указывает на то, что мультимедийный продукт, в отличие от других видов сложных объектов, всегда включает в один из результатов интеллектуальной деятельности программу для ЭВМ, так как благодаря ей остальные составные части сложного объекта (изображения, звуки, текст и т. д.) обретают электронную/цифровую форму, и также при этом обеспечивается особая роль пользователя в функционировании такого объекта, т. е. обладают интерактивностью.

Остается нерешенным вопрос авторства мультимедийного продукта и, соответственно, видеоигры, как одной из его разновидностей. В создании большинства современных видеоигр участвует множество лиц, среди которых продюсер, занимающийся процессом создания продукта, геймдизайнеры, сценаристы, художники, композиторы, программисты и другие.

В конструкции сложного объекта, при всех указанных ее преимуществах, не в полной мере учитываются особенности мультимедийного продукта в целом и видеоигры в частности, а именно, признака интерактивности. Суть интерактивности заключается в активной роли пользователя в функционировании видеоигры и его возможности влиять на организацию и форму представления материалов игры. Активность пользователя может проявляться в создании внутриигровых объектов, а также дополнений к видеоиграм и внедрении изменений.

Видеоигры, как сложный объект авторского права, включают в себя различные результаты интеллектуальной деятельности и большинство из них представляют собой объекты авторского права, в связи с чем, считаю необходимым рассмотреть их более детально. Видеоигры могут включать в себя: программный код, то есть программа для ЭВМ, музыкальное сопровождение, сценарий, персонажи видеоигр, графика, дизайн [3].

В силу Бернской конвенции авторско-правовая охрана возникает автоматически с момента создания произве-

дения, то есть с момента представления его в объективной форме, и не зависит от его регистрации в каком-либо реестре. Однако стоит отметить, что правовая защита не является абсолютной, например в судебной практике США существуют ограничения в отношении охраны объектов авторского права, отраженные в доктрине *scenes à faire*. Данная доктрина является основанием для отказа в защите элементов произведения, которые являются общепринятыми в его жанре. Это могут быть, в частности, определенные сцены, сюжетные линии или предметы материального мира [4]. В качестве примера стоит привести любую видеоигру в сеттинге Средневековья, в такой игре неизбежно будут рыцари, крепости, лошади, броня и другие характерные для того времени элементы, которые не будут охраняться авторским правом.

В России судебная практика имеет аналогичный подход к рассмотрению подобных вопросов. Суды при исследовании вопроса о наличии охраняемого объекта авторского права отказывают в защите тех объектов, которые являются «стандартными и общеупотребительными».

В контексте рассматриваемой проблемы стоит поднять вопрос того, кому принадлежат авторские права на мультимедийный продукт. Согласно ст. 1240 ГК РФ, исключительные права *в целом* на сложный объект принадлежат лицу, организовавшему его создание, то есть, применительно к видеоиграм это будет компания-разработчик видеоигры. *В частности* же другие лица, участвующие в создании сложного объекта, могут иметь права на созданный ими результат интеллектуальной деятельности [5].

Разберем каждый элемент видеоигры как объект авторского права, возникающий в процессе ее создания.

1. Программа для ЭВМ в составе видеоигры. Согласно ст. 1261 Гражданского кодекса РФ программа для ЭВМ включает в себя исходный и объектный код, подготовительные материалы, аудиовизуальные отображения.

2. Сценарий является охраняемым объектом авторского права как литературное произведение, о чем сказано в ст. 1259 Гражданского кодекса РФ, и представляет собой форму выражения сюжета произведения. Авторские права на сценарий возникают с момента придания идеям автора объективной форме.

3. Музыкальное сопровождение. Произведения, написанные в целях музыкального сопровождения видеоигр, также охраняются авторским правом. Примечательно, что наличие или отсутствие текста произведения, не влияет на возможность его защиты. Автор музыкального произведения — композитор, приобретает исключительные права на свое произведение, то есть может использовать его вне видеоигры.

4. Внутриигровое имущество — нематериальный объект, выраженный в цифровой форме и существующий исключительно внутри игрового пространства. В качестве примера следует привести игровое снаряжение, оружие, средства передвижения и иные. Внутриигровое имущество обладает определенной ценностью, так как приобретается чаще всего за реальные денежные средства и может

переходить к другому игроку в обмен на те же деньги или реальные услуги.

5. Виртуальный игровой мир состоит из множества игровых уровней, представляющих собой разные **локации**. В рамках данной работы **локация** — творческое выражение идеи физического пространства, в рамках которого происходит взаимодействие игрока с виртуальным миром.

6. Многие видеоигры включают в себя **аудиовизуальные произведения** — кат-сцены, представляющие собой встроенные в игру эпизоды, созданные в формате видеороликов чаще всего с музыкальным сопровождением, необходимых для развития сюжета и раскрытия персонажей для игрока. Кат-сцены содержат в себе зафиксированную последовательность изображений, из чего следует, что они должны охраняться как любое другое аудиовизуальное произведение, согласно ст. 1263 Гражданского кодекса РФ.

Таким образом, авторские права обеспечивают защиту от копирования и дублирования элементов видеоигр в других проектах и носят ключевой характер в сфере их разработки, так как эти права распространяются на оригинальные литературные, художественные и музыкальные произведения, которые включают в себя прописанный сюжет, персонажей, саундтрек и программный код видеоигры. Однако разные части видеоигры защищаются различными сферами интеллектуальной собственности.

Патентная защита применяется к аппаратным и техническим решениям, этот вид интеллектуальной собствен-

ности обеспечивает защиту технических характеристик видеоигры. Также он предотвращает выпуск на рынок продуктов, схожими с теми, которые покрывают патенты. Важно отметить, что многие разработчики считают, что элементы игровых движков должны оставаться доступными для общего пользования, поэтому в индустрии не принято защищать игровые движки или их элементы. В пример следует привести игровой движок Unreal Engine, компания-создатель которого позволяет использовать его для некоммерческих игр и бесплатных приложений.

Регистрация товарных знаков может быть применена для защиты логотипов, имен и продуктов компаний. Товарные знаки обеспечивают правовую охрану для обозначений, используемых в коммерческих целях для идентификации видеоигр, например визуальных, словесных или звуковых обозначений.

Государственная регистрация промышленного образца позволяет защитить уникальный внешний облик продукта. В данном случае, указанный вид защиты распространяется только на внешние характеристики, такие как цвет, форма, текстура. Это позволяет авторам получать доход от продаж продуктов с их дизайном.

Подводя итоги, следует отметить, что подход к определению видеоигры как сложному объекту авторских прав, на мой взгляд, является самым обширным и охватывает каждый его элемент, которые при этом могут быть рассмотрены как целостный объект интеллектуального труда, так и как самостоятельную его часть.

Литература:

1. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: Сборник статей. М., 2003. С. 147.
2. Котенко Е. С. Правовой режим компьютерных игр // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-rezhim-kompyuternyh-igr> (дата обращения: 25.10.2025).
3. Greenspan D., Boyd S. G., Purewal J. Video Games and IP: A Global Perspective. P. 9.
4. Постановление СИП от 28.03.2017 № C01–78/2017 по делу № A56–73596/2015.
5. Гринь Е. С. Авторские права на мультимедийный продукт. С. 73.

Теоретико-правовые основы уголовного преследования органами дознания

Галочкина Ирина Дмитриевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Иванов Евгений Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент
Тульский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье автор исследует базовые основы уголовного преследования органами дознания. Анализируются полномочия органов дознания, принципы их деятельности, порядок взаимодействия с другими правоохранительными органами и участниками уголовного процесса. Повышенный интерес уделяется обеспечению прав и законных интересов всех участников процесса и контролю со стороны прокуратуры за деятельностью органов дознания.

Ключевые слова: дознание, преследование, органы дознания.

В условиях современного общества, характеризующегося ростом преступности, усложнением ее форм и методов, продуктивное осуществление уголовного пре-

следования является условием для защиты прав и свобод граждан, интересов общества и государства. Органы дознания — первый рубеж борьбы с преступностью, зани-

мают центральное место в выявлении, пресечении и расследовании преступлений небольшой и средней тяжести, в выполнении неотложных следственных действий по тяжким и особо тяжким преступлениям. Их деятельность оказывает непосредственное влияние на качество и своевременность расследования, на соблюдение прав участников уголовного процесса.

Возрастающая динамика преступности, в особенности в сфере экономики, информационных технологий и незаконного оборота наркотиков, требует постоянного совершенствования деятельности органов дознания.

Уголовное преследование — деятельность уполномоченных государством органов и должностных лиц, направленная на изобличение лица в совершении преступления и осуществление в отношении него мер процессуального принуждения, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Деятельность начинается с момента возбуждения уголовного дела и заканчивается вынесением оправдательного приговора, прекращением уголовного дела по реабилитирующим основаниям или вступлением в законную силу обвинительного приговора.

Досудебное уголовное преследование — любая деятельность, связанная с подготовкой обвинения, но сам акт предъявления обвинения не должен входить в пределы досудебного преследования. Предъявление обвинения — акт судебного уголовного преследования [3, с. 26].

Органы дознания — государственные органы и должностные лица, уполномоченные в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом РФ осуществлять дознание и другие процессуальные действия, направленные на установление обстоятельств преступления и установление виновных лиц. К органам дознания относятся органы внутренних дел (полиция), органы Федеральной службы судебных приставов, органы Государственного пожарного надзора и др.

Характерностью правового положения органов дознания является отсутствие у них единого процессуального статуса: одни обладают всей полнотой полномочий (по производству предварительного расследования в форме дознания, производству неотложных следственных действий и исполнению разных поручений органов предварительного расследования и прокурора), другие пользуются только некоторыми из них. Отдельные полномочия реализуются органами дознания за пределами уголовно-процессуальной деятельности, что ставит под вопрос правомерность отнесения таких органов к числу участников уголовного процесса [2, с. 97].

Базовым нормативным актом, определяющим полномочия и порядок деятельности органов дознания, является УПК РФ [1].

В статье 40 УПК РФ определен перечень органов дознания, к которым относятся органы внутренних дел, органы принудительного исполнения, начальники органов военной полиции и командиры воинских частей, органы государственного пожарного надзора. На органы дознания

возлагаются такие задачи, как дознание по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, выполнение неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, осуществление иных полномочий, предусмотренных УПК РФ.

Значимым компонентом теоретико-правовых основ является статья 21 УПК РФ, устанавливающая обязанность осуществления уголовного преследования. Согласно данной статье, в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель обязаны принять предусмотренные УПК РФ меры по установлению события преступления и изобличению виновных лиц. Требования, поручения и запросы, предъявленные органами дознания в пределах их полномочий, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами.

Уголовное преследование органами дознания осуществляется в соответствии с принципами законности, справедливости, равенства всех перед законом и судом, обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту, презумпции невиновности и другими основополагающими принципами уголовного судопроизводства.

Органы дознания, осуществляя уголовное преследование, соблюдают требования законодательства, обеспечивают права и законные интересы всех участников уголовного процесса, охватывая потерпевших, свидетелей, подозреваемых и обвиняемых. Значимым компонентом является взаимодействие органов дознания с другими правоохранительными органами, прокуратурой и судом.

В соответствии с УПК РФ, органы дознания осуществляют свою деятельность под контролем прокурора, осуществляющий надзор за законностью их действий. Прокурор вправе давать органам дознания обязательные для исполнения указания по вопросам уголовного преследования, проверять законность принимаемых ими решений и осуществлять другие контрольные функции. Правовые основы уголовного преследования органами дознания охватывают нормы, регулирующие порядок возбуждения уголовного дела, проведения дознания, осуществления следственных действий и принятия процессуальных решений. Возбуждение уголовного дела является отправной точкой уголовного преследования, и органы дознания обязаны незамедлительно реагировать на сообщения о совершенных или готовящихся преступлениях.

В процессе дознания органы дознания собирают, проверяют и оценивают доказательства, устанавливают обстоятельства, имеющие значение для дела, и принимают меры к установлению виновных лиц. Следственные действия, проводимые органами дознания, осуществляются в соответствии с требованиями УПК РФ, с соблюдением прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Участники уголовного процесса имеют право обжаловать в установленном порядке действия и решения

органов дознания, если считают, что они нарушают их права и законные интересы. Жалобы рассматриваются прокурором, руководителем следственного органа или судом, которые принимают меры к восстановлению нарушенных прав.

Органы дознания обладают обширным диапазоном полномочий для осуществления уголовного преследования; вправе проводить осмотры места происшествия, обыски, выемки, допросы, очные ставки, опознания и другие следственные действия. При этом органы дознания соблюдают требования закона, обеспечивают соблюдение прав и свобод граждан, не допускают необоснованного вмешательства в их частную жизнь.

Доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, не имеют юридической силы и не используются для обоснования обвинения. Органы дознания принимают меры к обеспечению сохранности следов преступления и других вещественных доказательств, к установлению и допросу свидетелей и потерпевших.

Уголовное дело приостанавливается в случаях, когда не установлено лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, когда обвиняемый скрылся от следствия или суда, когда место нахождения обвиняемого не установлено по другим причинам, в случае тяжелой болезни обвиняемого, препятствующей его участию в уголовном процессе.

Уголовное дело прекращается в случаях, когда отсутствует событие преступления, когда в деянии отсутствует состав преступления, когда истекли сроки давности уголовного преследования, когда в отношении подозреваемого или обвиняемого имеется вступивший в законную силу приговор суда по тому же обвинению либо определение или постановление суда о прекращении уголовного дела по тому же основанию, когда имеется не отмененное постановление органа дознания, следователя или прокурора о прекращении уголовного дела по тому же основанию, либо когда имеется акт об амнистии или помиловании.

Таким образом, базисным нормативным актом, регулирующим деятельность органов дознания, является УПК РФ (ст. 40). На них возлагается дознание, выполнение неотложных следственных действий и иные полномочия, предусмотренные УПК РФ. Статья 21 УПК РФ обязывает органы дознания принимать меры по установлению преступления и изобличению виновных.

Уголовное преследование осуществляется согласно принципам законности, справедливости, равенства и презумпции невиновности. Органы дознания взаимодействуют с другими правоохранительными органами под контролем прокуратуры; обязаны реагировать на сообщения о преступлениях и обеспечивать соблюдение прав участников процесса, собирают и оценивают доказательства, и участники процесса вправе обжаловать их действия.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
2. Дикарев, И. С. Аномалии правового положения органов дознания / И. С. Дикарев // Правовое государство: теория и практика. — 2023. — № 2(72). — С. 97–104.
3. Наумов, А. М. Уголовное преследование при производстве дознания в сокращенной форме / А. М. Наумов. — Владимир: Владимирский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2024. — 329 с.

Особенности уголовного преследования по уголовным делам, отнесенным к компетенции органов дознания

Галочкина Ирина Дмитриевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Иванов Евгений Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент
Тульский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье автор исследует характерность уголовного преследования по уголовным делам, отнесенным к компетенции органами дознания. Обозначена проблема перегруженности дознавателей делами, не представляющими особой сложности. В качестве решения предлагается расширение полномочий участковых уполномоченных полиции по расследованию дел об административных правонарушениях, связанных с незначительным ущербом. Предлагается внести изменения в статью 40 УПК РФ, разрешив передачу отдельных категорий уголовных дел участковым уполномоченным полицией для производства неотложных следственных действий и расследования.

Ключевые слова: дознание, преследование, органы дознания.

Органы дознания — первичное звено в системе уголовного преследования, принимают бремя оперативного реагирования на обширный диапазон преступлений, от мелких краж и мошенничества до серьезных деяний, требующих незамедлительного вмешательства. Качество и результативность их работы напрямую влияют на своевременность раскрытия преступлений, защиту прав и законных интересов граждан, на поддержание правопорядка в обществе.

Современное общество характеризуется ростом преступности, появлением новых видов преступлений, связанных с использованием информационных технологий, и усложнением схем совершения преступлений. В этих условиях органам дознания следует оперативно адаптироваться к изменяющейся криминогенной обстановке и продуктивно противодействовать преступности.

Органы дознания, осуществляя уголовное преследование, соблюдают права подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и других участников уголовного процесса. Нарушения прав граждан на стадии дознания приводят к незаконному привлечению к уголовной ответственности, необоснованному ограничению свободы и другим негативным последствиям.

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (УПК РФ) [1], органы дознания уполномочены проводить дознание по уголовным делам, по которым предварительное следствие не является обязательным (преступления небольшой и средней тяжести, перечень которых установлен в статье 150 УПК РФ). Дознание осуществляется в порядке, предусмотренном главой 32 УПК РФ, и составляет совокупность следственных и процессуальных действий, направленных на установление обстоятельств совершенного преступления, выявление лиц, его совершивших, и сбор доказательств, необходимых для разрешения дела по существу.

К компетенции органов дознания относятся уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) «Кража», если стоимость похищенного имущества не превышает 2500 рублей. Также к их компетенции относятся дела о преступлениях, предусмотренных статьями 159 УК РФ «Мошенничество», если ущерб, причиненный преступлением, не превышает 2500 рублей. Органы дознания рассматривают дела о преступлениях, предусмотренных статьями 115 УК РФ «Умышленное причинение легкого вреда здоровью», дела о преступлениях, предусмотренных статьями 116 УК РФ «Побои». В их компетенцию входят и дела о преступлениях, предусмотренных статьями 116.1 УК РФ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию». Органы дознания также уполномочены рассматривать дела о преступлениях, предусмотренных статьями 119 УК РФ «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью», если отсутствуют обстоятельства, отягчающие наказание [3, с. 195].

Помимо вышеуказанных преступлений, к компетенции органов дознания относятся уголовные дела о пре-

ступлениях, предусмотренных статьями 150 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления», если это деяние не связано с совершением тяжкого или особо тяжкого преступления. Также к их компетенции относятся дела о преступлениях, предусмотренных статьями 151 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, в занятие бродяжничеством или попрошайничеством». Органы дознания рассматривают дела о преступлениях, предусмотренных статьями 151.2 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий». В их компетенцию входят и дела о преступлениях, предусмотренных статьями 154 УК РФ «Незаконное усыновление (удочерение)», если эти деяния не совершены из корыстных побуждений. Органы дознания также уполномочены рассматривать дела о преступлениях, предусмотренных статьями 156 УК РФ «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего», если это деяние не повлекло тяжких последствий [2, с. 114].

Органы дознания также рассматривают дела о преступлениях небольшой и средней тяжести, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, предусмотренных главой 27 УК РФ (преступления, предусмотренные статьями 264.1 УК РФ «Управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость»; преступления, предусмотренные статьями 314 УК РФ «Уклонение от отбывания ограничения свободы, лишения свободы, от применения принудительных мер медицинского характера»; преступления, предусмотренные статьями 315 УК РФ «Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта».

При наличии определенных обстоятельств, указанных в законе, уголовное дело, подследственное органу дознания, передается для производства предварительного следствия следователю.

На этапе возбуждения уголовного дела, дознаватель проводит проверку сообщения о преступлении в порядке, установленном статьями 144 и 145 УПК РФ. Он вправе требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий. Сроки проведения проверки ограничены, и по результатам проверки дознаватель принимает одно из решений, предусмотренных ст. 145 УПК РФ, о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела или о передаче сообщения по подследственности.

После возбуждения уголовного дела, дознаватель приступает к производству дознания в общем порядке, предусмотренном главой 32 УПК РФ, либо в сокращенной форме, установленной главой 32.1 УПК РФ. Сокращенная форма дознания применяется при наличии определенных

условий, например, когда лицо, совершившее преступление, установлено, оно признает свою вину, и отсутствуют обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме (ст. 226.1 УПК РФ). Характерность уголовного преследования, осуществляемого органами дознания, проявляются в сроках проведения дознания. В общем порядке срок дознания составляет 30 суток со дня возбуждения уголовного дела (ст. 223 УПК РФ). В исключительных случаях, связанных с целесообразностью производства сложных или объемных следственных действий, срок дознания продлевается прокурором субъекта Российской Федерации и приравненным к нему военным прокурором до 6 месяцев. Дальнейшее продление срока дознания возможно только в исключительных случаях, но не более чем на 12 месяцев (ст. 223 УПК РФ).

В рамках уголовного преследования, осуществляемого органами дознания, дознаватель наделен полномочиями по проведению следственных действий, предусмотренных УПК РФ. Он вправе допрашивать подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей, производить осмотры, обыски, выемки, назначать экспертизы и совершать иные процессуальные действия, направленные на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Характерностью является то, что в ходе дознания применяются меры пресечения (подписка о невыезде, личное поручительство, залог, домашний арест и заключение под стражу (ст. 98 УПК РФ)).

После окончания дознания, дознаватель составляет обвинительный акт и направляет уголовное дело прокурору для утверждения (ст. 225 УПК РФ). Прокурор, изучив материалы уголовного дела, принимает одно из решений, предусмотренных ст. 226 УПК РФ, а именно, утверждает обвинительный акт и направляет уголовное дело в суд, возвращает уголовное дело дознавателю для производства дополнительного дознания, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного акта, либо прекращает уголовное дело или уголовное преследование по основаниям, предусмотренным ст. ст. 24–28 УПК РФ. В случае утверждения обвинительного акта, уголовное дело направляется в суд, и начинается судебное разбирательство, в ходе которого суд рассматривает дело по существу и выносит приговор.

Рассмотрение большого количества дел, не представляющих особой сложности, отвлекает дознавателей от расследования серьезных и сложных преступлений. Дознаватели вынуждены тратить значительное время на

оформление процессуальных документов по делам, разрешенные в рамках административного производства или альтернативных форм урегулирования конфликтов.

Решением данной проблемы послужит, полагаем, законодательное расширение полномочий участковых уполномоченных полиции и других должностных лиц, наделенных правом составлять протоколы об административных правонарушениях, по возбуждению и расследованию дел об административных правонарушениях, связанных с незначительным имущественным ущербом или другими нетяжкими последствиями.

В связи с этим, предлагается внести изменения в статью 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, дополнив ее пунктом, предусматривающим возможность передачи отдельных категорий уголовных дел, отнесенных к компетенции органов дознания, для производства неотложных следственных действий и проведения расследования участковым уполномоченным полиции и другим должностным лицам, уполномоченным на то федеральным законом.

По нашему мнению, целесообразно дополнить статью 40 УПК РФ следующим пунктом: «4. По письменному поручению начальника органа дознания, отдельные категории уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 158 частью 1, 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, передаются участковым уполномоченным полиции и иным должностным лицам, уполномоченным на то федеральным законом, для производства неотложных следственных действий и проведения расследования в порядке, установленном настоящим Кодексом».

Таким образом, органы дознания расследуют преступления небольшой тяжести (кражи до 2500 рублей, мошенничество с аналогичным ущербом, нанесение легкого вреда здоровью и побои). В их компетенции также дела, связанные с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность, бродяжничество и антиобщественные действия, неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Дознаватели проводят проверку сообщений о преступлениях, осуществляют следственные действия, допрашивают участников, назначают экспертизы и применяют меры пресечения. После завершения дознания дело направляется прокурору, утверждающему обвинительный акт и передает дело в суд. Чтобы снизить нагрузку, предлагается расширить полномочия участковых полиции по расследованию дел о незначительных правонарушениях.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
2. Горovenko, P. Ю. Органы дознания: их задачи и полномочия / P. Ю. Горovenko // Цифровая трансформация современных образовательных технологий и систем научного знания: сборник научных трудов. — Казань: Общество с ограниченной ответственностью «САНТРЕМ», 2024. — С. 114–120.
3. Коновалов, Д. И. Органы дознания и их компетенция / Д. И. Коновалов // Пермский период: Сборник материалов XI Международного научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов образовательных органи-

заций, посвященного 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, Пермь, 20–24 мая 2024 года. — Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. — С. 195–197.

Роль прокурора в обеспечении процессуальных гарантий прав личности в уголовном процессе в России

Гапоян Лариса Гамлетовна, студент
Сибирский университет потребительской кооперации (г. Новосибирск)

В статье рассматриваются гарантии прав личности в уголовном процессе. Автор указывает, что прокурор играет роль в защите этих прав. Анализируются его полномочия на стадиях до суда и в суде, а также при обжаловании решений суда в апелляции. Подчёркивается, что прокурор выполняет сразу несколько задач: поддерживает обвинение от государства и следит за соблюдением прав всех участников процесса.

Ключевые слова: прокурор, уголовный процесс, права личности, правозащитная деятельность, апелляционная инстанция.

The role of the prosecutor in ensuring procedural guarantees of personal rights in the criminal procedure in Russia

The article discusses the guarantees of individual rights in the criminal process. The author points out that the prosecutor plays a role in protecting these rights. The article analyzes the prosecutor's powers in the pre-trial and trial stages, as well as during the appeal of court decisions. It emphasizes that the prosecutor performs several tasks simultaneously: supporting the state's prosecution and ensuring the protection of the rights of all participants in the process.

Keywords: prosecutor, criminal procedure, individual rights, human rights activities, court of appeal.

Уголовный процесс, как способ проведения уголовной политики, всегда влечет за собой ограничения прав человека. Поэтому особенно важны способы защиты этих прав и свобод. Главная роль здесь отводится прокурору, который занимается правозащитой. У прокурора много власти, и он должен следить за соблюдением закона, укреплять его, защищать права и свободы людей, а также интересы общества и государства, которые охраняются законом.

Защита прав человека прокурором — это отдельное направление работы, и это важно, потому что в демократическом обществе права и свободы человека — главное. В статье 2 Конституции РФ сказано, что человек, его права и свободы — это высшая ценность, и государство обязано их признавать, соблюдать и защищать [1]. На государство и его органы, в том числе и на прокуратуру, ложится ответственность за то, чтобы права и свободы человека и гражданина соблюдались в уголовном процессе. Это их прямая обязанность — следить за тем, чтобы всё было по закону.

У прокурора тут много работы. С одной стороны, он поддерживает обвинение в суде, а с другой — должен защищать права всех участников процесса. Получается, что даже когда прокурор выступает обвинителем, он всё равно должен следить за тем, чтобы ничьи права не были нарушены. У него есть для этого все необходимые инструменты и полномочия.

И неважно, кто именно пострадал: подсудимый, потерпевший, свидетель или кто-то ещё. Задача прокурора — восстановить справедливость и вернуть людям то, что у них отняли незаконно. Если где-то произошла ошибка или нарушение, прокурор должен вмешаться и всё исправить. Он как страж закона, который следит за тем, чтобы в уголовном процессе всё было честно и по правилам.

В рамках уголовно-процессуального законодательства, прокурор, в частности: «осуществляет надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, участвует в судебном рассмотрении дел, а также реализует право на обжалование незаконных и необоснованных судебных решений» [3, с.4].

Следует подчеркнуть, что осуществление уголовного преследования является одной из центральных задач прокуратуры. Т. С. Огай ссылаясь на слова В. В. Путина, указывает, что: «судебная реформа не может быть эффективной без активного участия прокуратуры в судебном процессе» [2, с. 21]. В основе поддержания государственного обвинения лежит стремление к справедливому и объективному рассмотрению уголовных дел. Это необходимо для вынесения законных, обоснованных и справедливых приговоров. Участие государственного обвинителя — важная гарантия законности уголовного процесса.

Прокурор, осуществляя уголовное преследование, обязан помнить о принципе презумпции невиновности, который закреплён в Конституции России. Это значит, что все сомнения в виновности обвиняемого толкуются в его пользу. Во время судебного процесса прокурор должен предоставлять только законные и убедительные доказательства вины, а также следить за тем, чтобы права обвиняемого на защиту соблюдались в полной мере. Как отмечает А. И. Петрова, это — важнейшая обязанность прокурора, гарантия соблюдения законности и справедливости в уголовном судопроизводстве. Ведь именно от действий прокурора зависит, насколько полно и объективно будет рассмотрено дело, и не будет ли нарушено ни одно право подсудимого. Суть работы прокурора — в обеспечении баланса между интересами государства и правами каждого гражданина, который оказался втянутым в уголовное судопроизводство [4].

Участие прокурора в апелляционном суде — это архиважная часть его работы по защите прав в уголовном процессе. По сути, когда прокурор участвует в рассмотрении апелляции, он выполняет одну из ключевых задач по защите законности. Прокурор подаёт апелляцию не ради своей выгоды, а чтобы защитить интересы государства и общества, следить за тем, чтобы закон соблюдался, и справедливость восторжествовала.

Объектом апелляции могут быть разные решения суда первой инстанции, как приговоры, так и определения. В ходе рассмотрения апелляции прокурор имеет полное право высказывать своё мнение по делу и убедительно доказывать, почему нужно отменить или изменить старое решение суда. Эти заключения очень важны, они помогают апелляционному суду сформировать свою позицию и принять законное, справедливое решение.

Ещё одно важное направление работы прокурора — надзор за органами дознания и предварительного следствия. Здесь он выступает гарантом того, что права и свободы граждан не нарушаются. Прокурор следит за тем, чтобы расследование преступлений велось по правилам, в соответствии с законом и справедливостью. Сейчас это особенно важно, потому что, хотя у подозреваемых и обвиняемых много прав по закону, всё равно есть риск, что эти права могут быть нарушены ещё до суда.

Прокурор должен контролировать соблюдение закона на всех этапах предварительного расследования, начиная с получения информации о преступлении и заканчивая передачей дела в суд. Чтобы хорошо выполнять эту работу, прокурор должен отлично разбираться в уголовном и уголовно-процессуальном праве, уметь анализировать информацию, мыслить критически.

История показывает, что роль прокурора всегда была важна, даже в самые сложные времена. Например, во

время Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), когда обстановка в стране была очень напряжённой, прокуроры следили за законностью и порядком ещё до суда. Это помогло решать конфликты и обеспечивать справедливость в обществе. В те годы, когда страна переживала потрясения, работа прокуроров была направлена как на поддержание порядка, так и на защиту прав граждан, что подчёркивает важность и непрерывность их правозащитной деятельности. Прокуроры, как стражи закона, стояли на защите интересов общества, предотвращая беззаконие и хаос. Их деятельность была направлена на обеспечение того, чтобы даже в самые трудные времена принципы справедливости и законности оставались незыблемыми.

Роль прокурора в уголовном судопроизводстве намного серьёзнее, чем работа следователя или даже судьи. Это не просто поддержка обвинения в суде. Когда прокурор участвует в судебном процессе, он выполняет сразу две важные функции: во-первых, как представитель государства, он следит за тем, чтобы решение суда было законным, обоснованным и справедливым; во-вторых, он гарантирует соблюдение прав всех людей и организаций, так или иначе связанных с уголовным делом.

Чтобы права и свободы человека в уголовном процессе были по-настоящему защищены, необходимо, чтобы все ветви власти — законодательная, исполнительная и судебная — работали вместе. Прокурор должен строго следовать закону, а защита прав человека должна основываться на справедливости, человеколюбии и уважении к каждому.

Чтобы успешно справляться с этой непростой и ответственной работой, прокуроры должны всегда использовать все свои знания и умения, постоянно учиться новому и совершенствоваться. Это подразумевает не только глубокое знание законов и процессуальных норм, но и умение разбираться в сложных жизненных ситуациях, находить общий язык с разными людьми, быть принципиальным и честным.

Кроме того, от прокурора требуется умение анализировать большой объём информации, выявлять противоречия и нестыковки, делать правильные выводы и принимать взвешенные решения. Важно также уметь аргументированно отстаивать свою позицию в суде, убеждать судей и присяжных в правильности своих доводов, не поддаваясь давлению и не поступаясь принципами.

Таким образом, роль прокурора в обеспечении прав личности в уголовном процессе является ключевой и многогранной. От того, насколько добросовестно и профессионально прокурор выполняет свои обязанности, зависит соблюдение законности и справедливости в уголовном судопроизводстве, а также защита прав и свобод человека и гражданина. Ответственность большая, и требования к прокурорам предъявляются самые высокие.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными

поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

2. Огай Т. С. Роль прокурора в судебных стадиях уголовного процесса // Вестник науки. 2023. № 12 (69). Т. 4. С. 21–24.
3. Базарова Д. Роль прокурора в обеспечении гарантий прав и свобод участников уголовного судопроизводства // Review of law sciences. 2020. № 3. С. 1–11.
4. Петрова А. И. К вопросу о цели и основных задачах деятельности прокуратуры по обеспечению прав несовершеннолетних в миграционной сфере [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?edn=buxxvs&ysclid=mhhd0obn8884905151> (дата обращения: 01.11.2025).

Процессуальные гарантии прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве

Гапоян Лариса Гамлетовна, студент

Сибирский университет потребительской кооперации (г. Новосибирск)

В этой статье автор рассматривает и обосновывает, как конституция и процессуальные нормы защищают права и интересы человека в уголовном процессе. Анализируются некоторые трудности, возникающие при соблюдении принципов уголовного процесса и гарантий их обеспечения в суде. Защита прав и свобод человека в уголовном процессе — это набор мер, направленных на создание чётких условий для реализации прав и интересов тех, кто участвует в уголовном судопроизводстве, восстановление этих прав в случае нарушения и обеспечение безопасности участников процесса и их близких.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, процессуальные гарантии, права личности, правоприменитель, судебные ошибки, нормативные акты, правоограничения.

Procedural guarantees of personal rights and legal interests in criminal proceedings

In this article, the author examines and justifies how the Constitution and procedural norms protect human rights and interests in the criminal process. The article analyzes some of the difficulties that arise when following the principles of the criminal process and the guarantees of their enforcement in court. Protecting human rights and freedoms in the criminal process is a set of measures aimed at creating clear conditions for the implementation of the rights and interests of those involved in criminal proceedings, restoring these rights in case of violation, and ensuring the safety of the participants and their families.

Keywords: criminal proceedings, procedural guarantees, individual rights, law enforcement agencies, judicial errors, regulations, and legal restrictions.

В Конституции России сказано, что человек, его права и свободы важнее всего. Конституционные права и свободы — это самые главные права и свободы человека и граждан, которые показывают, что люди рождаются свободными и что эти права защищены законом.

Государство должно признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина.

В уголовном судопроизводстве важно, чтобы все было по закону и справедливо. Для этого есть процессуальные гарантии. Это правила, которые помогают выполнять задачи уголовного процесса и обеспечивают справедливое решение суда. По сути, весь уголовный процесс, от основных принципов до мелких деталей, должен гарантировать законное и справедливое рассмотрение каждого уголовного дела. Особое место среди этих гарантий занимают правила, защищающие права и интересы людей,

участвующих в уголовном процессе. Есть разные мнения о том, что именно входит в эти гарантии.

Например, Э. Ф. Куцова, изучая гарантии личности в уголовном процессе, сделала вывод, что это конкретные права и обязанности участников процесса [1]. Некоторые также включают в это понятие правовые нормы, принципы уголовного процесса, его форму и даже содержание. Если разобраться, в каждом из этих мнений есть смысл. Всё, что перечислено как гарантии, так или иначе помогает защищать права человека. Уголовно-процессуальные гарантии — это термин, используемый в науке. В законах об уголовном процессе и международных документах о правах человека его нет. Вероятно, это сделано для того, чтобы те, кто применяет закон, правильно понимали, что хотел сказать законодатель. Задача правовой нормы — быть максимально понятной. Главное в защите прав че-

ловека в уголовном процессе — это права и свободы, закрепленные в Конституции РФ, и принципы правосудия. Эти важные нормы, устанавливающие гарантии прав человека, более подробно описываются в уголовно-процессуальном законе в отношении разных стадий процесса и прав участников.

Например, в статье 16 УПК РФ Обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту прямо говорится, что органы и лица, ведущие уголовный процесс, обязаны обеспечить подозреваемому и обвиняемому возможность защищаться законными способами, а также защищать его личные и имущественные права. Международный пакт о гражданских и политических правах предусматривает обязанности каждого государства — участника Пакта «обеспечить любому лицу, права и свободы которого, признаваемые в настоящем Пакте, нарушены, эффективное средство для правовой защиты; обеспечить применение компетентными властями средств правовой защиты, когда они предоставляются». В Конституции РФ наряду с использованием слова «обеспечиваются» в отношении прав и свобод человека и гражданина (ст. 18) говорится также «гарантируются» (ст. 17, 45, 46).

Поскольку эти слова значат здесь одно и то же, будем считать их синонимами. Изучение вопросов обеспечения или гарантирования прав личности в уголовном процессе вполне допускает использование привычного термина «уголовно-процессуальные гарантии». Иногда права и свободы человека рассматривают как объект безопасности. Наверное, под безопасностью прав и свобод тут имеется в виду создание условий, при которых они не нарушаются и могут осуществляться в полной мере. Обеспечение прав личности включает в себя все способы помощи участникам уголовного процесса в реализации их прав: сообщение человеку о его правах и их разъяснение, создание нужных условий для их осуществления, охрану прав от нарушений, защиту прав и восстановление нарушенных прав.

Процессуальные гарантии участников уголовного судопроизводства — это прописанный в законе порядок вовлечения человека в уголовный процесс, а также его права на защиту на стадии предварительного расследования. Это то, как процессуальные средства и способы работают вместе для защиты прав и интересов участников уголовного процесса, чтобы установить истину по делу [2, с. 40].

В уголовном процессе есть гарантии как для защиты прав человека, так и для поддержания порядка в обществе. Важно понимать разницу между ними, иначе цели правосудия будут размыты, а борьба с преступностью — менее результативной.

Гарантии прав личности не просто дают людям возможность защищать свои интересы, но и предохраняют от злоупотреблений со стороны следствия. Они устанавливают рамки дозволенного для должностных лиц.

Эти гарантии нужны, чтобы уменьшить вероятность судебных ошибок в отношении конкретного лица. Они дают подозреваемым и обвиняемым реальную возможность пользоваться своими правами.

Гарантии прав подозреваемого и обвиняемого — это процессуальные нормы, закрепляющие их права и обязанности должностных лиц, ведущих судопроизводство, по обеспечению этих прав [3, с. 119].

Защита прав и интересов человека, особенно обвиняемого, важна, так как в уголовном процессе государство может оказывать сильное давление. Гарантии в уголовном судопроизводстве очень важны, поскольку здесь много острых ситуаций и применяются меры принуждения, такие как арест, заключение под стражу и отстранение от должности, которые ограничивают права и свободы.

Уголовно-процессуальные гарантии — это законные способы предотвратить нарушения, восстановить права и воздействовать на тех, кто нарушил чьи-то права и интересы. Эти гарантии прописаны в статьях 34, 37, 38, 117 и части 5 статьи 148 УПК РФ. Кроме того, у людей, вовлечённых в уголовный процесс, есть много прав, которые помогают им защищать свои интересы (статьи 11, 42–60 УПК РФ и другие) [4].

Принципы уголовного процесса играют ключевую роль в защите личных прав. Все они взаимосвязаны и образуют единую систему (статьи 6–19 УПК РФ).

Например, статья 7 УПК РФ говорит о принципе законности, но не раскрывает его суть. Она, в основном, запрещает судам и следственным органам применять законы, которые противоречат этому кодексу. Я думаю, что законность ограничения личной неприкосновенности нужно понимать исходя из статьи 7 УПК РФ: дознаватель, следователь, прокурор и суд должны строго соблюдать Конституцию РФ, УПК РФ, другие законы и нормативные акты, соответствующие законам, международным принципам и нормам. Этот принцип помогает уменьшить число ошибок в суде и следствии, которые нарушают личные права.

Следователь (дознаватель) должен всесторонне и полно расследовать преступления, чтобы установить все важные обстоятельства дела. Но одного этого мало, чтобы гарантировать соблюдение прав. Все зависит от того, насколько добросовестно действует правоприменитель. Иногда это может привести к обвинительному уклону и искажению представлений о праве у следователей и прокуроров, что может повлечь за собой нарушение прав подозреваемых и обвиняемых. Тем не менее, это не оправдывает несоблюдение прав и интересов подозреваемых и обвиняемых во время расследования, так как их охраняют Конституция и уголовно-процессуальный закон.

Для защиты прав и интересов личности принцип публичности должен тесно работать вместе с принципом всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств преступления. Этот принцип направлен на установление правды по делу. Без этого невозможно решить задачи уголовного судопроизводства, а достижение объективной правды — это и есть цель уголовного процесса.

Состязательность в уголовном процессе можно и следует рассматривать как условие и способ установления

правды по каждому уголовному делу. При этом нельзя исключать создание таких форм, в которых принцип состязательности не действует (например, упрощенный порядок рассмотрения некоторых категорий дел, который не предполагает сбор и изучение доказательств) [4, с. 52].

Принцип презумпции невиновности должен быть твердым при принятии решений о виновности человека в преступлении.

Презумпция невиновности — это объективный факт, не зависящий от взглядов, например, сотрудников полиции, уверенных в вине задержанного. Она действует на протяжении всего расследования, от начала дела и до вступления приговора в силу. Важно, что презумпция невиновности важна, потому что она защищает права привлекаемого к ответственности и гарантирует честное разбирательство. Нарушения этого принципа приводят к предвзятому расследованию, что мешает установлению правды.

Недавно вернули конфискацию имущества. Деньги, конфискованные у террористов, преступных группировок

и наркоторговцев, после компенсации ущерба пострадавшим, стоит направлять не только в бюджет, но и на помощь жертвам преступлений.

В УПК РФ есть норма о равенстве всех перед законом и судом. Это значит, что при рассмотрении дел в суде ко всем гражданам применяется один и тот же порядок, вне зависимости от их происхождения, положения, национальности, пола, образования, языка, религии, места жительства и других обстоятельств.

Международное и российское право предусматривают исключения из этого правила. Привилегии в уголовном процессе важны для того, чтобы эти лица могли нормально выполнять свои обязанности. Иммунитеты — это дополнительные гарантии законности при привлечении этих граждан к уголовному судопроизводству и применении к ним мер принуждения.

Гарантии прав подозреваемых и обвиняемых должны работать так, чтобы каждое следующее звено в системе защиты срабатывало, если предыдущее нарушило закон.

Литература:

1. Куцова Э. Ф. Уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов личности: советский уголовный процесс: диссертация... доктора юридических наук: 12.00.09. Москва, 1986. 517 с.
2. Грехов А. С. Проблемы по защите конституционных прав и свобод в современной России // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 12. С.39–41.
3. Корнилова И. А. Проблемы защиты прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. 2021. № 39 (381). С. 116–120.
4. Морева Е. Ю. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе // Новый юридический вестник. 2017. № 2 (2). С. 50–53.

Федеральная служба судебных приставов России: между эффективностью исполнения и необходимостью реформ

Глинский Булат Сергеевич, студент

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

В статье рассматриваются актуальные проблемы функционирования Федеральной службы судебных приставов России и обосновывается необходимость её реформирования. Анализируются основные трудности в деятельности ФССП: высокая загруженность сотрудников, недостаточное использование цифровых технологий, бюрократические препятствия, кадровые проблемы и нехватка ресурсов. Автор обосновывает, что комплексный подход к реформированию ФССП позволит повысить эффективность исполнения судебных решений и укрепить доверие граждан к правоохранительной системе.

Ключевые слова: Федеральная служба судебных приставов, исполнительное производство, судебные решения, модернизация ФССП, цифровизация.

Служба судебных приставов играет важную роль в обеспечении правопорядка в нашей стране. Без неё судебные решения оставались бы просто бумагами. Когда суд выносит решение, кто-то должен проследить за его выполнением. Этим и занимаются судебные приставы.

Результативность работы исполнительного производства важна и для страны, и для обычных людей. Если человек выиграл суд, он хочет получить то, что ему присуждено [1]. Предприниматели ждут возврата долгов. Государству нужны налоги и штрафы. Всё это зависит от того, насколько хорошо работают приставы.

Федеральная служба судебных приставов выполняет множество разных задач. Главная из них — исполнение судебных решений. Приставы взыскивают долги, алименты, штрафы. Они обеспечивают порядок в судах, охраняют здания [2]. Также служба занимается розыском должников и их имущества. Если посмотреть на цифры, работы у приставов много. Каждый год служба рассматривает миллионы исполнительных производств. За последние годы их количество выросло в разы. При этом число самих приставов почти не изменилось. На одного сотрудника приходится сотни дел. Это создаёт серьёзную нагрузку.

Есть и успехи. Служба стала активнее использовать электронные ресурсы. Люди могут подать документы через интернет. Информация о должниках теперь можно найти на сайте службы ФССП.

Но проблем всё равно хватает. Первая и главная — огромная загруженность приставов. Когда на человека висят две-три сотни дел, трудно уделить каждому должное внимание. Страдает качество работы. Люди жалуются на долгие сроки исполнения.

Вторая проблема — недостаточное использование современных технологий. Да, кое-что уже сделано. Но многие процессы до сих пор требуют бумажной волокиты. Приставы тратят время на оформление документов вместо реальной работы с должниками.

Третья трудность — сложность в организации работы. Много времени уходит на согласование между разными отделами. Бюрократические процедуры замедляют исполнение. Иногда пристав не может быстро получить нужную информацию из других ведомств.

Четвёртая проблема касается кадров. Зарплаты в службе невысокие, особенно в регионах. Молодые специалисты не спешат идти работать приставами. Те, кто приходит, часто уходят через год-два. Текучка кадров мешает накапливать опыт. Нехватка ресурсов тоже даёт о себе знать. Не хватает транспорта для выездов к должникам. Компьютеры и программное обеспечение обновляются редко. В некоторых отделах до сих пор работают на устаревшей технике.

Вопрос почему нужны перемены находит простой ответ — мир меняется, и служба должна меняться вместе с ним. Растёт число судебных дел. Люди стали чаще обращаться в суд за защитой своих прав. Значит, и исполнительных производств становится больше. При старых методах работы служба просто не справится с таким объёмом.

Граждане хотят видеть работу приставов открытой и понятной. Они хотят знать, на какой стадии находится их дело. Хотят получать информацию быстро, без очередей и походов по кабинетам. Это справедливые требования времени.

В первую очередь нужно начать стоит с внедрения цифровых технологий. Электронный документооборот

должен полностью заменить бумажный. Это освободит время приставов для настоящей работы. Нужны программы, которые автоматически будут искать счета и имущество должников.

Важно создать единую базу данных, доступную всем приставам страны. Сейчас информация разбросана по разным системам. Пристав из одного региона не всегда может быстро получить данные о должнике из другого региона. Единая система решит эту проблему.

Необходима кадровая реформа. Приставы должны проходить регулярное обучение. Им нужно знать новые законы, уметь работать с современными программами. Особое внимание стоит уделить психологической подготовке — работа с должниками требует терпения и выдержки.

Мотивация сотрудников — ещё одна важная задача. Необходимо повышать заработную плату, особенно молодым специалистам. Хорошо бы ввести систему премий за результативность. Когда человек видит, что его труд ценят и достойно оплачивают, он работает лучше.

Законы также требуют обновления. Некоторые правовые нормы устарели и мешают эффективной работе. Следует упростить процедуры, убрать излишние согласования, сохранив при этом надёжную защиту прав граждан — как взыскателей, так и должников.

Взаимодействие с другими ведомствами должно стать проще и быстрее. Приставам часто нужна информация из налоговой службы, банков, полиции. Сейчас на получение ответов уходит неделя и больше. Электронный обмен данными позволит сократить это время до минут.

Реализация таких изменений принесёт значительные результаты. Во-первых, вырастет скорость исполнения судебных решений — граждане быстрее будут получать то, что им положено по закону. Во-вторых, снизится нагрузка на приставов: они смогут более качественно и внимательно работать с каждым делом. В-третьих, повысится доверие граждан к службе и государству в целом.

Служба судебных приставов сегодня стоит на развилке. С одной стороны — растущий объём работы и справедливые требования граждан. С другой — устаревшие методы и нехватка ресурсов. Выход один — модернизация службы.

Важно подходить к изменениям системно. Нельзя просто купить компьютеры и ждать чудес. Нужно менять законы, обучать людей, налаживать связи с другими ведомствами. Только комплексный подход даст реальный результат.

В будущем ФССП может стать современной, технологичной службой, где приставы работают эффективно, а граждане получают качественные услуги. Где судебные решения исполняются быстро и в полном объёме. Это непростая задача, но выполнимая. Главное — начать движение в правильном направлении.

Литература:

1. Винниченко Н., Парфенчиков А., Белецкий А. — 3-е изд. — СПб.: Статут, 2023. — 1360 с.

2. Власова, Ю. И. Должность судебного пристава как элемент в системе государственной службы Российской Федерации/Ю. И. Власова//Вестник исполнительного производства. — 2025. — № 3. — С. 107–111.

Инновационные направления развития Федеральной службы судебных приставов России: от традиционного контроля к цифровому правопорядку

Глинский Булат Сергеевич, студент

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

В статье рассматриваются основные проблемы и перспективы развития Федеральной службы судебных приставов России в условиях цифровой трансформации государственного управления. Анализируются текущие вызовы, с которыми сталкивается служба: большой объём работы, ограниченность ресурсов, сложности взыскания задолженности и недостаточная прозрачность процессов.

Ключевые слова: Федеральная служба судебных приставов, межведомственное взаимодействие, искусственный интеллект, цифровой правопорядок, инновационные технологии, государственное управление, взыскание задолженности, прозрачность процессов.

Федеральная служба судебных приставов занимает особое место в правоохранительной системе нашей страны. Приставы обеспечивают исполнение судебных решений, что делает их работу критически важной для защиты прав граждан и организаций. Без эффективной работы этой службы даже самые справедливые решения судов остаются на бумаге.

За последние годы цифровые технологии изменили многие сферы государственного управления [1]. Электронные сервисы, автоматизированные системы и онлайн-платформы стали привычными инструментами взаимодействия между властью и обществом. ФССП не осталась в стороне от этих процессов. Переход к цифровым форматам работы открывает новые возможности для повышения скорости и прозрачности исполнительного производства, позволяет сократить издержки и улучшить доступность услуг для населения.

Служба судебных приставов сегодня сталкивается с растущим объёмом работы [2]. Количество исполнительных производств исчисляется миллионами дел ежегодно. При этом ресурсы службы ограничены: не хватает сотрудников, времени на обработку каждого дела, технических средств для эффективного поиска должников и их имущества.

Взыскание задолженности остаётся сложной задачей. Должники скрывают доходы, переоформляют имущество на родственников, меняют место жительства. Традиционные методы розыска требуют значительных затрат и не всегда дают результат. Приставам приходится направлять множество запросов в различные организации, ждать ответов, сопоставлять полученную информацию. Всё это растягивает сроки исполнения решений на месяцы, а иногда и годы.

Ещё одна проблема — недостаточная прозрачность процесса для взыскателей. Граждане и компании не всегда

понимают, на каком этапе находится их дело, какие действия предпринимает пристав. Приходится звонить, приезжать в отделения службы, тратить время на выяснение ситуации. Отсутствие оперативной информации порождает недовольство и жалобы.

Коррупционные риски также присутствуют в работе приставов. Личный контакт с должниками создаёт возможности для неправомерных договорённостей. Субъективность в принятии решений о порядке взыскания, выборе мер принуждения может приводить к злоупотреблениям.

Бумажный документооборот замедляет все процессы. Огромные архивы исполнительных производств занимают помещения, требуют содержания, усложняют поиск нужных материалов. Пересылка документов между подразделениями, судами и другими органами отнимает драгоценное время.

В таких условиях переход к цифровым технологиям становится не просто желательным улучшением, а необходимостью. Автоматизация рутинных операций, создание единых баз данных, внедрение электронного взаимодействия с другими ведомствами — всё это может кардинально изменить ситуацию.

Служба активно внедряет информационные технологии в свою деятельность. Создана автоматизированная система исполнительного производства, которая объединяет данные со всей страны. Теперь любой пристав может получить информацию о должнике независимо от того, где было возбуждено производство.

Электронные сервисы для граждан упрощают взаимодействие со службой. Через интернет можно узнать о наличии задолженности, погасить её банковской картой, подать заявление о возбуждении производства, отследить ход дела. Больше не нужно стоять в очередях и тратить

выходные на посещение офисов. Всё доступно в любое время с компьютера или смартфона.

Межведомственное электронное взаимодействие ускоряет получение необходимых сведений. Раньше запрос в налоговую службу или ГИБДД мог идти неделями. Сейчас информация о доходах, счетах, транспорте должника поступает за считанные часы. Система сама направляет запросы и получает ответы без участия человека.

Биометрия и видеофиксация повышают безопасность сотрудников и прозрачность процедур. Камеры на форме приставов записывают все действия при выезде к должникам, что защищает как самих приставов от ложных обвинений, так и граждан от превышения полномочий.

Искусственный интеллект помогает обрабатывать большие массивы данных. Алгоритмы анализируют информацию о должниках, выявляют скрытое имущество, предсказывают вероятность добровольного погашения задолженности. На основе этого система рекомендует наиболее эффективные меры взыскания для каждого конкретного случая.

Мобильные приложения для приставов облегчают работу в полевых условиях. Сотрудник может прямо на месте проверить данные, составить акт, сфотографировать имущество. Вся информация моментально попадает в единую базу. Не нужно возвращаться в офис, чтобы внести записи в систему.

Онлайн-торги арестованным имуществом привлекают больше покупателей и увеличивают вырученные суммы. Участвовать в аукционе можно из любой точки страны. Прозрачность процедуры снижает риски сговора и манипуляций с ценами.

Блокчейн-технологии начинают применяться для фиксации ключевых действий в исполнительном производстве. Распределённый реестр гарантирует неизменность записей, делает невозможным задним числом изменить дату совершения процессуального действия или содержание документа.

Электронные ограничения работают автоматически. Как только возбуждается производство, система сама блокирует выезд должника за границу, регистрационные действия с его недвижимостью и автомобилями.

Снятие ограничений происходит мгновенно после погашения долга.

Аналитические инструменты позволяют руководству службы видеть реальную картину работы каждого подразделения. Статистика собирается автоматически, формируются отчёты, выявляются проблемные участки. Можно оперативно перераспределять нагрузку, направлять ресурсы туда, где они нужнее всего.

Чат-боты и голосовые помощники отвечают на типовые вопросы граждан круглосуточно. Это разгружает телефонные линии и освобождает сотрудников для более сложных задач. Большинство обращений решается без участия человека.

Цифровизация меняет лицо Федеральной службы судебных приставов. То, что ещё недавно казалось фантастикой — автоматический поиск имущества должников, мгновенное наложение ограничений, онлайн-контроль за ходом дела — становится повседневной реальностью. Технологии не просто ускоряют процессы, они делают их честнее и понятнее для всех участников.

Инновации формируют новую модель работы службы. Цифровой правопорядок подразумевает, что каждое действие фиксируется, каждое решение обосновано данными, каждый гражданин имеет доступ к информации о своём деле. Человеческий фактор, который часто становился источником ошибок и злоупотреблений, уступает место объективным алгоритмам.

Впереди ещё много работы. Нужно развивать аналитические системы, внедрять новые способы поиска должников, совершенствовать сервисы для граждан. Государственная программа цифровой трансформации задаёт вектор развития на ближайшие годы. ФССП движется в правильном направлении, и результаты уже заметны. Граждане быстрее получают то, что им присуждено судом. Должники меньше уклоняются от своих обязательств. Система становится эффективнее.

Переход к цифровому формату — не самоцель, а средство сделать правосудие реальным. Судебное решение должно исполняться, и современные технологии помогают этого добиться. Будущее службы судебных приставов — за умными системами, которые работают быстро, прозрачно и справедливо.

Литература:

1. Кравцов, Д. И. Становление и развитие института судебных приставов в России / Кравцов Д. И., Бусыгина О.С // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. — 2024. — № 2 (8). — URL: <http://blk.ranepa.ru/the-structure-of-theacademy/library-infrastructura/infobase.html> (дата обращения: 10.04.2025).
2. Лапина, А. П. История становления российского института судебных приставов / А. П. Лапина // Правопорядок: история, теория, практика. — 2015. — № 3 (6). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-rossiyskogo-instituta-sudebnyh-pristavov> (дата обращения: 10.04.2025).

Основания и признаки административной ответственности за правонарушения в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций

Голдина Анастасия Михайловна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Ключевые слова: Закон о СРО, саморегулирование, предпринимательская деятельность, СРО, некоммерческие организации, административные правонарушения, права потребителей, интеллектуальная собственность, контроль, меры дисциплинарного воздействия, государственная инспекция, органы управления СРО, правовые основы, нормы, надзор, ответственность

Основным законодательным актом, который определяет правовые основы саморегулирования предпринимательской деятельности, является Федеральный закон «О саморегулируемых организациях» от 01.12.2007 № 315-ФЗ (далее — закон о СРО). Гражданско-правовой статус саморегулируемых организаций определен положениями ГК РФ. Федеральным законом «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ определены основы правового положения СРО как некоммерческих организаций.

Закон о СРО появился в России, когда был уже накоплен значительный опыт объединения субъектов рынка в профессиональные сообщества, сложились традиции саморегулирования в отдельных сферах предпринимательства [3, с. 11–12]. Согласно ч. 2 ст. 1 закона о СРО, особенности приобретения и прекращения статуса СРО, правового положения и деятельности СРО, порядка приема в члены СРО и прекращения такого членства, порядка осуществления СРО контроля за деятельностью своих членов и применения СРО мер дисциплинарного воздействия в отношении своих членов, а также порядка осуществления государственного надзора за соблюдением СРО, объединяющими субъектов предпринимательской или профессиональной деятельности определенных видов, требований законодательства РФ, регулирующего деятельность указанных субъектов, и законодательства РФ о СРО могут устанавливаться федеральными законами.

Законодательство РФ об административных правонарушениях в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций строится на следующих базовых принципах, регулирующих деятельность должностных лиц по защите прав и интересов граждан в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций [4]:

1. Равенство перед законом: данный принцип означает, что на применение норм административного законодательства не будут влиять следующие пункты: национальность; социальный статус; должность; пол; раса физического лица; место нахождения; финансовое состояние и т. п.

2. Презумпция невиновности: невозможно привлечение к административной ответственности лица, вина которого не доказана.

3. Обеспечение законности: данный принцип направлен на предотвращение применения органами исполнительной системы методов административного принуждения, унижающих человеческое достоинство виновного.

4. Информационная открытость и публичность: согласно этому принципу ряд документов, относящихся к деятельности СРО, размещается в открытом доступе.

5. Передача полномочий и совместного регулирования: данный принцип обеспечивает развитие организации за счет внедрения результативных методов управления.

6. Эффективность коллективной ответственности членов СРО: данный принцип отвечает за развитие честной конкуренции среди членов саморегулируемой организации.

7. Ответственность субъектов саморегулирования: рассматриваемый принцип направлен на совершенствование государственного контроля за деятельностью саморегулируемых организаций.

В юридической науке административное правонарушение в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций определяется как «противоправное и виновное действие (или бездействие) физического или юридического лица, за которое установлена административная ответственность в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации и его главой 14 в частности» [5].

Квалифицирующие признаки состава административного деликта в сфере осуществления предпринимательской деятельности, а также функционирования саморегулируемых организаций включают в себя:

- установленную вину субъекта;
- противоправное деяние, выраженное в форме активного действия либо бездействия (ст. 2.1 КоАП РФ);
- нарушение действующего законодательства;
- наличие санкции за совершенное правонарушение (ст. 2.3–2.5 КоАП РФ).

Главой 14 КоАП РФ определен перечень административных правонарушений в общественных отношениях, которые устанавливаются в процессе предприниматель-

ской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций. При рассмотрении административных правонарушений можно выделить некоторые общественные отношения в области:

- 1) торговли и защиты прав потребителей;
- 2) оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции;
- 3) интеллектуальной собственности;
- 4) порядка и организации деятельности при банкротстве;
- 5) обращения с ломом и отходами цветных и черных металлов;
- 6) другое.

Правомочиями по надзору за хозяйствующими субъектами и деятельностью саморегулируемых организаций, а также по применению мер административной ответственности наделены государственные инстанции, перечисленные ниже. При этом надзорные функции делегированы различным ведомствам в соответствии с их компетенцией, установленной федеральным законодательством (Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»). Привлечение к административной ответственности осуществляется в порядке, определенном Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ). Итак, перечислим соответствующие инстанции:

1. Федеральная налоговая служба Российской Федерации осуществляет контроль за соблюдением субъектами предпринимательской деятельности и саморегулируемыми организациями требований налогового законодательства.

2. Прокуратура Российской Федерации осуществляет надзор за деятельностью юридических и физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, а также проводит проверку по факту жалоб и заявлений со стороны населения.

3. Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации осуществляет контроль за деятельностью субъектов предпринимательской деятельности и саморегулируемых организаций в области нарушений антимонопольного законодательства.

4. Федеральная таможенная служба Российской Федерации контролирует выполнение требований таможенного законодательства субъектами предпринимательской деятельности и саморегулируемыми организациями [6].

Литература:

1. Аболонин, Г. О. Дисциплинарное производство саморегулируемых организаций — на острие конфликта / Г. О. Аболонин. — М.: Волтерс Клувер, 2010. — 119 с.
2. Козлова, Н. А. Саморегулирование в системе защиты прав потребителей: проблемы и перспективы / Н. А. Козлова. — М.: Статут, 2023. — 175 с.
3. Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности: единство и дифференциация: монография / отв. ред. И. В. Ершова. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. — 252 с.

Помимо государственных органов, контроль за членами саморегулируемой организации осуществляют органы управления самой СРО. Органами управления СРО являются: общее собрание членов СРО; действующий коллегиальный орган управления; исполнительный орган [2, с. 75].

Также к специализированным органам СРО, которые не являются органами управления, относятся:

- 1) орган, который контролирует соблюдение членами организации требований, стандартов и правил СРО;
- 2) орган, осуществляющий рассмотрение дел о применении мер дисциплинарного воздействия в отношении членов СРО.

Контроль за членами саморегулируемой организации и осуществлением ими предпринимательской деятельности реализуется проведением плановых и внеплановых проверок. При проведении проверок и выявлении нарушений, совершенных членом СРО, в отношении требований, стандартов и правил СРО, условий членства в саморегулируемой организации материалы передаются в орган по рассмотрению дел о применении мер дисциплинарного воздействия. Данный орган также рассматривает жалобы на действия членов СРО [8].

Перечень мер дисциплинарного воздействия определен ч. 4 ст. 10 ФЗ «О саморегулируемых организациях». Решение может быть обжаловано членом СРО путем обращения в действующий коллегиальный орган управления в сроки, установленные СРО.

Правовая природа мер дисциплинарного воздействия в юридической науке является дискуссионной. Г. О. Аболонин считает, что дисциплинарное производство саморегулируемых организаций основывается на гражданско-правовом регулировании [1, с. 14]. По мнению Т. В. Кувакиной, термин «статусная ответственность» и его использование соотносится с гражданской, административной, уголовной и дисциплинарной ответственностью [7, с. 158].

Закон о СРО предусматривает открытый перечень мер дисциплинарного воздействия, которые возлагаются на членов организации. Федеральный закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» (подп. 6 п. 1 ст. 20) гласит: СРО аудиторов может применить иные установленные внутренними документами саморегулируемой организации меры дисциплинарного воздействия. Исходя из этого, можно сделать вывод, что СРО при вынесении мер дисциплинарного воздействия в отношении своих членов не ограничены в правах.

4. Бузаева, О. В. Основные проблемы правового регулирования саморегулируемых организаций / О. В. Бузаева, А. А. Зернина // Проблемы развития саморегулируемых организаций в предпринимательской деятельности в Российской Федерации: сборник материалов круглого стола / Оренбургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»; отв. ред. и авт. предисловия А. Э. Захарова. — Оренбург, 2025. — С. 14–18.
5. Фомиченко, С. В. Особенности административной ответственности за правонарушения в сфере деятельности саморегулируемых организаций / С. В. Фомиченко // Вестник ННГУ. — 2022. — № 4. — С. 214–230.
6. Хромов, А. А. К вопросу о реализации административной ответственности за правонарушения в сфере предпринимательской деятельности / А. А. Хромов // Символ науки. — 2022. — № 1–1. — С. 86–91.
7. Кувакина, Т. В. Ответственность профессиональных участников рынка ценных бумаг: дис. ... канд. юрид. наук / Т. В. Кувакина. — М., 2006. — 258 с.
8. Михайлов, А. В. Влияние саморегулирования на уровень защиты прав потребителей в России // Вестник Финансового университета. — 2023. — № 23 (1). — С. 45–54.

Проблемы при привлечении к административной ответственности за правонарушения в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций

Голдина Анастасия Михайловна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Тщательному анализу подлежат сложности, возникающие в процессе привлечения субъектов хозяйственной деятельности к ответственности административного характера.

Применение мер административного воздействия к субъектам предпринимательской деятельности, включая как индивидуальных предпринимателей, так и юридические лица, сопряжено с рядом трудностей, носящих как системный, так и прикладной характер.

1) Нечеткость законодательных формулировок: Значительное число составов административных правонарушений обладает чрезмерно широкими и неопределенными формулировками, создающими предпосылки для произвольного толкования. Такие понятия, как «неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств» или «введение потребителей в заблуждение» (ст. 14.8 КоАП РФ), могут трактоваться контрольными органами многозначно.

2) Проблемы, связанные с доказыванием вины. В соответствии с ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ, юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению. При этом, бремя доказывания отсутствия вины возложено на сторону предпринимателя, что представляет собой существенную сложность, особенно в случаях выявления нарушений косвенным путем, например, при отсутствии обязательной маркировки, которое является следствием

действий контрагента (Постановление Пленума ВАС РФ от 02.06.2004 № 10 [7]).

3) Практика проведения внеплановых проверок. Субъекты предпринимательской деятельности по-прежнему подвергаются многочисленным плановым и внеплановым проверкам со стороны различных органов контроля и надзора (Роспотребнадзор, МЧС, ФНС и др.). В ряде случаев целью проведения таких проверок является формальное выполнение плановых показателей по составлению протоколов об административных правонарушениях или оказание давления на хозяйствующий субъект.

4) Противоречия между нормами права. Одно и то же деяние может быть квалифицировано по различным статьям КоАП РФ, что влечет за собой возникновение споров относительно правомерности избранной квалификации. К примеру, реализация товаров без необходимой сопроводительной документации может быть расценена как нарушение установленных правил торговли либо как деяние, направленное на уклонение от уплаты налогов. От квалификации правонарушения зависит размер налагаемого административного штрафа.

5) Повышенные размеры штрафных санкций. Размеры штрафов, предусмотренных для юридических лиц, могут достигать весьма существенных сумм, что создает значительные финансовые затруднения для малого и среднего бизнеса. Данное обстоятельство обуславливает стремление субъектов предпринимательской деятельности обжаловать в судебном порядке решения о привлечении к ответственности административного характера.

6) Коррупционные риски и предпосылки. Неопределенный характер правовых норм и широкие распоряди-

тельные полномочия, которыми наделены должностные лица контролирующих органов, создают благоприятные условия для коррупционных проявлений. Угроза наложения крупного штрафа может выступать в качестве инструмента вымогательства взяток под предлогом «урегулирования» вопроса о привлечении к административной ответственности.

Операции в сфере полиграфии, располагаясь в области пересечения интересов государственных органов, коммерческих структур и широкой общественности, характеризуются значительным уровнем административно-правовых рисков. Данное обстоятельство предопределяется их непосредственной взаимосвязью с оборотом продукции, подлежащей регламентации в соответствии с законодательством Российской Федерации (например, в аспектах охраны прав на результаты интеллектуальной деятельности, обязательной маркировки товаров, обеспечения информационной безопасности в соответствии с Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [6]). Характерные особенности производственного процесса, а именно выполнение заказов на основе документации, предоставляемой заказчиком, обуславливают возникновение специфического набора правовых затруднений при реализации мер административного воздействия (Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях).

Сфера полиграфической деятельности обладает высокой степенью уязвимости в контексте административного контроля. Это связано с тем, что она тесно переплетается с вопросами охраны интеллектуальной собственности, обеспечением информационной безопасности, защитой прав потребителей и соблюдением норм, касающихся маркировки товаров.

В данной области важно учитывать, что нарушения в этих аспектах могут привести к серьезным последствиям, как для производителей, так и для потребителей. Например, недостаточная защита интеллектуальной собственности может способствовать распространению контрафактной продукции, что, в свою очередь, ущемляет права законных владельцев.

Также вопросы информационной безопасности играют ключевую роль, поскольку утечка данных или их несанкционированный доступ могут нанести вред как компаниям, так и их клиентам. Защита прав потребителей является не менее важной, так как она гарантирует, что продукция соответствует заявленным стандартам и требованиям.

Наконец, соблюдение норм, касающихся маркировки, обеспечивает прозрачность и информированность потребителей о товарах, которые они покупают. Таким образом, все эти факторы взаимосвязаны и требуют внимательного контроля со стороны государственных органов и участников рынка.

1) Ответственность за изготовление контрафактной продукции и нарушения, связанные с маркировкой. По-

лиграфическое предприятие может быть привлечено к ответственности, даже если оно добросовестно исполнило заказ, однако заказчик не обладал законными правами на тиражирование соответствующей продукции либо представил подложные документы и сведения. В таких ситуациях возможно привлечение к ответственности в соответствии со ст. 14.10 КоАП РФ (незаконное использование товарного знака) или ст. 7.12 КоАП РФ (нарушение авторских и смежных прав). Доказать добросовестность предпринятых действий в ряде случаев представляется весьма затруднительным.

2) Маркировка товаров, подлежащих акцизированию. Полиграфические предприятия достаточно часто осуществляют производство упаковки для продукции, подлежащей обязательной маркировке, включая алкогольные напитки и табачные изделия. Допущение ошибок при нанесении кодов маркировки, их отсутствие или несоответствие установленным стандартам может повлечь наступление ответственности не только для производителя товара, но и для компании, осуществляющей полиграфические услуги, как для соисполнителя.

3) Трудности, связанные с идентификацией действительного нарушителя. В качестве заказчика полиграфических услуг может выступать юридическое лицо, зарегистрированное на непродолжительный период времени. В подобных случаях ответственность за выявленные нарушения может быть возложена непосредственно на полиграфическую компанию, у которой возникает необходимость доказывать свою непричастность к противоправным действиям, совершенным заказчиком.

4) Вина исполнителя и презумпция добросовестности: вызовы для типографий. В соответствии с частью 2 статьи 2.1 КоАП РФ, юридическое лицо признается виновным, если будет установлено, что оно имело возможность соблюсти установленные нормы, но не предприняло всех необходимых мер. Для полиграфической деятельности это означает, что типография обязана доказывать свою невиновность. Ключевым моментом является понятие «должной осмотрительности» при проверке контрагентов, которое носит оценочный характер. Судебная практика показывает, что формальные действия, такие как получение выписки из ЕГРЮЛ и свидетельства о постановке на налоговый учет, часто не признаются достаточными, если впоследствии выясняется, что заказчик не имел законных прав на использование, например, товарного знака. Это ставит типографию в положение «заложника» недобросовестности клиента, возлагая на нее риски, которые она не в состоянии полностью контролировать.

5) Проблема разграничения ответственности между заказчиком и исполнителем. Производство полиграфической продукции регламентируется договором возмездного оказания услуг или договором подряда. В соответствии с условиями соглашения, полиграфическое предприятие обязуется выполнить работы по изготовлению тиража согласно предоставленному техническому

заданию (ст. 702 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ [5]). Ответственность за соблюдение прав интеллектуальной собственности, наличие необходимых разрешений и соответствие готовой продукции законодательным требованиям, например, требованиям о маркировке (Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ [4]), возлагается на заказчика, инициирующего производство. Однако, практика контрольно-надзорных органов показывает, что к ответственности зачастую привлекается непосредственно изготовитель полиграфической продукции, как легко идентифицируемое юридическое лицо, в то время как заказчик может являться компанией, зарегистрированной непродолжительное время (однодневкой). Данная ситуация противоречит принципу пропорциональности юридической ответственности.

Взаимодействие между саморегулируемыми организациями (СРО) и компетентными федеральными органами исполнительной власти является важным аспектом функционирования различных секторов экономики. Однако в этом взаимодействии возникают определенные трудности, которые можно классифицировать на три основные категории.

Первая категория трудностей связана с участием СРО в процессе обсуждения законопроектов и разработке федеральных стандартов. СРО, обладая специфическими знаниями и опытом в своей области, могут внести ценный вклад в формирование законодательства. Однако зачастую они сталкиваются с недостатком информации о разрабатываемых инициативах, а также с отсутствием реальных механизмов для активного участия в этих процессах. Это может привести к тому, что законопроекты не учитывают интересы отрасли и не отражают реальную практику.

Вторая категория проблем касается осуществления государственного надзора за деятельностью СРО и их членов. Государственные органы должны следить за соблюдением законности и стандартов, однако в этом процессе часто возникают сложности. Например, не всегда четко прописаны процедуры надзора, а также не всегда есть достаточные ресурсы для его эффективного осуществления. Это может приводить к тому, что некоторые СРО не выполняют свои обязательства, а контроль со стороны государства оказывается недостаточно строгим.

Третья категория трудностей связана с особенностями сферы деятельности, в которой функционируют СРО. Различия в нормативном регулировании, например, между строительной отраслью и финансовым рынком, могут создавать дополнительные сложности. В частности, Градостроительный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» имеют свои уникальные требования и нормы, что затрудняет унификацию подходов к регулированию и взаимодействию между различными СРО. Далее рассмотрим проблемы, связанные с потенциалом СРО в части воздействия на процесс нормотворчества.

В соответствии с положениями ч. 3 ст. 6 Федерального закона «О саморегулируемых организациях», СРО наделены правом принимать участие в рассмотрении проектов нормативных правовых актов, разрабатываемых на федеральном уровне и уровне субъектов Российской Федерации, а также государственных программ, затрагивающих сферу саморегулирования. Им предоставлена возможность выдвигать инициативы по формированию и реализации государственной политики и политики, проводимой органами местного самоуправления, в отношении вопросов, входящих в предмет саморегулирования. Кроме того, СРО имеют право направлять в органы государственной власти и местного самоуправления заключения, подготовленные по итогам проведенных ими независимых экспертиз проектов нормативных правовых актов (Федеральный закон от 01.12.2007 N 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях»).

Указанным правомочиям СРО соответствует обязанность уполномоченных федеральных органов исполнительной власти привлекать саморегулируемые организации к обсуждению проектов нормативных правовых актов Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, государственных программ по вопросам, связанным с предметом саморегулирования (ч. 2 ст. 22 Закона о СРО).

Вместе с тем, следует отметить, что Закон о СРО не регламентирует процедуру участия СРО в обсуждении вышеупомянутых актов, а также не устанавливает обязательность учета уполномоченными федеральными органами исполнительной власти предложений, представленных данными организациями. Данное обстоятельство, как представляется, создает определенный пробел в правовом регулировании.

Действующее законодательство не содержит специальных положений, регулирующих взаимодействие саморегулируемых организаций (СРО) и компетентных федеральных органов исполнительной власти. Исключением является Федеральный закон «Об аудиторской деятельности» от 30.12.2008 N 307-ФЗ, который предусматривает участие представителей аудиторских СРО в работе Совета по аудиторской деятельности при уполномоченном федеральном органе. Однако, доминирующее положение в данном совете принадлежит не представителям СРО, а потребителям услуг, оказываемых членами этих организаций (ст. 16 Закона об аудиторской деятельности).

Решения Совета по аудиторской деятельности носят рекомендательный характер и принимаются простым большинством голосов присутствующих членов. Следует отметить, что подобные координационные, экспертные и консультативные органы могут создаваться на основании положений о федеральных органах исполнительной власти, утверждаемых Правительством Российской Федерации (Постановление Правительства РФ от 1 июня 2004 г. № 260 «О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации» [3]). Однако, эти органы не наде-

лены регуляторными функциями, и обязательность их решений определяется самим органом власти, при котором они созданы. Это позволяет федеральным органам исполнительной власти игнорировать мнения, высказываемые членами созданных при них органов.

Несмотря на делегирование национальным объединениям СРО полномочий по разработке федеральных стандартов, законодательство о СРО не содержит положений, устанавливающих порядок разработки указанных стандартов, а также порядок взаимодействия между этими объединениями и уполномоченными федеральными органами исполнительной власти в случае отклонения указанных стандартов последними. Отсутствие четких правовых норм в этой области, по всей видимости, создает возможности для коррупционных действий со стороны должностных лиц государственных органов и злоупотреблений со стороны СРО (Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ [2]).

В ряде секторов экономики, институт саморегулирования заменил систему лицензирования, подразумевая передачу части государственных контрольно-надзорных полномочий профессиональным объединениям (Федеральный закон от 01.12.2007 N 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях»). В полиграфической отрасли, не подлежащей лицензированию, СРО и отраслевые ассоциации, такие как Ассоциация полиграфических предприятий, играют ключевую роль в установлении стандартов качества, кодексов этики и урегулировании внутренних конфликтов. Тем не менее, их специфическое положение создаёт ряд сложностей при реализации административной ответственности, обусловленных коллизией между их публичными функциями и некоммерческой организационно-правовой структурой.

В рамках административного права, привлечение к ответственности некоммерческой организации, наделенной публичными функциями, вызывает дискуссии о субъекте правонарушения и соразмерности применяемых санкций. С одной стороны, СРО и ассоциации, как объединения юридических лиц, несут ответственность за действия своих членов лишь в пределах, установленных законом и учредительными документами (ст. 56 Гражданского кодекса РФ). С другой стороны, неисполнение ими обязательных требований, установленных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами, может повлечь административную ответственность, предусмотренную Кодексом об административных правонарушениях (КоАП РФ).

Практика применения административной ответственности к СРО и отраслевым ассоциациям в полиграфической отрасли выявляет проблемы разграничения ответственности между организацией и ее членами. Так, нарушение стандартов качества продукции может быть результатом как ненадлежащего контроля со стороны СРО, так и непосредственных действий конкретного предприятия. В последнем случае, административная ответственность, как правило, возлагается на юридическое

лицо, допустившее нарушение (ст. 2.1 КоАП РФ). Однако, если будет доказана вина СРО в неисполнении контрольных функций, к ней могут быть применены санкции, предусмотренные за нарушение законодательства о техническом регулировании (ст. 14.4 КоАП РФ).

Важным аспектом является определение размера административного штрафа, который должен учитывать не только характер совершенного правонарушения, но и финансовое положение организации, а также потенциальные последствия для отрасли. Чрезмерно суровые санкции могут привести к дестабилизации деятельности СРО и снижению ее эффективности в регулировании рынка. В то же время, недостаточные штрафы не обеспечивают должного стимулирования к соблюдению установленных требований.

В целях повышения эффективности административной ответственности СРО и отраслевых ассоциаций в полиграфической отрасли, необходимо совершенствование нормативной базы и практики ее применения. В частности, целесообразно конкретизировать критерии оценки деятельности СРО по контролю за соблюдением стандартов качества, а также установить четкие механизмы разграничения ответственности между организацией и ее членами. Кроме того, необходимо обеспечить прозрачность и предсказуемость применения административных санкций, что будет способствовать повышению доверия к институту саморегулирования со стороны как предпринимателей, так и потребителей полиграфической продукции.

Саморегулируемые организации (СРО) — это неотъемлемый элемент современной российской экономики, призванный обеспечить стандартизацию, контроль качества и этичность в различных отраслях. Они выступают связующим звеном между государством и бизнесом, делегируя часть надзорных функций. Однако, при всей своей значимости, СРО сталкиваются с рядом фундаментальных правовых проблем, когда речь заходит об административной ответственности. Адаптация общих норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) к специфике их деятельности создает настоящий лабиринт, где поиск ответственного лица и установление вины превращается в сложную юридическую головоломку.

1) Идентификация субъекта ответственности и установление вины

Основная трудность заключается в адаптации стандартных положений КоАП РФ к особому субъекту — саморегулируемой организации.

В соответствии с общим принципом, административная ответственность в России возлагается на физические, должностные и юридические лица (ст. 2.1 КоАП РФ). СРО и ассоциации (союзы) обладают статусом юридических лиц, функционирующих как некоммерческие организации. Однако их ключевая задача — не прямое осуществление коммерческой деятельности, а регламентирование и контроль деятельности аффилированных членов, ко-

торые, по сути, выступают в качестве независимых экономических агентов.

Позиция высших судебных инстанций, закрепленная, в частности, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5, указывает, что в большинстве ситуаций это неприменимо. СРО не несет ответственности за отдельные действия каждого своего члена, если только это не связано с ненадлежащим выполнением «ее прямых обязанностей». То есть, СРО не является «коллективным поручителем» за любое нарушение своего члена.

Для констатации вины юридического лица, согласно ст. 2.1 КоАП РФ, требуется демонстрация наличия у него объективной возможности исполнения обязанностей, предписанных законом или учредительными документами, и неиспользования всех зависящих от него средств для исполнения этих обязанностей.

В соответствии с общим принципом, административная ответственность возлагается на юридические лица. СРО и союзы, будучи юридическими лицами осуществляют функцию регулирования деятельности своих членов, являющихся независимыми хозяйствующими субъектами. Возникает вопрос о правомерности интерпретации противоправного деяния члена СРО (например, нарушение утвержденного стандарта) как вины самой СРО. В большинстве случаев это недопустимо, учитывая, что СРО не несет ответственности за индивидуальные действия каждого члена, кроме случаев, когда это связано с ненадлежащим исполнением ее прямых обязанностей (например, отсутствие контроля в соответствии со статьей 55.13 Градостроительного кодекса РФ).

Если будет установлено, что СРО располагала информацией о систематическом или грубом нарушении ее членом требований законодательства, технических регламентов (например, Федерального закона от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании») или внутренних стандартов.

1) Бездействие: СРО не предприняла в отношении нарушителя мер воздействия, предусмотренных ее внутренними документами (предупреждение, приостановление членства, исключение).

2) Отсутствие должного контроля: Виновным может быть признано бездействие СРО, если будет доказано, что она систематически игнорировала свои обязанности по проведению проверок, мониторингу деятельности членов, что привело к невозможности выявления нарушений.

3) Доказательство того, что СРО была осведомлена о нарушении, не приняла соответствующих мер, означает, что контролирующий орган проведет анализ внутренней документации СРО, протоколов проверок, переписки, решений дисциплинарных органов.

В КоАП РФ отсутствуют конкретные составы административных правонарушений, напрямую относящиеся к нарушениям со стороны СРО в полиграфической отрасли. Ответственность наступает на основании общих норм, что создает прецеденты для широкой и не всегда об-

основанной интерпретации, что противоречит принципу законности, закрепленному в статье 1.6 КоАП РФ.

Например, к СРО полиграфистов может быть применена статья 19.5 КоАП РФ «Невыполнение в срок законного предписания органа государственного контроля (надзора)», если Роспотребнадзор или Минпромторг выдадут СРО предписание об устранении нарушений в ее собственной деятельности (например, в ведении реестра членов).

Действия СРО, связанные с необоснованным отказом в приеме в члены или несправедливым исключением из членов, могут быть предметом рассмотрения в арбитражном суде в рамках корпоративного спора в соответствии со статьей 225.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [1], однако квалификация их как административного правонарушения затруднена из-за отсутствия специального состава, что противоречит принципу определенности правовых норм.

Широкие формулировки общих составов КоАП РФ создают условия для инициирования контролирующими органами дел об административных правонарушениях в отношении СРО и союзов с целью оказания давления на отрасль. Это особенно актуально для полиграфии, в силу ее связи с вопросами информационной безопасности и защиты интеллектуальной собственности.

СРО, занимающая активную позицию в защите интересов своих членов перед государственными органами или разрабатывающая строгие внутренние стандарты (например, по борьбе с производством контрафактной продукции), может стать объектом проверок по надуманным основаниям (например, формальные нарушения в отчетности), что противоречит принципу соразмерности, установленному статьей 1.5 КоАП РФ.

Наиболее дискуссионным является вопрос о возможности привлечения СРО к ответственности за правонарушение, совершенное ее членом — типографией.

Административная ответственность носит персональный характер, что подчеркивается в статье 1.5 КоАП РФ. Если типография нарушила требования о маркировке (статья 15.12 КоАП РФ) или права на товарный знак (статья 14.10 КоАП РФ), ответственность несет сама типография как юридическое лицо.

Однако, при определенных обстоятельствах, к СРО могут быть применены меры ответственности, если будет доказано, что ее бездействие или неправомерные действия (например, сокрытие информации о нарушениях со стороны члена от правообладателей или государственных органов) способствовали совершению правонарушения. В этом случае ответственность для СРО может наступить не по специальному, а по общему составу (например, халатное отношение, если бы такая норма применялась к юр. лицам), но на практике это крайне редкая ситуация, что связано с необходимостью доказывания причинно-следственной связи между действиями СРО и правонарушением члена.

СРО и отраслевые союзы полиграфистов, по своей сути, являются объединениями субъектов одной сферы деятельности, что увеличивает риски нарушения антимо-

нопольного законодательства (статья 11 Федерального закона «О защите конкуренции», статья 14.32 КоАП РФ — картельный сговор).

Разработка единых стандартов качества и этики, являющаяся легитимной целью СРО в соответствии со статьей 3 Федерального закона «О саморегулируемых организациях», может быть расценена как недопустимое ограничение конкуренции, если эти стандарты приводят к устранению с рынка отдельных игроков или необоснованному завышению цен. Разграничение добросовестной практики саморегулирования от картельного сговора является одной из наиболее сложных задач и требует высокой юридической грамотности руководства СРО.

Таким образом, привлечение СРО и союзов полиграфических предприятий к административной ответственности характеризуется значительной правовой неопределенностью. Основные проблемы проистекают из отсутствия специальных составов правонарушений, сложности доказывания вины института, который лишь опосредованно влияет на конечный результат деятельности своих членов, и высоких рисков злоупотребления со стороны контролирующих органов. Для минимизации этих рисков необходима тщательная проработка внутренних документов СРО, строгое соблюдение процедур и активная правозащитная позиция при возникновении споров с государственными органами.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. N 30. Ст. 3012.
2. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 2008. N 52 (ч. 1). Ст. 6228.
3. О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 01.06.2004 N 260 (ред. от 05.09.2025) // Собрание законодательства РФ. 2004. N 23. Ст. 2313.
4. Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2009 N 381-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2010. N 1. Ст. 2.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. N 5. Ст. 410.
6. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. N 31 (1 ч.). Ст. 3448.
7. О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях: Постановление Пленума ВАС РФ от 02.06.2004 N 10 (ред. от 21.12.2017) // Вестник ВАС РФ. — 2004. — N 8.

Развитие российского уголовного законодательства в сфере незаконного оборота наркотических средств

Горохова Александра Александровна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье автор исследует исторические аспекты возникновения наркопреступности в стране, которые в дальнейшем повлияли на внесение изменений в действующий Уголовный кодекс Российской Федерации.

Ключевые слова: Уголовный кодекс, наркопреступность, история.

Преступления, имеющие отношение к наркотическим средствам, как и любые другие противоправные действия, имеют свою историю и тенденцию.

С момента появления наркотических средств их употребление и распространение стало частью общественных отношений, в результате чего возникла необходимость правового регулирования данного явления [2].

Еще в середине XIX века в Российской империи наркотики использовались в целях лечения пациентов, а само

по себе употребление не носило массовый характер. Однако с развитием торговых отношений происходит трудно контролируемая миграция иностранных граждан из соседних государств, где на тот момент уже активно производят и употребляют наркотические вещества на основе опиума.

В 1915 году руководство страны начинает борьбу с наркотиками на Дальнем Востоке и принимает законодательный акт об уничтожении плантаций наркосодер-

жащих растений, а также вводит дополнительные меры по борьбе с курением опиума.

Часть историков считает, что революция 1917 года повлияла на скорое увеличение количества граждан, страдающих наркозависимостью. Советская власть, желая остановить резкий рост опасной привычки, дополняет Уголовный кодекс РСФСР статьей 215, которая регламентирует ответственность за хранение, сбыт и изготовление сильнодействующих и ядовитых веществ.

22 декабря 1924 года руководство СССР принимает декрет «О дополнении Уголовного кодекса статьей 140-д» в связи с тем, что на тот момент употребление морфия и кокаина среди населения стало иметь массовый характер, особенно когда народ стал сбывать друг другу запрещенные вещества.

Летом 1926 года ВЦИК издает постановление «О государственной монополии на опий», тем самым в стране появляется монополия на опий.

Весной 1928 года постановлением ВЦИК «О мерах регулирования торговли наркотическими веществами» вводится запрет на такие наркотические вещества, как кокаин, гашиш, морфий. Эти вещества должны были уйти из свободного обращения граждан СССР. Только Народный комиссариат здравоохранения СССР мог установить необходимое количество вещества для медицинских манипуляций. В те годы начинается ужесточение уголовной ответственности, так как идеологи советской власти возлагали большие надежды на внедренное новое законодательство [3].

В 1926 году принимается новый Уголовный кодекс РСФСР, направленный на защиту здоровья населения. В связи с развитием преступности в области незаконного оборота наркотиков в главу VIII Уголовного кодекса РСФСР 1926 года вносятся новые статьи, которые устанавливают уголовную ответственность за выращивание опийного мака, изготовление и распространение ядовитых и наркотических веществ.

В середине 1938 года Совнаркомом было принято постановление, которое регламентировало правила сбыта и перевозки наркотиков, а также их потребления. Сюда же вошли разъяснения по сильнодействующим и ядовитым веществам.

В дальнейшем республики, входящие в состав СССР, добавляют в свои уголовные кодексы нормы, согласно которым хранение, перевозка и распространение наркотических веществ считаются уголовно наказуемыми.

С 1952 по 1962 год принимается ряд мер по усилению уголовной ответственности за преступления в области наркотических веществ.

К 1960 году статья 224 содержала в себе нормы, подразумевающие уголовную ответственность не только за производство, покупку, распространение или хранение без необходимого на то разрешения, но и за нарушение действующих правил оборота наркотиков.

Новый Уголовный кодекс, введенный с 1 января 1961 года, применялся в России более 30 лет, пока не было при-

нято действующее законодательство, которое функционирует по настоящее время.

В 1963 году СССР присоединяется к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года, и начинается время важных изменений в действующем законодательстве. Теперь обязанность государства заключается в осуществлении контроля за незаконным оборотом наркотиков. СССР присоединяется к Конвенции о психотропных веществах 1971 года, что меняет законодательную базу страны.

В 1961 и 1971 годах принимаются конвенции, которые содержат полный перечень требований к обороту наркотиков, устанавливая законность или незаконность тех или иных действий. Это накладывает и определенные требования к законодательству стран, заключивших эти конвенции.

В 1988 году ООН принимает Конвенцию о борьбе против незаконного оборота наркотиков, что является основанием для исключения из Уголовного кодекса РСФСР определенных статей, таких как статья 224. Ей на смену приходит статья 226.2, определяющая ответственность за хранение и реализацию так называемых ядов, которая только ужесточает действующее законодательство.

В 1974 году СССР делает попытку дифференцировать подход к лицам, страдающим наркотической зависимостью, и устанавливает административную ответственность за употребление наркотиков не в медицинских целях. Также изменяется ответственность за сбыт в крупном размере, где основным квалифицирующим признаком является рецидив.

В дальнейшем уголовное законодательство освобождало от ответственности лицо, которое добровольно сдавало наркотическое средство.

Уголовный кодекс, принятый в 1996 году, содержал в себе целый комплекс мер по борьбе с наркопреступностью. Это было связано и с тем, что вышеуказанные меры по борьбе с распространением наркотиков не сокращали количество преступлений в данной области.

В 1998 году принимается Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах». Даже сейчас его можно назвать основным законом, ведь он достаточно полно охватывает изучаемый вопрос.

27 мая 1998 года выходит постановление Пленума Верховного суда № 30 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, сильнодействующими и ядовитыми веществами», которое по праву можно назвать результатом проработки острых и проблемных вопросов Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) 1996 года. Данное постановление дало ряд разъяснений по положениям УК РФ в сфере незаконного оборота наркотиков. Установлено определение понятия «сбыт», дано пояснение об умысле за совершение преступлений и ответственности за него [4].

В 2003 году фиксируется рост преступности в данной сфере, и в УК РФ вносятся изменения, а точнее, определяется ответственность за совершение преступления, связанного со сбытом наркотиков.

Если проследить развитие уголовного законодательства в вопросе незаконного оборота наркотиков, то будет понятно, что после принятия УК РФ в 1996 году заметно ужесточается уголовная ответственность для нарушителей, совершающих данные преступления [5]. Нельзя не отметить, что развитие законодательства в сфере наркотических средств связано с зарубежными «соседями»: принятие новых законодательных актов в других странах оказывало влияние на расширение российского законодательства.

В современном мире на развитие уголовного законодательства влияет негативная обстановка, которая обусловлена увеличением наркозависимых и распространителей [6].

В действующем УК РФ вопросам ответственности за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ посвящены шесть статей (статьи 228–233) [1]. В УК РФ прописана уголовная ответственность за определенные виды преступлений, связанные с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами.

По данным ООН и международных организаций по контролю наркотиков, Россия занимает 4–5-е место в мире

по обороту наркотических веществ. С 2023 года зафиксирован резкий рост производства и распространения синтетических наркотиков. Общий объем рынка оценивается экспертами в 2–3 млрд долларов США ежегодно. Подсчитано, что 30 000 россиян ежегодно умирают от передозировки героина.

В связи с тем, что число жертв растет, а демографический кризис уже сильно ударил по стране, это может вызывать серьезные проблемы в экономике, ведь многие из погибших — молодые люди трудоспособного возраста.

Почти 90 % мирового героина поступает из Афганистана, причем значительная часть направляется в Россию, и с каждым годом количество конфискованных наркотиков увеличивается. В настоящее время самой большой проблемой, с которой сталкиваются правоохранительные органы, является незаконный оборот наркотиков.

Обратившись к истории борьбы с незаконным оборотом наркотиков в России, мы можем говорить о значительной эволюции действующего законодательства в данной сфере. Однако необходимо отметить, что преступность не стоит на месте, а изыскивает новые способы нарушения закона.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Казанкова, Т. Н. История появления наркотических и психотропных веществ в жизни человека и их влияние на общество / Т. Н. Казанкова, В. М. Реуф, А. А. Фадеева // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищев. — 2019. — № 4. — С. 23–31.
3. Кудрявцев, В. Н. Новое уголовное и судебное законодательство союза ССР. Вып. 1. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик / В. Н. Кудрявцев. — М. : Норма : Инфра-М, 2016. — 39 с.
4. Зиновьев, В. В. Антинаркотическая политика России: уголовно-правовые и криминологические аспекты реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Зиновьев Валерий Владимирович. — Саратов, 2016. — 26 с.
5. Уварова, И. А. Стратегия государственной антинаркотической политики: принятие мер по ее реализации / И. А. Уварова // Антинаркотическая безопасность. — 2013. — № 1. — С. 104–108.
6. Позднякова, М. Е. Особенности современной наркоситуации в России / М. Е. Позднякова // Россия реформирующаяся : ежегодник. — М. : Новый хронограф, 2016. — Вып. 14. — С. 201–227.

Общесоциальные меры профилактики наркопреступности

Горохова Александра Александровна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье автор исследует общесоциальные меры профилактики наркопреступности, а также необходимость системного подхода и межведомственного взаимодействия со стороны ответственных лиц.

Ключевые слова: профилактика, наркопреступность, общесоциальные меры.

Общесоциальные меры профилактики наркопреступности представляют собой важнейший компонент комплексной системы борьбы с распространением наркотиков и вовлечением населения в преступную деятельность, связанную с наркотическими средствами и психотропными веществами. В условиях современной России

правительственные стратегии ориентированы на снижение спроса на наркотики посредством просветительских программ, активизации деятельности общественных организаций, а также внедрения реабилитационных мер, направленных на социальную интеграцию и восстановление нарушенных жизней.

Современная общественность ставит во главу угла проблему здоровья. Особый акцент делается на здоровье молодежи и подрастающего поколения. Н. Ю. Комлев в своих работах акцентирует внимание на увеличении количества молодых людей, которые по разным причинам связались с незаконным оборотом наркотических средств [4]. Важными элементами здорового общества можно назвать нравственность и наличие моральных ценностей, которые могут нуждаться в охране со стороны общества и закона [5].

Одной из ключевых задач государства и общества является формирование у населения устойчивых знаний о вреде наркотиков и механизмах их воздействия, что достигается через системы просветительской работы и общественную активность. В этом контексте важна роль образовательных учреждений, средств массовой информации и специальных информационных кампаний, направленных на профилактику наркомании и формирование отрицательного отношения к употреблению наркотиков. Как отмечают исследователи, эффективная профилактика начинается с повышения уровня информированности [1]. Подобные меры имеют важное значение не только для снижения спроса, но и для предотвращения вовлечения молодежи и иных уязвимых групп в преступную деятельность.

Кроме просветительской деятельности особое значение приобретает внедрение программ реабилитации и социальной адаптации наркозависимых. Реабилитационные центры и программы социального сопровождения не только способствуют устранению физической и психологической зависимости, но и помогают интегрироваться в социальное окружение, что уменьшает вероятность рецидива.

Важно подчеркнуть, что реабилитационные меры должны интегрироваться в общий социальный контекст и сопровождаться комплексной поддержкой, в том числе финансироваться со стороны государства и иных организаций [2]. Эти меры позволяют не только снизить уровень наркопреступности, но и повысить качество жизни отдельных категорий населения, что в конечном итоге способствует формированию здорового и устойчивого общества.

Литература:

1. Абрамян, С. К. Особенности профилактики наркомании и наркотизма в муниципальном образовании город Новороссийск / С. К. Абрамян, К. В. Голубкина // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2024. — № 4. — С. 822–827. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-profilaktiki-narkomanii-i-narkotizma-v-munitsipalnom-obrazovanii-gorod-novorossiysk> (дата обращения: 26.10.2025).
2. Емельянов, М. Ю. Тенденции подростковой преступности в современной России: состояние и предупреждение / М. Ю. Емельянов // Вестник науки. — 2024. — № 7 (76), т. 2. — С. 166–172. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-podrostkovoy-prestupnosti-v-sovremennoy-rossii-sostoyanie-i-preduprezhdenie> (дата обращения: 26.10.2025).
3. Игнатенко, Е. А. Генезис определения содержания понятия «наркотизм» в контексте противодействия наркопреступности / Е. А. Игнатенко // Инновационная наука. — 2022. — № 6-2. — С. 75–78. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-opredeleniya-soderzhaniya-ponyatiya-narkotizm-v-kontekste-protivodeystviya-narkoprestupnosti> (дата обращения: 28.10.2025).

Особую роль в профилактике играет деятельность общественных организаций и институтов, призванных оказывать поддержку и проводить профилактическую работу на местах. Неправительственные организации активно занимаются просветительской деятельностью, формированием групп поддержки, консультациями и просветительскими инициативами, что позволяет охватить широкие слои населения, особенно в социально уязвимых группах. Их участие обеспечивает более гибкие, адресные и доверительные формы взаимодействия с целевой аудиторией, что создает условия для формирования устойчивых антинаркотических ценностей, а самостоятельность и активность общественных инициатив увеличивают эффективность профилактических программ [3].

Несмотря на существующие успехи, следует учитывать сложности и риски, связанные с реализацией подобных мер, а также необходимость постоянного мониторинга и оценки их эффективности, что требует дополнительных финансовых вложений и вовлечения дополнительных сотрудников.

В условиях современной России особое значение приобретает интегрированный подход, ориентированный на комплексное воздействие, включающее просветительские, реабилитационные и общественные меры, а также взаимодействие с правоохранительными и медицинскими структурами. Такой подход способствует формированию устойчивой системы профилактики, которая должна быть адаптирована к изменяющейся ситуации, а также должна учитывать особенности региональной и социальной специфики.

Таким образом, социально ориентированные профилактические программы являются неотъемлемой составляющей противодействия наркопреступности, обеспечивая профилактику злоупотребления наркотическими средствами, социальную реабилитацию и возможность формирования здорового, осознанного и социально ответственного гражданского общества. Их эффективность зависит от системного подхода, межведомственного взаимодействия и активной гражданской позиции, что позволяет достичь долговременных позитивных результатов в сфере борьбы с наркопреступностью в Российской Федерации.

4. Комлев, Н. Ю. Государственно-правовое противодействие подростково-молодежному наркотизму : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Комлев Николай Юрьевич. — М., 2016. — 22 с.
5. Квалификация преступлений против здоровья населения и общественной нравственности : учеб. пособие / А. Н. Попов [и др.]. — СПб. : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Ун-та прокуратуры Рос. Федерации, 2021. — 99 с.

Цифровизация как инструмент предотвращения коррупции в судах Российской Федерации

Гужина Дарья Александровна, студент

Научный руководитель: Лавринов Вячеслав Викторович, кандидат юридических наук, доцент
Ростовский филиал Российской таможенной академии

Статья рассматривает цифровизацию как один из новых и современных способов борьбы и противодействия коррупции. Проанализировав влияние цифровых технологий на жизнь общества, в свою очередь была проанализирована сфера влияния цифровизации на прозрачность, подотчетность и эффективность судебных процессов. Были оценены перспективы и риски применения цифровых инструментов для борьбы с коррупцией в судах, а также оцениваются результаты применения электронного документооборота, видеоконференцсвязи и других цифровых инструментов, а также предлагаются меры по их дальнейшему совершенствованию для эффективной борьбы с коррупцией.

Ключевые слова: коррупция, судебная система, судебные аппараты, Федеральный закон «О противодействии коррупции», методы, глобальное явление, цифровизация, информационные технологии, электронное правосудие.

В судебной системе, как и во всех сферах жизни общества, существует ряд проблем, которые подрывают её эффективность. По данным ВЦИОМ за март 2025 года, уровень доверия к судебной системе остаётся стабильно низким: лишь 36,6 % россиян одобряют её деятельность. Проанализировав работу судебной системы, можно выделить ряд существенных недостатков, таких как: затруднённость в предоставлении информации, недостаток кадров, отсутствие технических возможностей и. т.д. Но, к сожалению, самым ярким недостатком является коррумпированность. Социальное явления «коррупция» активно развита не только в государственной службе, но и в других сферах жизни общества, однако по данным Судебного департамента при Верховном суде за коррупционные преступления в 2024 году были осуждены преимущественно государственные служащие. Наиболее «частыми» являются суммы от 10000 до 50000 тыс. рублей. За данные суммы по данным статистики 2023 года было осуждено 5162 человека. Приблизительно четверть (24 %) от общего количества людей, осужденных за коррупционные преступления, что составляет 21 729 человек, были привлечены к ответственности по основным составам преступлений или в качестве дополнительной квалификации.

В текущем году наблюдается незначительное уменьшение общего числа лиц, замешанных в коррупционных схемах, по сравнению с 2023 годом, когда было выявлено 22014 нарушителей. Однако, при этом зафиксирован рост числа взяточников, получивших незаконные доходы в размере миллиона и более. В целом, ситуация с коррупцией остается стабильной относительно предыдущего года. Интересно отметить, что в 2022 году взятки в форме

нематериальных услуг не являлись доминирующими, уступая по распространенности взяткам в диапазоне от 10 до 50 тысяч рублей, а также более мелким подношениям от 1 до 10 тысяч рублей.

По данным Генеральной прокуратуры РФ в 2024 году зарегистрировано снижение коррупционных преступлений. Правоохранительные органы привлекли к уголовной ответственности 215 человек (в прошлом году — 217) и выявили 335 преступлений коррупционной направленности (в прошлом году — 358).

Так как коррупция является не только проблемой судебной системы, а носит более «глобальный» характер, с каждым годом создается все больше мер по противодействию коррупции во всех сферах жизни общества. Самой «новой» мерой по противодействию коррупции является цифровизация.

Внедрение информационных технологий в судопроизводство повышает уровень открытости судебной системы, однако ключевым фактором является облегчение доступа граждан к судебной процедуре, что влечёт уменьшение расходов, которое обусловлено необходимостью физического присутствия лица, либо же его представителя на судебном заседании.

Проблемы и перспективы цифровизации правосудия являются для научной доктрины одной из наиболее актуальных и востребованных тем. На протяжении последних лет в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации этой проблематике был посвящен ряд коллективных научных работ, в которых безусловно отражены наиболее актуальные вопросы, возникающие в процессе трансфор-

мации правоохранительной и правоприменительной деятельности, предложены комплексные пути решения существующих задач [2].

Следует отметить, что в этом плане на государственном уровне принимаются определенные решения по инновации процесса государственного администрирования и перехода от так называемого электронного правительства к цифровому, т. е. основанного на it-разработках.

По состоянию на 2025 год в судебной системе РФ на различных стадиях, активно применяются цифровые технологии, которые облегчают рассмотрение и расследование различных категорий дел. Однако в отдаленных и новых регионах России применение средств цифровизации вызывает определенные трудности. Однако, Судебный департамент при Верховном суде РФ отмечает значительный прогресс в интеграции судебной системы новых российских регионов, указывая на успехи в цифровизации правосудия.

Одним из самых ярких примеров применения цифровизации в судебной системе РФ является документооборот. Документооборот, как и в целом цифровизация относительно недавно стало применяться в судах, а именно с 2017 года. Электронный документооборот позволяет расширить круг возможностей участников процесса, при подаче документов в судебное заседание. Обычно возможности электронного документооборота применяют стороны, когда у них нету физической возможности присутствовать в судебном заседании лично. Документы, поданные через электронный документооборот, регистрируются работником суда и передаются судье для изучения [1]. По состоянию на 2025 год, в каждом суде российской федерации есть официальная электронная почта, через которую граждане могут пождать документы минуя физическое нахождение в суде.

Еще одним примером успешного применения цифровизации в судебной системе является использование системы видеоконференцсвязи. В 2021 году был принят Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», который ввел в Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее — УПК РФ) и урегулировал процедуру проведения следственных действий, таких как допрос, очная ставка и опознание, «с использованием систем видеоконференцсвязи».

Помимо вышеперечисленных примеров успешного применения цифровизации непосредственно в деятельности судов, можно выделить и важную роль цифровизации в противодействии коррупции.

Самым наглядным примером является обязательное декларирования госслужащих своих и членов их семей доходов за отчетный период. Со стороны государства предусмотрена юридическую ответственность за непредоставление, либо же за недостоверные сведения. Для решения этих проблем необходимо разработать алгоритм мониторинга имущественного состояния государственных служащих. Использование технологий искусственного интеллекта позволяет переложить бремя сбора и обработки

необходимой информации о должностном лице с него на государственные органы с целью централизации и унификации такого порядка с помощью цифровых платформ. В этом случае все издержки, перечисленные выше, будут нести предлагаемая программа и ее операторы. Потенциал цифровой программы для мониторинга имущественного состояния должностных лиц позволит не только соотнести их доходы и расходы, но и выявить нарушения налогового законодательства и законодательства в области противодействия отмыванию денег [3].

В России ст. 8 **Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»** устанавливает обязанность должностных лиц и членов их семей предоставлять раз в год сведения о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера.

Основные особенности:

- 1) декларации подаются ежегодно (в основном в апреле);
- 2) в декларации указываются сведения о счетах (вкладах) и наличных денежных средствах в иностранных банках, о государственных ценных бумагах иностранных государств, о недвижимом имуществе, находящемся за пределами территории РФ;
- 3) декларации проверяют комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных служащих и урегулированию конфликта интересов в каждом ведомстве, Прокуратура России, Федеральная налоговая служба и Совет по противодействию коррупции при Президенте РФ.

К сожалению, ныне существующая система декларирования доходов характеризуется многочисленными проблемами, характеризующие для стран схожие юридические, организационные, технические и иные недостатки системы декларирования. Одной из самой распространенной проблемой является возложение отчета по доходам непосредственно на государственного служащего, а не на руководителя. На практике данная процедура декларирования вызывает ряд уточняющих вопросов (какой срок сдачи декларации, как правильно заполнить справку, вовремя получить сведения из государственных реестров, от банков и прочих организаций, получить данные от своего супруга/супруги, на несовершеннолетних детей, какие данные необходимо указывать и т.д.) [5].

В целом средства цифровизации применяемые в судебной системе Российской Федерации направлены на выявление и предотвращение потенциальных коррупционных преступлений и предоставляют возможность для дальнейшей их ликвидации.

Однако, к сожалению, они не выполняют свою прямую роль в полной мере. День ото дня в новостях мелькают новости, о привлечении к ответственности государственных служащих за не декларирование имущества. Например, в марте 2023 года 10 сотрудников департамента строительства Краснодарского края были привлечены к дисциплинарной ответственности предоставление недостоверных и неполных сведений о доходах. Нарушения законодательства о государственной службе и проти-

водействии коррупции сотрудники ведомства выявили во время проверки. В антикоррупционных декларациях за 2020–2021 годы госслужащие предоставили недостоверные и неполные сведения о доходах около 450 тыс. руб., а также о наличии в кредитных организациях 15 банковских счетов, оборот по которым превысил 400 тыс. руб.

Несмотря на вышеуказанные случаи, средства цифровизации активно помогают в выявлении и пресечении коррупционных преступлений. С помощью средств цифровизации возникает возможность мониторинга поступления незарегистрированных денежных потоков в адреса государственных служащих.

Литература:

1. Балашова А. А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании: автореферат диссертации кандидата юридических наук / А. А. Балашова. Москва, 2020. 31 с.
2. Головкин Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? / Л. В. Головкин // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.
3. Журавлева О. В. Декларирование служащими доходов и расходов и проверка достоверности и полноты представленных сведений. // В сборнике: Теория и практика современной юриспруденции. сборник статей III Международной научно-практической конференции. — Пенза, 2021. С. 28–34.
4. Пономарь Е. В. Декларирование доходов и расходов государственных служащих как способ борьбы с коррупцией // В сборнике: Научные исследования как основа инновационного развития общества. сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. — 2019. С. 268–270.
5. Трубецкой Ю. В. Совершенствование института декларирования сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера в условиях цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2022. — Т. 13. — № 2. С. 344–359.
6. Цирин А. М., Севальнев В. В. Совершенствование порядка осуществления контроля за расходами и механизма обращения в доход государства имущества, приобретенного на неподтвержденные доходы // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 144–156.

Криминалистическая характеристика мошенничества в сфере кредитования

Гюлмагомедов Рустам Рубертович, студент магистратуры

Научный руководитель: Юрин Владимир Михайлович, кандидат юридических наук, профессор

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

В статье исследуется содержание криминалистической характеристики мошенничества в сфере кредитования, раскрываются особенности способов совершения и сокрытия преступления, обстановки совершения и последствий (картины, следов) преступления, личности мошенника и других элементов, формирующих исходные следственные ситуации расследования.

Ключевые слова: *мошенничество в сфере кредитования; криминалистическая характеристика; исходная следственная ситуация; экономическая преступность.*

Сегодня развитие финансового сектора напрямую зависит от процессов цифровизации и расширения дистанционных форм кредитования. Вместе с ростом объёмов потребительского и ипотечного кредитования это обусловило увеличение числа преступлений мошеннического характера. В результате мошенничество в сфере кредитования стало одной из наиболее распространённых и социально опасных форм экономической преступности, наносящей ущерб как отдельным гражданам, так и банковской системе в целом.

Упрощённые механизмы дистанционного оформления кредитов, низкий уровень финансовой грамотности населения и высокая технологическая оснащённость преступников создали основу для появления сложных схем хи-

щения, основанных на использовании подставных лиц, подделке документов и применении методов социальной инженерии. Из-за этого процесс доказывания значительно усложнился и требует выработки новых подходов к расследованию, опирающихся на криминалистическую характеристику преступлений данной категории.

Криминалистическая характеристика мошенничества в сфере кредитования — это система сведений о признаках, закономерностях и механизмах совершения данного вида преступлений. По мнению В. А. Неженца, она отражает «наиболее статистически вероятные признаки преступлений каждого вида», а это придаёт ей высокую прогностическую ценность при выдвижении следственных версий и планировании расследования [1, с. 289].

Мошенничество в сфере кредитования включает в себя немалый круг действий, которые совершаются как традиционными, так и нетрадиционными, в частности, цифровыми способами. В соответствии со ст. 159.1 УК РФ оно выражается в хищении денежных средств путём предоставления кредитору заведомо ложных либо недостоверных сведений [2]. Основным способом выступает обман, направленный на введение банка в заблуждение относительно платёжеспособности и благонадёжности клиента. Среди способов совершения кредитных мошенничеств выделяются подделка документов, использование подставных лиц, создание фирм-«однодневок» и злоупотребление служебным положением. По наблюдениям Н. И. Долженко, применение поддельных документов является одним из наиболее типичных приёмов обмана [3, с. 106].

Как было сказано ранее, развитие цифровых технологий дало старт для появления новых форм преступности. Всё чаще применяются «синтетические идентичности» — фиктивные профили, созданные с помощью нейросетей и сочетающие реальные и вымышленные данные. Центральный банк считает, что методы социальной инженерии стали главными инструментами злоумышленников, которые получают доступ к персональной информации граждан [4].

Касаясь личности мошенников, их свойств и признаков, важно отметить, что в большинстве своем они обладают хитрым, изворотливым умом, развитым воображением и фантазией, умением заинтересовать и расположить к себе людей, наделены актерскими способностями. Они умело используют те или иные благоприятные обстоятельства для осуществления преступных действий либо изменяют, приспособливают их в соответствии с преступным замыслом [5, с. 66–67]. Е. Жариков полагает, что наибольшую опасность для сферы экономики и бизнеса представляют мошенники, которые наделены специфическим набором определенных интеллектуально-психологических и этических свойств. К таковым он относит: 1) стремление быстро обогатиться без обычных трудовых усилий; 2) аттрактивность — природой данная привлекательность, вызывающая доверие к данному человеку; 3) мощный комбинаторный интеллект, позволяющий строить модели поведения людей под влиянием внешних воздействий, прогнозировать их поведение и предусматривать меры для поддержания направления и характера их действий, соответствующих мошенническим замыслам; 4) эмпатию — способность чувствовать, мыслить и хотеть так, как чувствуют, мыслят и хотят люди, намечаемые к роли жертв мошенников; 5) высококоразвитое чувство превосходства, позволяющее действовать уверенно по отношению к людям, которые, по мнению субъекта аферы, безусловно стоят в интеллектуальном отношении намного ниже мошенника и поэтому позволяют себя обманывать; 6) установку на такое нарушение законов, которое предусматривает возможность избежать разоблачения и наказания [6, с. 156]. Личность

мошенника характеризуется корыстной мотивацией, высоким уровнем адаптивности и склонностью к манипуляциям. В своих исследованиях Х. К. Харалампиди [7, с. 156] и Д. А. Данилова [8, с. 74] пришли к выводу, что большинство осуждённых — мужчины 30–49 лет, со средним профессиональным образованием и нестабильным доходом, а среди организаторов часто встречаются бывшие сотрудники банков.

Обстановка совершения преступления определяется спецификой финансовых отношений. Как отмечает С. С. Домовец, «обстановка совершения преступлений рассматриваемой категории чаще всего соответствует самому преступлению» [9, с. 129], то есть формируется в условиях доверительных взаимодействий между банком и клиентом. Распространение дистанционных сервисов усиливает латентность подобных деяний.

Картина последствий совершения мошенничества в сфере кредитования включает различные виды следов: документальные (поддельные паспорта, фиктивные справки, кредитные досье), электронные (IP-адреса, логи транзакций, переписку) и финансово-операционные следы (цепочки переводов, обналичивание через фирмы-«однодневки»). Например, лог-файлы и иные цифровые данные обладают высокой доказательственной ценностью, позволяя установить последовательность действий преступников. К способам сокрытия относятся уничтожение электронных носителей, частичное погашение кредита для видимости благонадёжности и ликвидация фиктивных фирм.

Как итог, выявленные элементы криминалистической характеристики мошенничества в сфере кредитования определяют специфику типичных следственных ситуаций, формирующихся на начальном этапе расследования.

На первоначальном этапе расследования преступлений в сфере кредитования важность приобретает установление исходной следственной ситуации. Именно она определяет содержание, последовательность и направленность действий следователя. Под следственной ситуацией понимается совокупность фактических данных и условий расследования, включающих степень осведомлённости о событии преступления, личности преступника, способе совершения, следах, потерпевших и иных обстоятельствах.

Исследователи подчеркивают, что расследование кредитного мошенничества осложняется высокой динамичностью и скоротечностью действий преступников. А. О. Дзюба указывает, что «в ситуациях расследования кредитного мошенничества сказанное приобретает особую важность, поскольку преступники быстро устраняют следы преступления и оперативно реализуют похищенное имущество» [10, с. 178]. Как итог, время становится ключевым фактором: промедление на начальной стадии способно привести к утрате доказательств и невозможности возврата активов.

В криминалистической методике выделяется несколько типичных следственных ситуаций, складывающихся при

возбуждении уголовного дела. Их классификация базируется на объёме исходной информации, степени известности субъекта преступления и особенностях способа совершения деяния.

Типичные схемы мошенничества, формирующие соответствующие следственные ситуации, включают предоставление ложных сведений о доходах и поручителях, использование поддельных документов, оформление кредитов на подставных лиц, создание фиктивных залогов или получение кредитов на ликвидируемые организации. Иногда встречаются схемы перекредитования, когда новый заём используется для сокрытия предыдущего хищения. Нередко преступники действуют стремительно, снимая денежные средства в течение нескольких часов после их поступления на счёт. Подобные обстоятельства формируют особую обстановку расследования, требующую немедленных следственных и оперативных мер.

Существенной особенностью начального этапа является дефицит информации, обусловленный скрытностью преступников и сложностью фиксации цифровых доказательств. Мошенники нередко используют дистанционные методы и анонимные платформы, осложняя оперативное установление фактов. В ситуациях, когда преступление совершается внутри кредитной организации, возникают трудности с получением доказательств из-за ограниченного доступа к банковской тайне и корпоративным данным.

Таким образом, мошенничество в сфере кредитования является одной из наиболее распространённых и опасных форм экономической преступности, характеризующейся высокой латентностью и изменчивостью способов совершения и сокрытия. Криминалистическая характеристика этих преступлений, включающая данные о способах, средствах и личностных особенностях преступников, позволяет выявить закономерности их деятельности и определить направления расследования.

Литература:

1. Неженец В. А. Содержание криминалистической характеристики мошенничества в сфере кредитования // Молодой ученый. — 2025. — № 19 (570). — С. 289–291.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954. Ст. 159.1.
3. Долженко Н. И., Титякова А. В. Криминалистическая характеристика мошенничества в сфере кредитования // Тенденции развития науки и образования. — 2023. — № 93–4. — С. 105–107.
4. Центробанк поможет осложнить жизнь мошенникам [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=14108> (24.10.2025).
5. Расследование преступлений в сфере экономики: учеб. пособие / под общ. ред. С. Ю. Наумова, А. С. Волкова, В. М. Юрина, Л. Г. Шапиро. — Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2018. — 312 с.
6. Жариков Е. Мошенничество в бизнесе // Управление персоналом. 2000. № 3 (45) С. 38–41.
7. Харлампики Х. К. Личность преступника, совершающего мошенничество в сфере кредитования: криминологическая характеристика // Научный альманах. — 2020. — № 3 (55). — С. 154–158.
8. Данилов Д. А., Габзалилов В. Ф. Наиболее характерные особенности личности преступника, совершающего мошенничество в сфере кредитования // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2017. — № 4 (78). — С. 72–75.
9. Домовец С. С. О некоторых элементах криминалистической характеристики мошенничества в сфере кредитования // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2018. — № 3 (46). — С. 126–130.
10. Дзюба А. О., Махтаев М. Ш. Типичные следственные ситуации и версии первоначального этапа расследования мошенничества в сфере кредитования // Пробелы в российском законодательстве. — 2023. — Т. 16, № 6. — С. 178–184.

Отдельные вопросы судебной практики, связанной с иностранными правообладателями, покинувшими российский рынок, и возможные перспективы регулирования

Дегтярев Даниил Дмитриевич, аспирант
Московский инновационный университет

В статье рассматриваются отдельные аспекты споров российских компаний (конечных пользователей) с иностранными компаниями (ИТ-вендорами, правообладателями программного обеспечения), вызванных уходом последних с отечественного рынка.

Ключевые слова: судебная практика, иностранные правообладатели, IT-вендоры, арбитражный суд

Российский рынок оборота программного обеспечения и технологического оборудования многообразен и включает множество отечественных компаний. Они предлагают ряд решений для разных отраслей и нужд. Эти решения могут быть направлены, например, на оптимизацию бизнес-процессов, государственных услуг или включать целую экосистему для конечного пользователя. В особенности можно выделить направление развития государственных цифровых сервисов, финтех-решений и т. п.

Однако после распада СССР наряду с начинающими на тот момент свое развитие отечественными IT-компаниями в Россию пришло множество иностранных брендов (международных холдингов), реализующих IT-оборудование и программное обеспечение. Они работали во всем информационном сегменте и предоставляли свои услуги конечным пользователям. В частности, можно выделить такие компании, как Cisco, Microsoft, Intel и многие другие, чьим софтом также активно пользовался бизнес, государственные структуры и конечные потребители в России.

Из-за международных событий последнего времени и в связи с действиями недружественных стран многие из иностранных вендоров, пришедших на новый российский рынок в 90-е годы прошлого века, в настоящий момент объявили о своем уходе.

Так, за последние три года отечественный рынок покинули такие компании как Microsoft, Oracle, SAP, Dell, SAS, Huawei, IBM, Autodesk, Acronis, EPAM Systems, Cisco [1] и многие другие. Российские потребители услуг ряда указанных технологических компаний после их ухода столкнулись с такими проблемами, как:

- отсутствие технической поддержки;
- недоступность обновлений;
- лицензионные ограничения и аннулирование лицензий [2] и др.

Аналитики опросили 116 организаций из 19 отраслей, чтобы узнать, как на них сказался уход крупных иностранных разработчиков с российского рынка. Выяснилось, что 56 % компаний лишились доступа к техподдержке, для 16 % организаций критично выросла стоимость лицензий и услуг и только пятая часть опрошенных (21 %) не ощутила на себе никаких последствий [3].

Вышеперечисленное свидетельствует о наличии явных признаков, указывающих на потенциальные споры контрагентов в связи с рассматриваемым вопросом, а судебная практика подтверждает, что разрешить названные проблемы с целью получения российскими компаниями того, на что они рассчитывали, в ходе переговоров не всегда возможно.

Прежде чем рассматривать отдельные аспекты судебной практики, представляется важным указать, что зачастую реализация своих продуктов зарубежными компаниями происходит не напрямую конечным пользователям, а через систему посредников, и выглядит следующим образом [4]:

Правообладатель/Вендор (иностранная IT-компания в лице российской дочерней компании)	à	Дистрибьютор (авторизованный партнер, российская компания)	à	Реселлер/Интегратор (российская компания)	à	Конечный пользователь (российская компания)
--	---	--	---	---	---	---

Указанная цепочка не является безусловной и может предполагать отсутствие какого-либо звена или, наоборот, наличие дополнительных субпродавцов в реализации технологических решений. Предполагаю, что причинами, которыми обусловлена указанная схема, могут быть:

- сложившиеся у правообладателя коммерческие отношения со своими партнерами и соответствующая механика продаж, связанная в том числе с объемами продукции и количеством клиентов, при которой быстрее или удобнее производить реализацию своей продукции именно таким способом;
- желание крупных иностранных компаний постараться переложить все возможные риски на последующих продавцов, а равно возложить распространение технологий на специализирующиеся в этой области организации.

Дополнительно можно отметить, что действующим законодательством не предусмотрено запрета на указанные договорные цепочки перепродаж, а легальных определений дистрибьютора или реселлера/интегратора в российском законодательстве нет. Вместе с тем фрагментарное регулирование отношений дистрибуции можно увидеть в рамках ЕАЭС. Например, решением Совета Евразийской экономической комиссии от 03.11.2016 № 80 «Об утверждении Правил надлежущей дистрибьюторской практики в рамках Евразийского экономического союза» установлены условия обеспечения качества при дистрибуции лекарственных средств [5].

В зависимости от предмета сделки и реализуемого продукта (оборудование, сервисные контракты, сертификаты, программное обеспечение, техническая поддержка и т. п.), а также от экспертности юридического отдела соответствующего звена (компании), между сторонами (контрагентами) заключаются дистрибьюторские (партнерские) согла-

шения, лицензионные и сублицензионные договоры, договоры поставки, договоры возмездного оказания услуг или смешанные и непоименованные договоры. В. А. Канашевский отмечает, что взаимоотношения между иностранными правообладателями, дистрибьюторами и пользователями строятся на основании разнообразных договорных моделей, которые могут подчиняться как иностранному, так и российскому праву, а также их различным сочетаниям [6].

Таким образом, в рамках рассмотрения споров с зарубежными вендорами предусматривается систематическое привлечение третьих лиц — российских компаний, перепродававших решения вендора конечному покупателю. Также указанные дела явным образом могут быть осложнены смешанными договорными правоотношениями сторон, обусловленными техническим многообразием решений, находящихся в IT-обороте, в частности продуктов, предполагающих акцептирование Лицензионного пользовательского соглашения (EULA), и в целом иностранным элементом.

Для анализа судебной практики в связи с обширным количеством споров по делам, связанным с иностранными правообладателями, покинувшими российский рынок, интерес представляют дела с участием дочерней компании Cisco — ООО «Сиско Солюшенз» в роли ответчика после объявления американской компании о своем уходе с российского рынка 23 июня 2022 года (в марте 2022 года объявлено о приостановке деятельности в России) [7].

В картотеке арбитражных дел в настоящий момент 19 споров [8], в которых ООО «Сиско Солюшенз» выступает в роли ответчика, на общую сумму примерно 280 миллионов рублей. Большинство дел связано с неисполнением или ненадлежащим исполнением ответчиком своих обязательств, вытекающих из договоров с различными правовыми конструкциями. Истцами выступают российские компании из различных отраслей. В подавляющем большинстве дел к участию привлечены третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора: дистрибьюторы и реселлеры/интеграторы, заключившие соответствующие договоры с российской дочерней компанией иностранного правообладателя, между собой и с конечными пользователями.

Доводы ответчика в основном сводятся к следующему:

- дело неподсудно российскому суду в связи с наличием пророгационной оговорки в EULA, которая предполагает рассмотрение спора в иностранном суде;
- ответчик не может контролировать договорные отношения между дистрибьютором и реселлером, а также между реселлером и конечным пользователем;
- ответчик не принимал на себя обязательств перед конечным пользователем, так как они исполняются на основании условий договора между конечным пользователем и реселлером/интегратором, а приобретенные права конечного пользователя, отраженные (закрепленные) в письменном виде в каком-либо документе, не создают договорных взаимоотношений между конечным пользователем и ответчиком, что прямо отражено в таком документе (сертификате);
- в рамках структуры правоотношений по оказанию услуг технической поддержки истцу эмитент сертификата, то есть ответчик, является субсубподрядчиком. В связи с этим заказчик (истец) имеет право предъявлять требования не к кому иному, кроме как к своему подрядчику, то есть реселлеру.

Особый интерес представляет вывод суда апелляционной инстанции относительно пророгационной оговорки в EULA. Так, отменяя решение суда первой инстанции, апелляционный суд заключил, что предоставление доступа к программному обеспечению Cisco в силу лицензионного соглашения с конечным пользователем осуществляется через сайт правообладателя Cisco посредством ключей активации (последовательность символов) в личном кабинете на сайте <https://id.cisco.com/>. Лицензионное соглашение считается заключенным между истцом и ответчиком в момент активации истцом (конечный пользователь) в личном кабинете сервисных контрактов Cisco. По мнению апелляционного суда, при таких обстоятельствах истец не мог повлиять на содержание лицензионного соглашения, в том числе на положение п. 12.9. о рассмотрении споров в судах Англии. У истца не было воли на заключение пророгационного соглашения о рассмотрении споров в судах Англии, поскольку он стал участником лицензионного соглашения автоматически (путем активации). На основании изложенного апелляционный суд приходит к выводу, что пророгационное соглашение (п. 12.9. лицензионного соглашения) является неисполнимым, поскольку отсутствует истинное намерение (действительная воля) истца на передачу споров в суды Англии [9].

Представляется, что разработка параметров установления истинных намерений (действительной воли) сторон при акцептировании объемных смешанных соглашений автоматическим способом путем активации (проставление галочки в соответствующем поле) может в дальнейшем с учетом цифровизации представлять особый научный интерес, например с позиций определения цифровой воли, ее категоризации, взаимосвязи с конклюдентными действиями стороны, возможности алгоритмизации воли (техноправовая сигнатура) в условиях развития искусственного интеллекта и машиночитаемого права, а также платформенного правосудия.

При этом можно заключить, что квалификация правоотношений, связанных с технологическими продуктами (сложными IT-решениями), осложненными иностранным элементом, может вызывать определенные сложности при синтезировании истинных следствий и выводов для верного разрешения спора, в частности в силу специфики — различных обстоятельств дела, где важны детали как правовых соглашений сторон, так и технических аспектов их взаимодействия.

Соглашаясь с выводами В. А. Канашевского, указывающего на противоположные позиции судов, а также на необходимость вмешательства Верховного суда Российской Федерации для обобщения практики рассмотрения дел о пре-

крашении технической поддержки программного обеспечения иностранными правообладателями [6], полагаем, что высшей надзорной инстанцией могла бы быть обобщена вся практика рассмотрения дел с иностранными правообладателями, покинувшими российский рынок.

Также следует отметить, что в ближайшее время Верховному суду Российской Федерации предстоит рассмотреть вопрос о том, должен ли российский дистрибьютор иностранной IT-компании компенсировать своему отечественному контрагенту-посреднику последствия ухода иностранных компаний с российского рынка. Заседание назначено на 26 ноября 2025 года [10].

Вероятно, в будущем при сохранении динамики цифровизации и дальнейшем развитии информационных технологий, платформенных решений, а также исходя из заявляемых иностранными компаниями в суде доводов, можно рассмотреть вопрос о необходимости:

- специальной легализации отдельных категорий указанных правоотношений;
- рамочного законодательного закрепления ключевых особенностей цепочек продаж технической продукции (правовом регулировании цифровой дистрибуции);
- разработки какой-либо специальной дефиниции для, например, реализуемых сертификатов сервисной поддержки (сервисных контрактов) в новых цифровых условиях.

Литература:

1. Что изменилось спустя год после ухода западных вендоров ПО на рынке информационных технологий — Текст: электронный // Agora: [сайт]. — URL: <https://www.agora.ru/blog/cto-izmenilos-spustya-god-posle-ukhoda-zapadnykh-vendorov-po-na-rynke-informatsionnykh-tehnologiy/> (дата обращения: 23.10.2025).
2. Уход зарубежных ИТ-вендоров: последствия для российского бизнеса и поиск решений. — Текст: электронный // Astra Cloud: [сайт]. — URL: <https://astracloud.ru/articles/uhod-zarubezhnyh-it-vendorov-posledstviya-dlya-rossijskogo-biznesa-i-poisk-reshenij> (дата обращения: 23.10.2025).
3. Родионова, Е. Уход иностранных ИТ-вендоров оставил больше 50 % российских компаний без техподдержки / Е. Родионова. — Текст: электронный // Forbes: [сайт]. — URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/479623-uhod-inostrannyh-it-vendorov-ostavil-bol-se-50-rossijskoj-kompanij-bez-tehpodderzki> (дата обращения: 23.10.2025).
4. Нозикова, Е. Без программ и обновлений: споры из-за ухода вендоров / Е. Нозикова. — Текст: электронный // Право.ru: [сайт]. — URL: <https://pravo.ru/story/249344/> (дата обращения: 23.10.2025).
5. Сыслова, Ю. Дистрибьюторский договор / Ю. Сыслова. — Текст: электронный // Время бухгалтера: [сайт]. — URL: <https://www.v2b.ru/articles/distributorskiy-dogovor/> (дата обращения: 23.10.2025).
6. Канашевский, В. А. Судебные споры о прекращении технической поддержки программного обеспечения иностранными правообладателями / В. А. Канашевский. — Текст: непосредственный // Журнал российского права. — 2024. — Т. 28. № 12. — С. 76–87.
7. Анисимова, Н. Cisco решила уйти из России и Белоруссии / Н. Анисимова. — Текст: электронный // РБК: [сайт]. — URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/23/06/2022/62b473de9a79473038491339 (дата обращения: 23.10.2025).
8. Электронное правосудие. — Текст: электронный // КАД Арбитр: [сайт]. — URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 23.10.2025).
9. Постановление 9-го ААС № 09АП-48187/2024 по делу № А40-290187/23 от 09.09.2024. — Текст: электронный // КАД Арбитр: [сайт]. — URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/8a0580f0-e9a8-441d-b50a-1ea11a60633c/d37efa40-19b9-4d53-92b5-456fcf4f8664/A40-290187-2023_20240909_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 23.10.2025).
10. ВС РФ определит ответственных за прекращение ИТ-поддержки российских пользователей из-за рубежа. — Текст: электронный // Интерфакс: [сайт]. — URL: <https://www.interfax.ru/russia/1055360> (дата обращения: 23.10.2025).

Множественность преступлений: теория и практика. Проблемы квалификации при множественности преступлений и её принципиальное отличие от продолжаемого преступления

Егоров Михаил Валерьевич, студент магистратуры
Владивостокский государственный университет

В настоящей статье рассматриваются проблемы, возникающие при практической деятельности судебной и правоохранительной системы при разграничении таких важных понятий правовой действительности как множественность преступлений и продолжаемое преступление. Данная работа посвящена выявлению основного аспекта их различий.

Ключевые слова: множественность преступлений, деящиеся преступления, разграничение.

Multiple offenses: theory and practice. Problems of classification in multiple offenses and its fundamental difference from a continuous offense

This article examines the problems that arise in the practical activities of the judicial and law enforcement systems when distinguishing between such important concepts of legal reality as multiple crimes and continuing crimes. The work is dedicated to identifying the main aspect of their differences.

Keywords: multiple crimes, continuing crimes, distinction.

Автор настоящей статьи желает обратить внимание читателя на практические проблемы, возникающие при квалификации ряда составов преступлений, которые могут содержать в себе как множественность преступлений, так и нескольких противоправных действий (бездействий) совершенных одним лицом, но являются лишь единичным преступлением.

В настоящей статье исследуется вопрос о проблемах разграничения указанных выше явлениях правовой действительности в практической деятельности судебной системы Российской Федерации в аспекте толкования норм права.

Актуальность данной проблемы заключается, в её сложности практического применения.

Так, уголовным законодательством Российской Федерации, не дано определения множественности преступлений. Данное определение разработано теорией уголовного права Российской Федерации.

В частности, под множественностью преступлений понимается, как совершение одним лицом нескольких самостоятельных однородных, либо разнородных преступлений, по которым не истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности, по которым не погашена или не снята судимость. [7].

Или же, множественность преступлений — это совершенные одним лицом несколько преступных деяний (оконченных или не оконченных, совершенных единолично или в соучастии), сочетание которых предусмотрено уголовным законом в качестве основания для назначения более строгого или совокупного наказания, при условии, что хотя бы два преступления сохраняют свои уголовно-правовые последствия [5].

В соответствии с законодательством Российской Федерации, множественность преступлений разделяется

на два отдельных вида, таких как совокупность преступлений и рецидив преступлений [1].

Принципиальное отличие, разграничивающие два указанных выше понятия заключается в состоявшемся факте вынесения судом обвинительного приговора, вступившего в законную силу.

Так, из положений ч. 1 ст. 17 УК РФ, под совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых, лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. При совокупности преступлений лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное преступление по соответствующей статье или части статьи УК РФ [1].

Так же, в соответствии с ч. 2 ст. 17 УК РФ, совокупность преступлений признается и одно действие (бездействие), содержащего признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями УК РФ [1]. В данном случае речь идет об идеальной совокупности преступлений.

Рецидивом же преступлений, согласно определению, данному в ч. 1 ст. 18 УК РФ, признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление [1].

То есть, при разграничении совокупности преступлений от рецидива преступлений, ключевым обстоятельством является факт совершения преступления лицом, которое, на момент совершения преступления, имеет не погашенную или не снятую судимость за другое, ранее совершенное им преступление.

Однако, автор настоящей статьи желает обратить внимание читателя, на обстоятельство, позволяющее выявить

принципиальное отличие реальной совокупности преступлений от единичного сложного продолжаемого преступления.

Так в практической деятельности судебной и правоохранительной системы Российской Федерации, выявляются обстоятельства, когда лицо, совершает несколько преступных действий (бездействий), каждое из которых содержит в себе признаки отдельного состава преступлений, подпадающих под определение, содержащееся в диспозиции нормы уголовного закона.

Из положений ч. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях», следует, что продолжаемым является преступление, состоящее из двух или более тождественных деяний, охватываемых единым умыслом. При этом продолжаемое преступление может быть образовано как деяниями, каждое из которых в отдельности содержит все признаки состава преступления (в частности, при получении или даче взятки в несколько приемов, легализации имущества добытого преступным путем, посредством нескольких финансовых операций или сделок с таким имуществом), так и деяниями, каждое или часть из которых не содержат всех признаков состав преступления, но и в своей совокупности составляет одно преступление (например, при хищении путем кражи, мошенничества, присвоении или растраты с противоправным изъятием чужого имущества по частям, когда отдельные деяния с учетом стоимости похищенного имущества не являются уголовно наказуемыми) [4].

О единстве умысла виновного в указанных случаях могут свидетельствовать, в частности такие обстоятельства, как совершение тождественных деяний с незначительным разрывом во времени, аналогичным способом, в отношении одного и того же объекта преступного посягательства и (или) предмета преступления, направленность деяний на достижение общей цели [4].

В описанном выше примере, основным, принципиальным обстоятельством, позволяющим разграничить совокупность преступлений от единичного сложного продолжаемого преступления, является установление направленности умысла лица, совершившего преступление.

Так же, согласно ч. 16 Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», от совокупности преступлений следует отличать продолжаемое хищение, состоящее из ряда тождественных преступных действий, совершаемых путем изъятия чужого имущества из одного и того же источника, объединённых единым умыслом и составляющих в своей совокупности единое преступление [2].

В данном примере, также основным аспектом, позволяющим разграничить множественность преступлений от единичного сложного продолжаемого преступления является не только направленность умысла лица, совершившего преступление, но также акцентируется вни-

мание на один и тот же источник, в данном случае, место преступления или предмет преступления.

Исследуя вышеуказанные явление правовой действительности, следует сделать вывод о том, что разграничение факта совершения лицом единичного сложного продолжаемого преступления от множественности преступления, имеет важное значение, так как данное обстоятельство имеет значение на назначение судом виновному лицу вида и размера наказания, а также иные, связанные с этим обстоятельством правовые последствия.

Так, лицо, совершившее одно преступление, предусмотренное одной нормой диспозиции особенной части статьи Уголовного Кодекса Российской Федерации, несет ответственность в рамках, предусмотренной соответствующей санкцией этой статьи, тогда как лицо, совершившее несколько преступлений, то есть при множественности преступлений, несет более строгое наказание.

Юридическое значение множественности преступлений состоит в том, что она по общему правилу является обстоятельством, ужесточающим окончательное наказание (ст. 68, 69 УК РФ) [5], в соответствии с положениями ч. 51–53 Постановления пленума Верховного суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [3].

Соответственно, можно сделать вывод, что множественность преступлений — это совершенные одним лицом несколько преступных деяний (оконченных или не оконченных, совершенных единолично или в соучастии), сочетание которых предусмотрено уголовным законом в качестве основания для назначения более строгого или совокупного наказания, при условии, что хотя бы два преступления сохраняют свои уголовно-правовые последствия [5].

Путем анализа изложенных выше источников, следует сделать вывод, что в каждом из них речь идет о множественности преступлений в виде реальной совокупности преступлений, так как лица, привлекаемые к уголовной ответственности, ранее на момент совершения преступления не были осуждены ни по одному из указанных в них преступлениях, каждые из указанных преступлений совершены в разное время и месте.

– В ходе сбора и изучения судебной статистики за период 2020–2023 гг., полученные на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ // Данные судебной статистики: [сайт]. — URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 14.03.2024), установлено следующее:

– за 2020 год всего осуждено лиц 530 998, из них при рецидиве 88 144, при опасном рецидиве 11 870, при особо опасном рецидиве 4 668;

– за 2021 год всего осуждено лиц 565 523, из них при рецидиве 86 669, при опасном рецидиве 12 810, при особо опасном рецидиве 4 668;

– за 2022 год всего осуждено лиц 578 751, из них при рецидиве 85 636, при опасном рецидиве 12 738, при особо опасном рецидиве 5 317;

– за 2023 год всего осуждено лиц 555 743, из них при рецидиве 82 018, при опасном рецидиве 12 737, при особо опасном рецидиве 5 136.

Анализ полученных сведений позволяет сделать вывод о том, что при снижении общего количества лиц, осужденных за совершение преступлений в 2023 году по сравнению с 2022 годом, остается довольно высокий процент преступлений совершенных при особо опасном ре-

цидиве, что свидетельствует не только о количественной характеристике степени общественной безопасности совершенных преступлений, но и о ее качественной характеристике, так как преступления, совершенные при особо опасном рецидиве являются наиболее общественно опасными и данное обстоятельство негативно сказывается на общей криминогенной обстановке в государстве в целом [6].

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // СПС «Консультант-Плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 31.10.2025).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N 29 ФЗ (ред. от 15.12.2022) // СПС «Консультант-Плюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/ (дата обращения 31.10.2025).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 (ред. от 18.12.2018) «О практики назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/ (дата обращения 31.10.2025).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 N 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях» // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_46554/ (дата обращения 31.10.2025).
5. Скачков Н. С. Множественность преступлений и ее правовое значение // cyberleninka.ru — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnozhestvennost-prestupleniy-i-ee-pravovoe-znachenie> (дата обращения 15.03.2024).
6. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2021 год Судебного департамента при Верховном Суде РФ // Данные судебной статистики: [сайт]. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121> (дата обращения: 14.03.2024).
7. Учебник Следственного комитета // URL: <https://pz.18bratsk.ru/wp-content/uploads/2020/09/Lecia-2-1.pdf> (дата обращения 31.10.2025).

К вопросу о защите личных данных и приватности при использовании беспилотных летательных аппаратов

Ермошин Андрей Андреевич, студент магистратуры
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

Вопросы защиты личных данных и приватности при использовании беспилотных летательных аппаратов в настоящее время фактически не решены в рамках действующего законодательства. Не в полной мере проработаны и вопросы ответственности за нарушение законодательства о защите личных данных и приватности при использовании беспилотных летательных аппаратов.

Ключевые слова: беспилотные летательные аппараты, личные данные, ответственность, приватность.

В настоящее время распространение применения беспилотных летательных аппаратов, несмотря на все вводимые государством ограничения, идёт стремительными темпами. Легальное использование БЛА в настоящее время активно происходит в сфере доставки, мониторинга противопожарного состояния лесов, для ухода за посевами, пресечения незаконных вырубок лесов.

Значение использования БЛА в сфере архитектуры и строительства также сложно недооценить — они помогают создавать точнейшие карты и 3D-модели зданий. Постоянно появляются и новые сферы их применения —

к примеру, в последние годы их стали использовать при мониторинге дорожной обстановки, при обследовании энергетических объектов (линий электропередач), промышленного оборудования, расположенного в труднодоступных районах. Очевидно, что возможное использование БЛА будет развиваться и далее и будет значительно шире современных форм.

При этом правовое регулирование использования БЛА развивается по «догоняющему» принципу, — то есть тогда, когда новые технологии сначала изменяют общественные отношения, а затем уже принимаются пра-

новые нормы, направленные на регулирование этих отношений. Можно с полным основанием утверждать, что это не только проблема отечественного законодателя, но и общемировая тенденция: технологии опережают правовое регулирование. Однако решение накапливающихся проблем всё же необходимо, иначе развитие применения БЛА может пойти по весьма «негативному» сценарию.

В регулировании эксплуатации БЛА в настоящее время есть ряд очевидных проблем, которые могут привести к негативным последствиям. Это:

- нарушение приватности при использовании беспилотных летательных аппаратов (видео- и фотосъёмка лиц без их разрешения);
- опасность их столкновения с самолетом, вертолетом или другим БЛА;
- причинение вреда человеку (или имуществу) путем столкновения;
- транспортировка запрещенных веществ и контрабанда.
- шпионаж за военными или секретными охраняемыми объектами;
- получение личных данных с целью их распространения.

Негативные последствия от указанных проблем могут возникнуть как случайно (просто во время эксплуатации без ярко выраженных противоправных целей), так и быть следствием намеренных действий. Часть этих проблем решается законодателем в рамках ответственности за нарушение «Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации». [4]. Действующим российским законодательством за эти деяния предусмотрена уголовная и административная ответственность. Однако нормы об ответственности за нарушение законодательства о защите личных данных при использовании беспилотных летательных аппаратов в настоящее время не вполне достаточны, особенно в современной ситуации, когда становятся очевидными проблемы, связанные со сложностями защиты личных данных при использовании БЛА. В связи с этим встаёт вопрос о применении законодательства о защите личных данных при использовании беспилотных летательных аппаратов (БЛА) и об ответственности за эти нарушения.

Законодательство о защите персональных данных регулируется на международном и национальном уровне. На международном уровне такое законодательство регулируется рядом договоров и соглашений, а также документами международных организаций. Например, Всеобщая декларация прав человека 1948 года [1] устанавливает право каждого человека на защиту от произвольного вмешательства в его личную и семейную жизнь. Такие права закреплены и в ряде других международных документов и повторяются в национальном законодательстве.

В рамках Европейского союза действует Общий регламент по защите данных (GDPR) [8]. Он устанавливает строгие правила обработки персональных данных, включая требования к согласию субъекта данных, обес-

печению безопасности и уведомлению об утечках. При этом, хотя GDPR и не содержит специальных норм в отношении БЛА, его положения применимы к любым операциям с персональными данными, осуществляемым с помощью дронов. Тем не менее, практика его применения в этом контексте еще только формируется.

В России вопросы обработки персональных данных регулируются Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [3]. Согласно ст. 24 этого Закона, лица, виновные в нарушении требований настоящего Федерального закона, несут предусмотренную законодательством Российской Федерации ответственность (п. 1). Эта ответственность предусмотрена уголовным законом и законодательством об административных правонарушениях.

Уголовным кодексом РФ предусмотрена уголовная ответственность за «Нарушение неприкосновенности частной жизни» [6]. Состав данной статьи не содержит специальных норм о нарушении неприкосновенности частной жизни с помощью беспилотных летательных аппаратов. Административная ответственность предусмотрена статьей 13.14 КоАП РФ за «Разглашение информации, составляющей государственную или коммерческую тайну» [2].

Однако данные составы преступлений и правонарушений в настоящее время не в полной мере решают вопросы ответственности за нарушения приватности при использовании БЛА и за нарушения в области защиты личных данных. Между тем, использование БЛА уже сейчас может привести (и уже приводит) к нарушению приватности. С помощью БЛА может производиться незаконная съёмка жилищ, они могут использоваться как средство для скрытого наблюдения за гражданами. БЛА могут использоваться для получения личных данных, для наблюдения за людьми без их согласия. Уже известны случаи проникновения БЛА в частные владения публичных и известных лиц, с публикацией информации в социальных сетях, что приводит к разглашению личной информации, семейных тайн и пр. Невольными «жертвами» нарушений в сфере защиты личных данных и приватности зачастую становятся и обычные люди, чья частная жизнь становится достоянием общественности. Также БЛА могут использоваться (и уже активно используются) для промышленного шпионажа. Между тем, судебные дела, в которых рассматриваются вопросы ответственности за нарушение приватности с использованием БЛА, фактически отсутствуют.

Привлечение к ответственности за эти деяния в настоящее время затруднено такими проблемами и обстоятельствами, как:

- вопросы доказывания факта нарушения. Для того чтобы доказать нарушение личной жизни БПЛА, в ряде случаев необходимо предоставление самого БПЛА (оснащённого фото- и видеоаппаратурой) в распоряжение правоохранительных органов для обследования, экспертизы и прочего.

При этом БПЛА — это частная собственность, и его повреждение, уничтожение либо изъятие — само по себе пра-

вонарушение. Кроме того, видео- или фотофиксация людей дроном само по себе нарушением не является — они могут стать объектом съёмки случайно, а владелец дрона может доказывать, что цели нарушения частной жизни у него не было. Тем самым, каждый случай необходимо будет рассматриваться компетентными органами отдельно, и не факт, что нарушение будет зафиксировано и доказано;

— неясность в вопросе о том, кого привлекать к ответственности в случае нарушения беспилотниками приватности из-за сбоя в программном обеспечении. В связи с этим некоторыми учёными (М. С. Фокин, Н. С. Рязанов) предлагается «установить административную и уголовную ответственность для лиц, разрабатывающих ненадлежащее программное обеспечение для беспилотников либо нарушающих технологию его установки и обслуживания» [7, с. 105]. Со своей стороны мы согласны с этим предложением. Впрочем, всё также непонятно, кого именно привлекать к ответственности — разработчика «софта» или же юридическое лицо, по заказу которого и разработано вредоносное ПО;

— сложности в определении конкретного виновного. Связана эта проблема со множественностью субъектов, принимающих участие в создании и обслуживании беспилотников, а также в создании и обслуживании их программного обеспечения. В ряде случаев рядовые исполнители, выполняющие задания руководства, могут быть вообще не в курсе о противоправных целях своих действий.

По всей вероятности, защита личных данных и приватности при использовании беспилотных летательных аппаратов должна развиваться не только в сферах уголовной или административной ответственности, но и в сфере гражданско-правовой ответственности.

Специалисты (Д. А. Полетыкин) считают, что необходимо принять «нормы, устанавливающие гражданско-правовую ответственность субъектов, владеющих, пользующихся БЛА, при причинении ими вреда жизни, здоровью или имуществу человека либо имуществу юридического лица. Особой разработки требуют правила о возмещении вреда, причиненного при выполнении полета автономным беспилотным летательным аппаратом» [5, с. 150].

Считаем эти предложения очень актуальными и своевременными. Впрочем, конкретных форм реализации данных идей авторы не предлагают. Мы, со своей стороны, для минимизации возможностей для нарушения действующего законодательства, считаем возможным подвергнуть учету любые беспилотные летательные аппараты весом от 150 граммов, а о планируемом полёте, его месте и времени уведомлять соответствующие органы (возможно в уведомительном порядке с помощью портала «Госуслуги» либо посредством МФЦ).

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948. — Текст: непосредственный // Российская газета. — 05.04.1995. — № 67.

В качестве превентивных мер, направленных на недопущение нарушения законодательства, также считаем необходимым чётко определить круг лиц, которым разрешено управлять БЛА. Представляется необходимым исключить управление БЛА несовершеннолетними в возрасте до 16 лет, а также лицами в состоянии алкогольного, наркотического или психотропного опьянения.

Также можно создать обязательные к прохождению образовательные курсы с лицензированием соответствующих организаций или индивидуальных предпринимателей и выдачей специального удостоверения о разрешении управления БЛА. Также необходимы дополнительные меры, направленные на идентификацию пользователей дронов, такие как обязательная регистрация БЛА и установка на них средств идентификации. Подобные меры в настоящее время принимаются в связи с использованием средств индивидуальной мобильности. Практика их применения свидетельствует о том, что количество нарушений в этой сфере (включая причинение вреда гражданам) существенно снизилось. Также необходимо установить ответственность за незаконную передачу БЛА лицам, не имеющим права их использования.

В качестве конкретных шагов считаем возможным дополнение ст. 13.14 Кодекса РФ об административных правонарушениях «Разглашение информации с ограниченным доступом» частью 2. Предлагается следующая редакция:

«2. Разглашение информации, доступ к которой ограничен федеральным законом (за исключением случаев, если разглашение такой информации влечет уголовную ответственность), полученной с использованием беспилотных авиационных систем, за исключением случаев, предусмотренных частью 1 статьи 14.33 и статьёй 17.13 настоящего Кодекса, — влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей; на должностных лиц — от двухсот тысяч до трехсот пятидесяти тысяч рублей и/или дисквалификацию на срок до трех лет; на юридических лиц — от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей».

Абзац первый данной статьи в настоящей редакции предлагается считать частью 1.

Завершая статью, подытожим, что меры по защите персональных данных и приватности при использовании беспилотных летательных аппаратов в настоящее время необходимо законодательно закреплять. В качестве практического предложения нами обоснованы изменения в ст. 13.14 КоАП РФ. Однако возможные меры этим не ограничиваются. Необходимо привлечение к этой теме самых разных специалистов — как юристов, так и представителей промышленности, инженеров, специалистов по интеллектуальной собственности, а также широкая общественная дискуссия.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.06.2025). — Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. — 07.01.2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
3. О персональных данных. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 28.02.2025). — Текст: непосредственный // Собрание Законодательства РФ. — 31 июля 2006 г. — N 31 (часть I). — Ст. 3451.
4. Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации. Постановление Правительства РФ от 11.03.2010 N 138 (ред. от 29.03.2024). — Текст: электронный // СПС Консультант Плюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98957/ (дата обращения: 26.06.2025).
5. Полетыкин, Д. А. Правовое регулирование использования беспилотных летательных аппаратов в Российской Федерации: текущее состояние и перспективы развития / Д. А. Полетыкин. — Текст: непосредственный // Юридическая наука. — 2023. — № 9. — С. 143–153.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.01.2025). — Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — № 25. — Ст. 2954.
7. Фокин, М. С. Актуальные проблемы уголовно-правовой регламентации противоправного использования беспилотных мобильных средств / М. С. Фокин, Н. С. Рязанов. — Текст: непосредственный // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 1(86). — С. 103–110.
8. General Data Protection Regulation от 28 мая 2018 года. — Текст: электронный // Ogdpr.eu: [сайт]. — URL: <https://ogdpr.eu/ru> (дата обращения: 26.06.2025).

Управление хозяйственными обществами

Ефименко Дарья Сергеевна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В данной статье рассматриваются вопросы правовой организации управления в хозяйственных обществах, а также правовой статус контролирующих органов хозяйственных обществ. Обосновывается необходимость принятия Федерального закона «О хозяйственных обществах».

Исследована отечественная система органов управления хозяйственными обществами с позиции принципа разделения полномочий на контрольные и исполнительные. Рассмотрены вопросы управления и приоритета интересов участников хозяйственных обществ.

Ключевые слова: хозяйственное общество, модель управления АО, контроль финансово-хозяйственной деятельности, гражданское право, предпринимательское право.

Введение

Хозяйственные общества, как разновидность организаций, являются самыми распространенными и востребованными субъектами права, участвующими в экономической жизни государства в качестве самостоятельной хозяйствующей единицы. Такая востребованность в хозяйственных обществах обусловлена двумя причинами: коммерческой целью деятельности, направленной на извлечение прибыли (дохода) от результатов деятельности, и спецификой организации управления хозяйствующим обществом, заключающейся в коллективном, то есть корпоративном (совместном) управлении деятельностью хозяйственного общества. Данные особенности хозяйствующих обществ позволяют его участникам самостоятельно определять цели и задачи деятельности общества, размеры финансовых вложений и систему управления хозяйственным обществом [2, с. 15].

Обозначенные характерные черты хозяйственных обществ отличают их от других видов хозяйствующих субъ-

ектов свободой выбора целей деятельности, свободой принятия решений по изменению целевой деятельности, а также широкими возможностями финансового оборота, чему способствует оперативность в принятии решений в современных условиях ведения бизнеса — условиях цифровизации всех бизнес-процессов и широкой интеграции различных сфер экономики и общественно-социальной жизни.

Правовое положение и понятие хозяйственных обществ дано в п. 1 ст. 66 ГК РФ, определяющей, что хозяйственными товариществами и обществами признаются корпоративные коммерческие организации с разделенным на доли (вклады) учредителей (участников) уставным (складочным) капиталом [1]. Имущество, созданное за счет вкладов учредителей (участников), а также произведенное и приобретенное хозяйственным товариществом или обществом в процессе деятельности, принадлежит на праве собственности хозяйственному товариществу или обществу.

Управление хозяйственным обществом должно осуществляться в соответствии со ст. 67.1 ГК РФ [1]. Указанная

статья регламентирует особенности контроля деятельности и принятия важных решений, касающихся распределения прибыли, проведения аудита, изменения размера уставного капитала и некоторых других аспектов, касающихся функционирования товарищества.

Объем правомочий участников хозяйственного общества определяется пропорционально их долям в уставном капитале общества. Иной объем правомочий участников непубличного хозяйственного общества может быть предусмотрен уставом общества, а также корпоративным договором при условии внесения сведений о наличии такого договора и о предусмотренном им объеме правомочий участников общества в единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ).

Поскольку предметом рассмотрения являются хозяйственные общества, то, отталкиваясь от легального определения хозяйственного общества, следует выделить ряд существенных и характерных признаков, свойственных только хозяйственным обществам, в частности:

- признак корпоративности;
- признак имущественной обособленности за счет вкладов, вносимых учредителями (участниками);
- разделение уставного (складочного) капитала на доли (вклады) его учредителей (участников);
- нахождение всех имущественных активов хозяйственных обществ, включая вклады учредителей (участников), в непосредственной собственности хозяйственных обществ, а не его учредителей;
- соразмерность объема прав и обязанностей участников хозяйственных обществ их вкладу в уставный капитал, если иное не предусмотрено уставом или корпоративным договором участников хозяйственных обществ. В последнем случае речь идет только о непубличных хозяйственных обществах (обществах с ограниченной ответственностью или непубличных акционерных обществах) [2, с. 16].

Правовое регулирование деятельности хозяйственных обществ осуществляется системой источников права, которую условно можно разделить на две группы источников права, где в первую группу входят нормы права, определяющие общий порядок регулирования деятельности хозяйственных обществ, а во вторую группу входят нормы права, устанавливающие специальные положения для некоторых видов хозяйственных обществ.

С точки зрения налогового статуса, хозяйственное товарищество может существовать в виде АО или ООО. В учредительных документах организации можно указать, что от имени юридического лица вправе выступать несколько лиц. При этом они могут представлять интересы общества по отдельности или совместно.

Деятельность предприятия должна быть направлена на получение прибыли, и каждый участник обязан действовать в соответствии с интересами юридического лица. Для проверки того, как функционирует юридическое лицо и не нарушает ли оно закон, регулярно проводится внешний и внутренний аудит.

Основной орган управления хозяйственным товариществом — собрание участников. Деятельность юридических лиц этого типа регулируется корпоративным договором. Это документ подписывается всеми участниками товарищества и гарантирует, что в процессе деятельности их права будут соблюдаться.

На настоящий момент Закон об ООО и Закон об АО предоставляют участникам (акционерам) широкие возможности по формированию структуры управления хозяйственным обществом. Однако излишняя свобода в конструировании юридических лиц вряд ли целесообразна. Для разграничения компетенции органов управления необходимо четкое описание в законе структуры хозяйственного общества.

Управление в хозяйственных обществах представляет собой сложный процесс, регулируемый нормами гражданского и корпоративного права. Основной задачей управления является обеспечение эффективного функционирования общества и защита интересов его участников. В зависимости от организационно-правовой формы (например, акционерное общество или общество с ограниченной ответственностью) различаются и механизмы управления.

Российская модель управления является смешанной: у нее имеется сходство и с европейской, и с американской системами. По мнению О. А. Макаровой, в основе отечественной системы корпоративного управления законодателем положены два принципа: принцип разделения наблюдательных и распорядительных функций (дуалистический принцип) и принцип свободы образования исполнительного органа общества [4, с. 119]. Представляется, что первый принцип законодатель не сумел раскрыть в полной мере. Упоминание такого органа, как наблюдательный совет, в статьях Закона об АО, посвященных деятельности совета директоров, не позволяет говорить о полноценном заимствовании европейского принципа разделения полномочий на контрольные и исполнительные. Статус наблюдательного совета как органа контроля действующим законодательством не определен. [3, с. 114].

В хозяйственном товариществе может быть несколько управляющих органов. Собрание — основной и обязательный. Оно проводится в сроки, прописанные в учредительной документации, или вне плана, когда требуется срочно решить какие-то проблемы.

Право присутствовать на собрании, так же, как и отсутствовать, есть у всех участников. Принятие решений осуществляется с помощью голосования. Решение считается принятым, если за него проголосовали большинством голосов. Право отдать свой голос «за» или «против» есть у всех участников. У вкладчиков такого права нет.

Кроме руководящего органа, товарищество вправе сформировать совет директоров. Эта структура выполняет функции наблюдательного органа [5, с. 79].

Управляющий орган уполномочен решать следующие вопросы:

- распределение прибыли;

- принятие бухгалтерской отчетности;
- решения по поводу убытков;
- изменение уставного капитала;
- реорганизация, ликвидация товарищества.

Совет директоров не вправе решать вопросы, которые относятся к компетенции собрания. В некоторых ситуациях, когда требуется проверить работу юридического лица, проводят внешний аудит. Если нужно провести внеочередное собрание, это решение принимает наблюдательный орган.

Таким образом, ключевыми органами управления являются общее собрание участников, совет директоров и исполнительные органы. Общее собрание принимает

важнейшие решения, включая изменения в уставе и распределение прибыли. Совет директоров осуществляет стратегическое руководство, тогда как исполнительные органы занимаются текущей деятельностью.

Значительным является вопрос о балансе полномочий и ответственности органов управления. Необходимость соблюдения принципов прозрачности и подотчетности становится особенно актуальной в условиях глобализации и усиления корпоративного контроля. Эффективное управление в хозяйственных обществах требует не только правового регулирования, но и внедрения лучших практик корпоративного управления, что способствует устойчивому развитию бизнеса.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 03.01.2006) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994 — № 32 — ст. 3301.
2. Абрамов, В. Ю. Корпоративное право: права и обязанности участников хозяйственных обществ: практическое пособие с судебным комментарием / В. Ю. Абрамов, Ю. В. Абрамов. — М.: Юстицинформ, 2021. — 356 с.
3. Гинько, С. А. Правовая организация управления в хозяйственных обществах / С. А. Гинько // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — № 2(283), 2019 — С. 114–124
4. Макарова, О. А. Корпоративное право: учебник и практикум для вузов / О. А. Макарова, В. Ф. Попондопуло. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 492 с.
5. Россоха, Е. В. Управление стоимостью предприятия в контексте экономической безопасности страны / Е. В. Россоха, Д. И. Корсунский, А. М. Французова // Труды БГТУ. Сер. 5, Экономика и управление. — 2022. — № 2 (262). — С. 79–85.

Законодательные основы психологической деятельности в Российской Федерации

Ильтуганова Альбина Хамзовна, студент
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

В статье автор исследует законодательные основы в психологической деятельности для защиты населения и улучшения психологических услуг.

Ключевые слова: психологическая услуга, псевдопсихолог, образование, лицензирование, безопасность.

Согласно результатам последних исследований, проведенных ВЦИОМ, индекс потребности в психологической помощи в конце 2024 г. составил 30 пунктов из 100 возможных, это в 1,3 раза больше показателя 2022 г. [1] Это подтверждает рост потребности населения России в психологических услугах.

Несмотря на то, что психологическая деятельность является относительно молодой сферой услуг в России, достаточное количество некомпетентных псевдопсихологов смогли занизить ее значение. Это псевдоспециалисты, которые под видом психологических услуг могут предоставлять программы, тренинги, основанные на личном опыте, интуитивных идеях, личностно-ошибочных суждениях, ненаучных методах и подходах. Данные представители в виду своей некомпетентности могут ввести в заблуждение,

в зависимости (например, от тренингов), оказать серьезный вред физическому и ментальному здоровью человека. А также встреча с ними приведет к потере денежных средств и времени.

Цель исследования: изучить законодательные основы в психологической деятельности в реалиях Российской Федерации.

20 января 2025 года в целях защиты населения России, в частности, от такого рода псевдоспециалистов был разработан и внесен на рассмотрение Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации в качестве законодательной инициативы проект федерального закона «Об основах регулирования психологической деятельности в Российской Федерации». [2]

Согласно законопроекту:

ст.2 п.2 «Психологическая помощь — это комплекс мероприятий, направленных на поддержание психологического благополучия граждан Российской Федерации, предоставляемых психологами бесплатно отдельным категориям граждан»;

ст.2 п.4 «Платная психологическая услуга — комплекс мероприятий, направленных на поддержание психологического благополучия граждан, предоставляемых физическому или юридическому лицу, с которым заключен договор на предоставление платных психологических услуг психологом (психологической организацией)».

Некорректное разделение на «психологическую помощь» и «платная психологическая услуга». Психологическая помощь — это та же услуга, но обеспеченна государством. Единственное разделение — это на возмездной или безвозмездной основе по отношению к гражданину РФ с использованием единой формулировки «психологическая услуга»

Статья 11 данного законопроекта гласит, что психологическую деятельность можно осуществлять при наличии профильного высшего образования, дополнительного профильного образования по программе профессиональной переподготовки по соответствующему профилю деятельности, имеющим высшее (непрофильное) образование, не имеют права лица с ограниченной дееспособностью или недееспособные, имевшие судимость и находящиеся под следствием, состоящие на учете в наркологическом или психоневрологическом диспансере. Но при поиске психолога на платформах электронного формата или в очном формате невозможно удостовериться, что ты открываешь свои душевные тайны и прорабатываешь свои проблемы с психологом, который соответствует данным аспектам. Следовательно, должна быть организована платформа, в которой можно ввести данные специалиста и увидеть с кем получатель психологических услуг может сотрудничать.

Согласно ст.11 п.8 законопроекта «Осуществлять частную практику психолог имеет право при наличии трудового стажа не менее трех лет по профилю деятельности». В этом случае не учитываются интересы действующих психологов, работающих как самозанятые. Данные специалисты не производят социальных отчислений в Социальный фонд России, и по умолчанию стаж таких граждан не учитывается (если они не делают этого самостоятельно). Что противоречит логике: практика есть — стажа нет. Практика может быть подтверждена, выданными чеками в системе «Мой налог».

Литература:

1. Абрамов К. В. Новости: Индекс потребности россиян в психологической поддержке [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. -10.02.2025 — Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-potrebnosti-rossijan-v-psikhologicheskoi-podderzhke>
2. № 846497–8 Законопроект: Система обеспечения законодательной деятельности «Об основах регулирования психологической деятельности в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // 20.01.2025 — Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/846497-8>

Согласно ст.13 п.11 законопроекта «Платная психологическая услуга предоставляется психологом или психологической организацией на основании договора с получателем платных психологических услуг или его законным представителем, заключаемого в любой доступной форме в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации и настоящим Федеральным законом». В случае анонимности (людям старшего возраста и молодежи данная функция важна), договор нарушает права граждан и лишает возможности предоставления психологических услуг.

Данный законопроект среди психологов-практиков вызвал бурное обсуждение и некоторое несогласие. Появилась петиция об изменении текста закона. Автором указана психолог из Казани Анастасия Михайловна Смирнова [3].

Комитет Государственной Думы по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений рассмотрел законопроект и рекомендовал его к отклонению в июле 2025 г. [4]. К причинам можем отнести: отсутствие объективных показателей оценки эффективности работы специалистов, неопределенность критериев доказательности методов психологического вмешательства, сложности в правоприменительной практике. Требования к квалификации специалистов остаются прежние.

Правительство обратило внимание на сферу деятельности психологов — это положительный факт. Недовольства со стороны профессионального сообщества были приняты. Законопроект требует доработки и применения действенных инструментов для решения практических задач в представленной области.

Согласно результатам проведенного исследования в целях защиты населения и улучшения предоставляемых психологических услуг необходимо:

- 1) определить единое понятие «психологическая услуга», которая может оказываться на возмездной или безвозмездной основе;
- 2) ввести критерии к образованию психолога: обязательное высшее образование по профилю (бакалавриат, магистратура);
- 3) психологические услуги должны предоставляться только лицензированными специалистами;
- 4) разработать и установить критерии эффективности и безопасности психологических услуг;
- 5) создание государственными органами системы контроля, определение приемлемых методов и практик в деятельности психолога или психологической службы;
- 6) создание единой платформы лицензированных психологов.

3. Смирнова А. М. Критический анализ законопроекта «Об основах психологической деятельности в РФ» [Электронный ресурс] // 18.02.2025 — Режим доступа: <https://psy.su/feed/12874/>
4. Законопроект о психологической помощи отклонили в Госдуме [Электронный ресурс] // 05.08.2025 — Режим доступа: <https://niidpo.ru/blog/zakonoproekt-o-psiologicheskoy-pomoshi-otklonili-v-gosdume?ysclid=mhdagf2m1z600865951>

Актуальные проблемы и пути их решения в области пенсионного обеспечения граждан, пострадавших от радиационных и техногенных катастроф

Канайкина Татьяна Сергеевна, студент

Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске

В статье автор анализирует актуальные проблемы в области пенсионного обеспечения граждан, подвергшихся радиационным и техногенным катастрофам, и возможным путям их решения.

Ключевые слова: пенсионное обеспечение, радиационные и техногенные катастрофы, проблемы, льготные условия.

В условиях современного общества возникают проблемы в области социального обеспечения лиц, наиболее нуждающихся в дополнительной поддержке со стороны государства и его органов. В целом вопросы социального обеспечения являются наиболее актуальными в социальном и правовом поле российского государства.

В частности, одним из проблемных аспектов следует считать пенсионное обеспечение граждан, которые стали жертвами Чернобыльской катастрофы в 1986 г. Инструменты социальной защиты граждан, пострадавших от радиационных и техногенных катастроф несовершенны, требуют законодательной доработки в целях наиболее полного обеспечения соблюдения прав указанной категории граждан.

Прежде всего, сложности проявляются в том, что зачастую органы социальной защиты на уровне субъектов Российской Федерации и муниципалитетов принимают неправомерные решения по отказу в предоставлении льгот гражданам, у которых отсутствуют, например, доказательства факта проживания на территории, подвергшейся глобальной экологической катастрофе [2, с. 84]. Принимаемые компетентными органами власти в области социальной защиты решения чаще всего обжалуются в судебном порядке в целях установления справедливости и предоставления льгот пенсионного обеспечения.

Приведем пример из судебной практики, иллюстрирующий сказанное нами. Заводской районный суд г. Орла по делу № 2–959/2025 [1] удовлетворил требования истца ФИО1 к отделению Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации по Орловской области о признании права на досрочное назначение пенсии с учетом снижения пенсионного возраста в связи с проживанием на территории зоны с льготным социально-экономическим статусом, назначении пенсии. Суд пришел к выводу о доказанности факта постоянного проживания истца в оспариваемые периоды в населенных пунктах, относящихся к зоне проживания с льготным социаль-

но-экономическим статусом, следовательно, истец имеет право на назначение пенсии со снижением пенсионного возраста на три года.

В данной ситуации, на наш взгляд, ключевую роль должны сыграть органы прокуратуры Российской Федерации. Их задача заключается в том, чтобы обращаться в суды с целью защиты прав и свобод «чернобыльцев», что соответствует основному назначению прокуратуры как надзорного органа в области соблюдения законности.

Не менее значимой является проблема обширного массива нормативно-правовых актов, которые регулируют правила и порядок пенсионного обеспечения граждан, пострадавших от радиационных и техногенных катастроф. Получатели государственных услуг по пенсионному обеспечению среди представителей населения, пострадавшего от неблагоприятного воздействия последствий техногенных катастроф, чаще всего не уверены в возможности получения различного рода социальных льгот, поскольку нормативно-правовой объем настолько велик, что не позволяет гражданам без юридического или иного профильного образования определить для себя возможность улучшения уровня жизни.

Учитывая существующую проблемную ситуацию, связанную с указанной сложностью, представляется необходимым провести систематизацию законодательства, предоставляющего льготные условия, например, по досрочному выходу на пенсию, в отношении лиц, имеющих статус «чернобыльца».

Приведем еще один пример из судебной практики Конституционного Суда Российской Федерации в целях иллюстрации сложности и запутанности законодательной базы в рассматриваемой сфере.

Алексей Подвизников, участник ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, обратился с жалобой в Конституционный суд Российской Федерации, в которой просил признать неконституционными положения федерального законодательства о социальной за-

щите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие техногенной катастрофы, поскольку они лишают граждан, проходивших военную службу на специальных учениях, связанных с производством работ по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, и признанных инвалидами по заболеванию, возникшему в связи с выполнением этих работ, права на получение одновременно двух пенсий: государственной пенсии по достижении пенсионного возраста и пенсии по инвалидности.

Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что оспариваемые положения не предполагают лишения военнообязанных, призванных на специальные сборы для ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, права получать одновременно две пенсии — по инвалидности и по старости [3, с. 99].

На наш взгляд, основная проблема заключается не в самом законе, а в формулировках, касающихся определения инвалидности для чернобыльцев, а также в их интерпретации сотрудниками территориальных органов Социального фонда Российской Федерации. Непоследовательность действий этих органов и отсутствие разъяснений со стороны высшего органа исполнительной власти

о том, какая именно формулировка предоставляет те или иные права, также играют свою роль.

Следующей проблемой можно считать недостаток разъяснений и рекомендаций со стороны федеральных властей по применению законодательства, что также усугубляет ситуацию. Граждане, подвергшиеся глобальной техногенной катастрофе, не всегда знают, какой перечень документов необходимо предоставить для получения пенсионных выплат и иных льгот, что также затягивает процесс и усложняет социальную адаптацию данной категории населения. Разработка программ социальной интеграции для пострадавших граждан — одно из лучших решений, направленных на повышение качества государственного обслуживания таких граждан.

Таким образом, неясность законодательных формулировок, а также иные рассмотренные проблемы, фактически привела к нарушению права граждан, участвовавших в ликвидации последствий чернобыльской катастрофы в 1986 году, на получение двух пенсий. Проблемы пенсионного обеспечения граждан, пострадавших от радиационных и техногенных катастроф, требуют комплексного подхода к решению.

Литература:

1. Решение Заводского районного суда г. Орла от 29 апреля 2025 г. по делу № 2–959/2025 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. — URL: <https://clck.ru/3Q4i2X>.
2. Понеделков А. В. Социальная защита и поддержка инвалидов, ветеранов, людей, подвергшихся радиационному воздействию / А. В. Понеделков, А. Н. Аверин, А. С. Бутова // История. Культурология. Политология. — 2024. — № 4. — С. 80–86.
3. Кириллова Т. К. Пенсии, пособия, льготы как форма социального обеспечения пострадавших в результате радиационных и техногенных катастроф / Т. К. Кириллова, А. Ю. Алискеров // Закон. Право. Государство. — 2021. — № 2 (30). — С. 97–101.

Принципы примирительных процедур в цивилистическом процессе

Карамышева Ульяна Сергеевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье проанализировано понятие примирительных процедур и их основные принципы, закрепленные ГПК РФ и Регламентом проведения судебного примирения. В связи с несогласованностью системы принципов примирительных процедур, закрепленных в указанных выше источниках, предложено дополнение ст. 153.1 ГПК РФ принципом независимости посредника.

Ключевые слова: посредник, примирительные процедуры, цивилистический процесс, принципы, внесудебные способы урегулирования спора, альтернативные способы урегулирования спора.

В рамках научной литературы высказываются различные точки зрения относительно понятия и сущности механизма альтернативного (внесудебного) разрешения правовых споров. Так, Н. И. Гайдаенко-Шер и Н. Г. Семилютина данный механизм определяют как «законные способы разрешения споров, не предусматривающие обращения конфликтующих сторон в государственные суды» [4, с. 2].

М. А. Романенко пишет о том, что альтернативные формы разрешения правовых споров — это «совокупность про-

цедур, направленных на разрешение правового конфликта путем достижения взаимоприемлемого результата, не обладающая признаками судебного разбирательства, применяющаяся до, во время или вне судебного процесса» [13, с. 50].

Г. В. Севастьянов под альтернативными способами разрешения споров понимает «право выбора любого не запрещенного законом способа разрешения спора и урегулирования конфликта самими субъектами спорного правоотношения исходя из конкретной ситуации» [14].

В. Т. Конусова приводит следующее определение: «негосударственные процедуры урегулирования гражданско-правовых споров являются формой защиты прав, применяемой на основе соглашения сторон, признаваемой публичной властью, самостоятельной по отношению к государственному правосудию и используемой для урегулирования (разрешения) гражданско-правовых споров» [9].

А. Ю. Коннонов считает, что внесудебное урегулирование споров представляет собой «систему взаимосвязанных действий сторон и иных лиц по рассмотрению возникшего спора, направленных на его внесудебное урегулирование или разрешение с использованием примирительных или иных не запрещенных процедур, осуществляемое на основании добровольного волеизъявления сторон» [8].

В рамках настоящего исследования интересным также видится терминологический аспект, поскольку, как следует из приведенных выше доктринальных позиций, рассматриваемые способы урегулирования споров именуется и «альтернативными», и «внесудебными». Кроме того, применяются учеными и такие термины, как «доюрисдикционные» [6], «претензионные» [11], «негосударственные», «неформальные» и др.

На наш взгляд, рассматриваемые формы урегулирования споров не являются полностью свободными от какого-либо государственного вмешательства, хотя и не носящего непосредственного характера. Так, как было указано ранее, все существующие «внесудебные» формы урегулирования споров являются законными — то есть, предусмотренными и регламентированными нормами действующего законодательства. В рассматриваемом вопросе можно сослаться и на выполнение государственными судами функций содействия в отношении третейского суда. Спорным видится и употребление термина «альтернативные способы». Так, в соответствии с Большим энциклопедическим словарем слово «альтернатива» определяется как необходимость выбора одного из нескольких взаимоисключающих возможностей; как каждая из взаимоисключающих друг друга возможностей [3].

В связи со сказанным, целесообразно согласиться с теми авторами, которые рассматриваемые способы урегулирования споров предлагают именовать «внесудебными» [5; 7]. Как отмечает Л. И. Носенко, такие способы урегулирования споров являются находящимися за пределами судопроизводства в юриспруденции» [12], поскольку, несмотря на возможность косвенного участия, и государственного суда, и государства в целом, само урегулирование спора происходит без их участия.

Как известно, примирение сторон в соответствии с положениями ст. 153.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [1] осуществляется на основании таких принципов, как: добровольность, со-

трудничество, равноправие и конфиденциальность. Аналогичные принципы выделяет и Пленум Верховного Суда РФ в рамках регламента проведения судебного примирения с дополнением данной системы принципом независимости посредника [2].

Так, на основании анализа научных трудов различных ученых можно выделить и охарактеризовать следующие принципы примирительных процедур:

1) принцип добровольности (диспозитивности), в соответствии с которым стороны добровольно, без какого-либо внешнего воздействия соглашаются на применение конкретной процедуры;

2) принцип сотрудничества, поскольку одной из задач рассматриваемого института выступает достижение согласия сторон и урегулирование спора на основании обоюдного согласия сторон, за исключением разбирательства дела в третейском суде);

3) принцип равноправия, в соответствии с которым стороны наделены равными возможностями по защите своих прав и законных интересов, а также не имеют процедурных преимуществ и несут ответственность за исполнение достигнутых соглашений;

4) принцип конфиденциальности, в соответствии с которым взаимная договоренность участвующих в урегулировании спора лиц предоставляет возможность не разглашать обстоятельства самого конфликта и сведения, ставшие известными в связи с обращением к внесудебной форме урегулирования конфликта [10, с. 18];

5) принцип независимости посредников, в соответствии с которым отношение судебного примирителя к каждой из сторон является беспристрастным, уважительным и доброжелательным. Судебный примиритель обеспечивает равное участие сторон в судебном примирении. Судебный примиритель обязан сообщить суду и сторонам о любых обстоятельствах, которые могут вызывать сомнения в его независимости и беспристрастности. Судебный примиритель независим и осуществляет свою деятельность самостоятельно, без участия судьи, в производстве которого находится данное дело.

Таким образом, на основании изложенного, в связи с отсутствием единства мнений в рамках научной литературы относительно употребления юридической терминологии при характеристике рассматриваемого института, считается возможным принять позицию ученых, которые применяют термин «внесудебные» способы урегулирования споров. Кроме того, считается возможным внести дополнение в ч. 2 ст. 153.1 ГПК РФ посредством дополнения закрепленной в норме системы принципов примирения сторон принципом независимости посредника, на который указано в Регламенте проведения судебного примирения.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.

2. Регламент проведения судебного примирения (Утвержден постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2019 г. № 41) // Доступ из Справ. — правовой системы «Консультант Плюс».
3. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс] // Gufo.me. URL: <https://gufo.me/dict/bes?ysclid=l8dmn8x0d6394054025> (дата обращения: 12.09.2025).
4. Гайдаенко-Шер Н. И., Семилютина Н. Г. Формирование системы альтернативных механизмов разрешения споров: бесконфликтное общество как основа противодействия коррупции: научно-практическое пособие. М.: ИНФРА-М., 2016.
5. Давыденко Д. Л. Вопросы юридической терминологии в сфере «альтернативного урегулирования споров» // Третейский суд. 2009. № 1. С. 40–53.
6. Елисейкин П. Ф. Природа доюрисдикционного урегулирования разногласий // Вопросы развития и защиты прав граждан. 1975. № 1. С. 66–68.
7. Игнатович Н. М. Внесудебные способы защиты субъективных гражданских прав // JSRP. 2014. № 6 (10). С. 56–61.
8. Коннонов А. Ю. Понятие, классификация и основные виды альтернативных способов разрешения споров // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 122–128.
9. Конусова В. Т. Негосударственные процедуры урегулирования гражданско-правовых споров // Закон и права. 2010. № 8. С. 29–35.
10. Котлярова В. В. Альтернативные способы урегулирования и разрешения споров в России / под ред. А. В. Юдина. Самара: Издательство Самарского университета, 2021.
11. Михрусева С. Д. К вопросу о терминологии понятия альтернативного разрешения споров // Вестник БГУ. 2013. № 2. С. 47–50.
12. Носенко Л. И. Соотношение альтернативного и внесудебного порядка рассмотрения споров: теоретический аспект // Вестник ОГУ. 2014. № 3 (164). С. 43–44.
13. Романенко М. А. Альтернативные формы разрешения правовых конфликтов в сфере прав человека и гражданина: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008.
14. Севастьянов Г. В. Альтернативное разрешение споров: понятие и общие признаки // Третейский суд. 2016. № 2. С. 138–149.

Актуальные проблемы пенсионного обеспечения военнослужащих — участников специальной военной операции и пути их решения

Ким Станислав Эдуардович, студент магистратуры

Дальневосточный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Хабаровск)

В статье автор исследует актуальные проблемы, с которыми сталкиваются военнослужащие в условиях специальной военной операции и предлагает пути решения данных проблем.

Ключевые слова: обеспечение, проблемы, решения.

Пенсионное обеспечение представляет собой ключевой элемент системы социальной защиты участника специальной военной операции, непосредственно влияющие на качество их жизни после прохождения военной службы, когда такой этап жизни наступит. Однако именно в этой сфере наблюдаются наиболее острые проблемы, требующие незамедлительного решения. Особой значимостью пенсионного обеспечения является — необходимость обеспечить достойный уровень жизни ветеранов после завершения военной службы.

Анализ существующей практики показывает, что проблемы в данных сферах имеют как объективный характер, связанный с масштабами и интенсивностью СВО, так и субъективный, обусловленный недостатками организации соответствующих систем. При этом многие из

этих проблем имеют системный характер и уходят корнями в общие проблемы российской системы пенсионного обеспечения.

Проблемы пенсионного обеспечения участников СВО связаны с несколькими аспектами: размером пенсий, порядком их назначения, а также соотношением военных пенсий с пенсиями гражданских лиц [1]. Эти проблемы имеют особое значение, поскольку пенсионное обеспечение является основой материального благополучия военнослужащих после завершения военной службы.

Основной проблемой пенсионного обеспечения является недостаточный уровень военных пенсий. Как отмечается уровень военных пенсий практически сравнялся с уровнем пенсий гражданских лиц, что не соответствует характеру военной службы и связанным с ней рискам

и ограничениям. Средний размер военной пенсии в 2025 году составляет около 35–40 тысяч рублей, что лишь незначительно превышает среднюю страховую пенсию по старости.

Данная проблема усугубляется тем, что размер денежного довольствия для исчисления военных пенсий не индексировался в полном объеме. В настоящее время понижающий коэффициент составляет 89,83 %, что означает, что при исчислении пенсии учитывается не полный размер денежного довольствия, а только его часть. Хотя данный коэффициент постепенно повышается (в 2024 году он составлял 89,32 %), темпы его роста недостаточны для обеспечения достойного уровня пенсионного обеспечения военнослужащих [2,3]. Проблемой является также сложность процедуры назначения военных пенсий. Для получения военной пенсии военнослужащему необходимо собрать значительное количество документов, подтверждающих периоды военной службы, размер денежного довольствия, наличие особых условий службы и другие обстоятельства. Процесс сбора этих документов может занимать длительное время, особенно если часть документов утрачена или находится в архивах. Особые сложности возникают при назначении пенсий по инвалидности вследствие военной травмы. Для получения такой пенсии необходимо пройти военно-врачебную экспертизу, которая установит причинно-следственную связь между заболеванием (ранением) и военной службой. Однако процедура прохождения экспертизы может затягиваться, а в некоторых случаях экспертные комиссии отказывают в признании причинной связи, что лишает военнослужащего права на пенсию по инвалидности.

Проблемой является также недостаточная дифференциация размеров пенсий в зависимости от тяжести полученных ранений и степени утраты трудоспособности. Хотя размер пенсии по инвалидности зависит от группы инвалидности, эта дифференциация не всегда в полной мере отражает различия в социальных последствиях инвалидности различных групп [4,5].

Для решения проблем пенсионного обеспечения участников СВО необходимо реализовать комплекс мер.

Первое направление — повышение уровня военных пенсий. Необходимо обеспечить опережающую индексацию военных пенсий по сравнению с инфляцией, а также постепенно довести понижающий коэффициент для исчисления пенсий до 100 %, чтобы при расчете пенсии учитывался полный размер денежного доволь-

ствия. Целесообразно также установить повышенные размеры пенсий для участников СВО, получивших ранения или заболевания в период участия в боевых действиях. Это могло бы быть реализовано через введение специальной надбавки к пенсии для данной категории военнослужащих, размер которой зависел бы от тяжести полученных ранений и продолжительности участия в СВО.

Второе направление — упрощение процедуры назначения военных пенсий. Необходимо максимально использовать межведомственное электронное взаимодействие для получения необходимых документов без участия заявителя, создать единую электронную базу данных о военнослужащих, содержащую всю информацию, необходимую для назначения пенсии, а также внедрить проактивное назначение пенсий, когда пенсия назначается автоматически при наступлении соответствующих обстоятельств без необходимости подачи заявления.

Третье направление — совершенствование системы назначения пенсий по инвалидности. Необходимо упростить процедуру прохождения военно-врачебной экспертизы, установить четкие критерии для признания причинной связи между заболеванием (ранением) и военной службой, а также обеспечить возможность обжалования решений экспертных комиссий в упрощенном порядке.

Для участников СВО, получивших ранения, следует установить презумпцию причинной связи между ранением и военной службой, что освободит их от необходимости доказывать эту связь в ходе военно-врачебной экспертизы. Это позволит ускорить процесс назначения пенсий и устранил необоснованные отказы.

Четвертое направление — совершенствование дифференциации размеров пенсий. Необходимо более детально дифференцировать размеры пенсий по инвалидности в зависимости от тяжести полученных ранений и степени утраты трудоспособности. Для этого следует разработать шкалу оценки тяжести ранений и их социальных последствий, на основании которой определялся бы размер пенсии.

Таким образом решение проблем пенсионного обеспечения требует как увеличения финансирования (повышение размеров пенсий), так и организационных изменений (упрощение процедур, совершенствование дифференциации). При этом ключевым является обеспечение справедливости пенсионной системы, когда размер пенсии действительно отражает вклад военнослужащего и тяжесть последствий военной службы для его здоровья.

Литература:

1. Закон РФ О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей: Закон РФ от 12.02.1993 № 4468–1 (изм. От 23.05.2025) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. — 1993. — № 9. Ст.328.
2. О проведении специальной военной операции: Обращение Президента России от 24 февраля 2022 г. // Российская газета, 25 февраля 2022 г., № 41.

3. Об определении порядка поступления граждан Российской Федерации в добровольческие формирования, пребывания в них и исключения из них, требований, предъявляемых к гражданам Российской Федерации, поступающим в добровольческие формирования и пребывающим в них, а также порядка заключения контракта гражданами Российской Федерации о пребывании в добровольческом формировании и типовой формы контракта: Приказ Министра обороны РФ от 15 февраля 2023 г. № 67 // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406397447/> (дата обращения 8.10.2023).
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 4 ноября 2022 г. № 419-ФЗ // Интернет-портал правовой информации <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/77766.html> (дата обращения 8.10.2023).
5. О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации: федер. закон № 31-ФЗ от 26.02.1997. // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 марта 1997 г. N 9 ст. 1014

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 44 (595) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 12.11.2025. Дата выхода в свет: 19.11.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.